
НЕВИДИМЫЙ
МИР
ДЕМОНОВ

Невидимый мир демонов

«Новая мысль»

2012

Невидимый мир демонов / «Новая мысль», 2012

Реальность существования злых духов, механизм воздействия темной силы на людей, средства для успешной борьбы с бесами.

Содержание

Невидимый мир демонов
Составитель Алексей Фомин

НЕВИДИМЫЙ МИР ДЕМОНОВ

Реальность существования злых духов, механизм воздействия темной силы на людей, средства для успешной борьбы с бесами

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви ИС 12-121-2163

Предисловие

«Человек, живущий лишь материальными интересами и физическими ощущениями, не задумывается над такими «отвлеченными» вопросами, как существование Бога, существование духовного мира с добрыми и злыми духами, о загробной жизни. Он полностью поглощен своими каждодневными заботами. Но вдруг какие-то неожиданные потрясения встряхивают его, и он начинает чувствовать потребность осмыслить свою жизнь и увидеть цель своего существования. И вот, когда он задумывается над духовно-моральной стороной жизни, он быстро убеждается в том, что наука, в которую он до сих пор так верил, совершенно бессильна в том, чтобы помочь ему разобраться в его самых насущных и животрепещущих вопросах.

Если в нем совершенно не убито религиозное чувство, то он почувствует потребность обратиться к Богу, начнет молиться и читать Священное Писание. И если это не мимолетное лишь и поверхностное отклонение, а действительно серьезный перелом в жизни, искреннее желание стать лучше, то Бог начнет обновлять его сердце и открывать его внутреннему взору новые горизонты. Человек начнет явственно ощущать ведущую руку Господа, Его близость и Отеческую любовь. Он начнет понимать, что мир гораздо шире и богаче содержанием, чем ему раньше казалось. Он станет более чутко отличать добро от зла, начнет сознавать, что есть духовный мир и невидимые существа, которые влияют на его жизнь: одни в добром, другие в дурном направлении, что, кроме Бога, существуют Ангелы и бесы.

Ознакомление с духовным миром интересно и важно. Но откуда узнать о нем? Литература на эту тему очень обширна, противоречива, наполнена выдумками и всякой фантастикой. Однако учение Священного Писания на эту тему, хотя и лаконично, но очень четко и точно. Священное Писание учит, что существуют светлые и добрые Ангелы и что каждый христианин имеет своего Ангела-хранителя.

Кроме Ангелов, существуют бесы. Священное Писание и жизненный опыт убеждают в том, что они действительно существуют и представляют для всех не кажущуюся, а действительную и постоянную опасность. Как в человеческом обществе, наряду с нормальными и благонамеренными людьми, существуют всякие преступники, дегенераты, психопаты, садисты и так далее, так и в мире духов, кроме светлых и добрых Ангелов, существуют «подонки» духовного мира – дьявол и бесы. Как в нашем мире никто не рождается преступником, садистом или развратником, но становится таким вследствие своей беспорядочной и греховной деятельности, так и в том невидимом мире все существа поначалу были добрыми и благонамеренными, а потом некоторые из них, избрав дурной путь, развратились и стали сознательно-злыми. Вследствие преступной деятельности ангельский разум их помрачился, и они стали злыми, импульсивными и беспорядочными. Они находят удовольствие в том, чтобы причинять страдания другим и сеять всякое зло»[1].

«Когда в познании тайн мироздания человек сделал неизмеримый скачок по сравнению с эпохой Средневековья, можно ли говорить всерьез о падших ангелах, о диаволе как реальном существе, реальной силе, действующей в мире? Все разговоры о диаволе в наши дни – это не пережиток ли далекого прошлого, не порождение ли больного воображения или расстроенной психики?

Многие люди, услышав что-нибудь о диаволе и его кознях, принимают это за сказку. Но что бы люди ни говорили и ни думали о диаволе, он есть на самом деле, это неоспоримо. Диавол существует, его пагубные действия проявляются повсюду в мире. По мнению одного французского писателя, величайшей победой диавола было то, что он смог внушить людям, будто его нет.

Под диаволом Св. Писание понимает личность, свободноразумное и бесплотное существо, отпавшее от Бога по своей собственной воле. Некоторые философы пытаются превратно

истолковать слово Божие и говорят, будто бы в тех местах Священного Писания, где речь идет о злых духах, надо иносказательно подразумевать человеческие грехи, пороки, страсти, нечистые пожелания. Но это в корне неверно. В Св. Библии злому духу даются такие наименования, которые явно изображают его как личность – «лукавый», «сатана», «искуситель», «человекоубийца» и т. п. Кто заменяет личное имя диавола безличным словом «зло», тот отрицает реальное существование злого духа, и таковой человек не может быть истинным христианином – последователем Христа Спасителя, воплотившегося с целью разрушения дел диавола»[2].

«Диавол с демонами, после того, как через преслушание сделал человека изгнанником из рая, отлученным от Бога, получил доступ мысленно колебать разумную силу всякого человека и днем, и ночью, иного сильно, иного не очень, а иного слишком сильно. И не иначе можно оградиться от этого, как непрестанной памятью о Боге, которая, запечатлевшись в сердце силою Креста, утвердит ум в непоколебимости»[3].

«Сегодня отрекающиеся от сатаны, и дуют, и плюют на него. Следует помнить, что внешне простое и незатейливое действие, которое иногда вызывает у пришедших улыбку[4], на самом деле является событием, совершающимся лишь раз в жизни, событием, которое имеет отношение ко всей жизни (и земной, и вечной) человека.

Вдумайтесь: отречение от сатаны означает ссору с сатаной, вызов сатане. «И можно не сомневаться, что сатана не забудет этого отречения, этого вызова»[5]. «Дунь и плюнь на него!» Война объявлена! Начинается битва, исход которой – либо вечная жизнь, либо вечная гибель»[6].

Глава 1
Реальность существования злых духов

Существуют ли демоны?

Есть ли в мире злые ангелы – злые духи или демоны? Нет, отвечают некоторые. А чем докажете, что их нет? Как, чем докажете? Тем, что их никто не видел, никто не осязал, никто… Ну, да одним словом, их нет, существование их противно здравому уму.

Только-то? Тут и все ваши доказательства? Ну, а если злые духи в самом деле существуют, если они имеют влияние на нашу душу; если они могут вредить ей – тогда что?

Вы не видели, не осязали злых духов? Да кто же из вас видел и осязал свою душу?… Так поэтому и душа ваша миф? Далее, кто из вас видел и осязал Бога? Поэтому и Бога нет? Поэтому вы безбожники!

Если же вы могли убедить себя в бытии Бога-Духа, если вы могли убедить себя в бытии души, существа духовного, невидимого, живого, то можете и должны убедиться в бытии злых духов.

Как наш разум познает бытие и свойства Божии? Ведь он его не видит, не осязает, он видит только Его дела, Его творения, и от действий и явлений переходит к причине, и говорит: «да, есть Бог, и вот его свойства те и те…» Не так ли?

Как наше чувство познает Бога? Правда, это не все испытывают, но смогли бы испытать, потому что чувство – это осязание духа – всем дано, но не у всех оно чисто, беспорочно, не у всех развито чувство такой чуткости, при которой дух наш соединяется с Богом, вкушает, осязает Его больше, чем видит. Со всем тем, как бы это чувство заглушено не было земными страстями и пристрастиями, все-таки человек, прежде всего своим чувством ощущает Бога, Его близость к себе, Его любовь и потом уже умом своим мыслит о Нем, разумом созерцает Его.

Как наша воля познает Бога? Это все знают, совесть каждого радует за содеянное добро, за исполнение закона, преследует угрызениями за содеянное зло, за нарушение закона, начертанного в самой глубине души.

Итак, бытие и свойства Божии мы познаем чувством, волей и разумом, из ощущения, повиновения и рассматривания Его дел, воли и действий.

Точно также и теми же орудиями мы познаем бытие и свойства нашей души. Нет человека, какой бы упорный и отчаянный материалист и атеист он не был на словах, но который бы в глубине своего существа не познавал бы Бога и своей души.

Точно тем же путем и теми орудиями, чувством, волей и разумом мы можем познавать и сознавать бытие злых духов. Мы познаем их по их действиям и делам, которых тьма тьмущая в истории человечеств. Попробуйте-ка, вглядитесь попристальнее.

Есть мир духов, которого мы не видим, не осязаем, но под влиянием которого все мы находимся каждую минуту жизни, который ближе к нам, нежели все то, что каждый день и час мы видим, слышим и осязаем. Живя на земле, используя преимущественно внешние чувства, мы часто вовсе не помышляем, что происходит вокруг и выше нас, между тем, в это самое время, когда мы так мало думаем о себе, весь духовный мир вокруг нас – в сильном и непрерывном движении, в великой борьбе за наши души, во всегдашнем споре за нашу судьбу. Ибо, по возвышенному взору евангельских писателей на нашу природу, мир человеческий стоит между двумя мирами: между светлым миром – ангельским – и между царством тьмы, миром бесовским. Тот и другой ведут брань за нас, и сам Господь готовит бранные доспехи.

Какое отношение имеет к нам мир бесовский? Мы окружены этим миром; злые духи также тесно живут с нами, как мы тесно живем с нашими мыслями и чувствами. Эти тайные враги смотрят на нас в каждую минуту нашего бытия, наблюдают все шаги наши, замечают каждый шаг, каждый поступок. Они не спят и потому удобно сторожат у изголовья нашей постели, когда мы ложимся и спим без молитвы. Не тратят времени на пищу, и потому изыскивают случаи, дабы вместе с пищей, без имени Божия принятую, по допущению Божию, вселиться в душу нашу, чему видим пример на Иуде. Они живут с нами в домах наших, если эти дома нечестивы; преследуют нас вне дома, если мы идем без страха Божия; под защитой нашей вкрадываются даже в храм Божий, дабы издеваться над нашей молитвой, если мы совершаем ее в суете и рассеянности. Они называются начальствами тьмы, ибо от них первоначально произошло и происходит зло в мире, – властями, ибо они могущественнее человека, оставленного без помощи Божией, – миродержителями тьмы века сего. Все злое, нечистое и нечестивое в мире они, духи злобы, большей частью и начинают, заправляют и поддерживают и приводят к исполнению. Это составляет их мрачную стихию, их область темную. И мир человеческий часто бывает так грешен и зол, так распутен и мрачен в делах своих, что в нем невозможно обитать Господу, а обитание в роде лукавом и прелюбодейном прилично самому сатане. Они именуются духами злобы поднебесными, ибо живут в воздухе, которым мы дышим, населяют реки и моря, торжествуют в гробах нечестивцев, устрашают мечтаниями в ночи, увлекают соблазнами во время дня, словом, – они везде есть, где есть человек: прикасаются ко всему, до чего дотрагивается человек, или до чего он может коснуться. Этой печальной истине есть доказательство простое, всем известное и каждым из нас более или менее испытанное, это – внутреннее наше чувство, в некоторые минуты поражающее нас невольным страхом, которого не могут истребить ни льстивые убеждения ложного разума, ни хитрости диавола. Скажите, отчего, например, мы чувствуем робость, когда сидим одни в глубоком часу полуночном и боимся ступить за порог жилья своего, как будто за ним точно ожидает нас душегубец? Отчего боимся в час вечерний оставаться одни на берегу озер и рек, боимся даже встретить там человека, как будто бы он был не человек, а привидение? Почему в сумраке ночном страшны бывают нам кладбища, как будто бы это место, где покоится священный прах наших предков, были жилищами злых духов? Отчего ощущаем насильственный трепет, когда вступаем в пустой полуразрушенный дом, где некогда жил и веселился не совсем праведный богач, или когда запоздаем в глубине мрачных рощ и лесов, хотя бы совершенно и были уверены, что тут нет ни лютых зверей, ни злых людей? Почему все это? Это не просто детский страх, ибо его ощущают люди самые крепкие духом. Нет, в этом случае, внутреннее наше чувство, действуя независимо от тела, без труда угадывает влияние существ невидимых; наша душа не занятая предметами внешними, становится ближе к духовному миру и как бы видимо ощущает прикосновение сил темных. Отсюда у всех народов вера в существование злых духов; оттого бесчисленное множество народных сказаний о действиях и явлениях таких духов; поэтому часто слышим выражение: это место не доброе; такие-то часы неблагополучные и черные в нашей жизни и т. п. Конечно, в этих простых сказаниях много ложного и суеверного; но главное основание их справедливо, ибо действительно, есть такие дни и часы в нашей жизни, когда диавол нападает на нас с особенной силой. Сам апостол Павел называет такие дни злыми, лютыми, бедственными для нас: «Приимите всеоружие Божие, – говорит он, – дабы вы могли противостать в день злой и, все преодолев, устоять» (Еф. 6, 13).

Евстратий (Голованский Иоанн Антонович). Явления злых духов в прошедшее и настоящее время. – Киев, 1871.

Реальность темной мистической силы

«В сентябре 2000 года во время папской мессы произошло нечто необычное. Неожиданно для присутствующих некая юная итальянка начала вести себя, мягко говоря, неадекватно. «Сатанинский смех исходил из девушки», писали газеты. Папа Римский лично приблизился к ней и попытался произвести акт экзорцизма – изгнания диавола. Но бес затих лишь ненадолго. А потом, как оказалось, проявился с новой силой. Рогатый папе не поддался. (В католицизме, кстати, чин экзорцизма формально отменен в 1972 году).

Случившееся не прошло бесследно. Прагматичный и уже почти безрелигиозный мир задумался: реальна ли эта незримая и страшная сила? А то ведь, улавливая влияние невидимого, тонкие поля признает физика; «черные дыры» – астрономия… Только в незримых духов, которые воздействуют на каждого из нас ежесекундно, мы не верим. Мы, сами являющиеся духами, облеченными плотью!

Еще Гете говорил: обыватель не замечает диавола, даже когда тот держит его за глотку. Рабу комфорта кажется, что изгнать виртуального диавола легко: выключи телевизор, на экране которого он присутствует почти постоянно, – и все. Действительно, на Западе, исполняющем похоти лукавого, демоны ненавязчивы. Диавол продал кинокомпаниям права на использование его имени и стал в один ряд с Микки-Маусом. Поэтому даже богословы в этих несчастных странах рассуждают о диаволе как-то спокойно, отвлеченно.

Многие считают сатану лишь фигурой речи. Абстрактным символом зла. А значит, поддаются тому, кто назван «отцом лжи». Об этом говорит и святой праведный Иоанн Кронштадтский: «Упорное неверие в злых духов – есть настоящее беснование, потому что идет наперекор истине, наперекор откровению Божию. Господь пришел на землю именно для того, чтобы разрушить дела диавола и спасти от насилия его человека. Если нет диавола, то нет христианства, тогда пришествие в мир Сына Божия было бы не нужно. Но это нелепо. И опыт каждого из нас, и здравый смысл, история жизни святых и история всех народов удостоверяет нас в бытии злых духов… Духовно узреть их очень важно. Ведь суть игры в прятки такова: если нет диавола, то нет и Бога…»[7]

Приведем отрывок из книги М. В. Лодыженского «Мистическая трилогия».

«Если нами усвоена идея о реальности силы Божества Личного, то нами должна быть признана и другая идея об иной мистической и притом также личной силе – о силе противоположной Божественной. Если мы признаем Незримый Свет Божества Личного, то должны признать и тьму, идущую из темных личных сил.

Здесь надо заметить, что усвоение этой последней идеи является наиболее трудным в наш век скептицизма ко всему мистическому, – скептицизма, возникшего после победоносных завоеваний положительного знания, разоблачившего многие суеверия минувших эпох. Человечество выбилось из своей, прежней крайности в суевериях, но зато оно впало в другую крайность – в крайность поклонения только материальному началу, как единому носителю истины, в крайность огульного отрицания всего не материального, не ощущаемого пятью нашими чувствами.

Однако и этой крайности должен придти свой конец.

В последнее время, с появлением в мире многих великих открытий, сбивших материалистические воззрения с их позиций, с развитием исследований в области психологии пришла очередь пошатнуться вере людей и в незыблемость материализма.

И, вот, стали появляться признаки ослабления скептицизма отрицающего все мистическое; стал ослабевать и скептицизм отрицающий темную (злую) мистическую силу.

Существование диавола и бесов для нашего русского философа Вл. Соловьева было фактом серьезным и столь же доказанным, как существование животных и растений. По сообще-

ниям близкого приятеля Соловьева В. Л. Величко, однажды в присутствии Вл. Соловьева был такой случай. Писатель Лесков стал при Соловьеве иронизировать над теми, кто верит в мистическую темную силу. Интересно, как на эту иронию отозвался русский философ.

Услышав эту иронию, говорит Величко, Соловьев вздрогнул; глаза его странно загорелись и он прерывисто произнес:

– Да какой же человек, внимательно всматривающийся в жизнь, может не верить в существование бесов!?

Величко пишет, что это было сказано Соловьевым тоном такого убеждения, что перед нами (участвовавшими в общем разговоре) как будто приподнялась завеса чего-то невидимого и страшного, и Лесков машинально произнес:

– Ну, конечно, еще бы!

Величко далее сообщает, что Лесков, припоминая впоследствии этот факт, говорил ему, что совершенно искренно согласился в ту минуту с Вл. Соловьевым[8].

Итак, независимо от общей идеи о зле, рождающейся в человеке при выяснении им своей эгоистической природы, в наше общество умозрительным путем начинает проникать другая идея – идея, допускающая наличие зла тайного, сокровенного, чувствуемого мистически, зла, как особой энергии, нападающей на человека извне, а для успешной борьбы с этой силой человеку нужно иметь, как и для борьбы со своей эгоистической природой, точку опоры также в ином мире, в том мире, откуда притекает на землю энергия Высшего Добра, именуемая Благодатью Божественной.

Надо вообще сказать, что так как за последние десятилетия наши знания физического мира значительно возросли, то и применение аналогий из этого мира может быть расширено. Через эти аналогии и может быть достигнуто некоторое понимание мира мистического и в данном случае понимание субстанции мистического зла – что и дает нам ответ на поставленный вопрос. Мы говорили – «некоторое понимание», потому что едва-ли когда-нибудь человек своим рассудком в состоянии будет ясно и точно представить себе субстанцию злого духа, какова она есть сама по себе. Если наша философия признает, что мы не в состоянии познать вещи в себе даже в мире физическом, то, конечно, нельзя ожидать от человека точного рассудочного познания существа злой силы.

Напомним сначала читателю некоторые данные из мира физического.

Во-первых мы знаем, что с открытием радиоактивности наша положительная наука отринула прежнюю гипотезу о неделимых атомах. Теперь эта гипотеза заменена другой теорией, по которой атом состоит из частиц энергии, еще более бесконечно малых, чем сам атом, – состоит из частиц, связанных между собой подобно тому, как планеты связаны в движущуюся систему. Каждый атом является сложной планетной системой со своей внутри-атомной энергией; в каждом атоме есть своя внутренняя жизнь – жизнь бесконечного движения. Но наряду с этим мы также знаем, что эти атомы формируют видимые нами тела, что бесконечное различие комбинаций этих атомов, известньм образом между собой связанных, и дает бесконечное разнообразие тел физического мира.

От мира неорганическаго перейдем к миру органическому. Основой органического мира, как мы знаем, является протоплазма – эта жизнедеятельная материя, которая творит живые клеточки и живые тела растительного и животного царств. Внутренняя жизнедеятельность этой протоплазмы, конечно, неизмеримо сложнее внутриатомной энергии неорганических тел; эту жизнедеятельность протоплазмы, образующей живые организмы, мы нашим рассудком уже постичь не можем в той степени, как мы уяснили себе жизнь движения в простом атоме. В протоплазме реагирует уже свой особый фактор энергии – фактор жизненности материи, нам пока совершенно непонятный.

И, вот, мы, минуя вопрос о существе этого фактора, все-таки стремимся изучать органическую жизнь дальше, изучать её в самых различных проявлениях. Идя по этой дороге, мы

наконец добираемся до объяснения причин многих инфекционных заболеваний; мы узнаем, что причиной этих заболеваний являются болезнетворные микробы – эти своеобразные микроскопические комочки протоплазмы (о которой мы только что говорили), – эти тельца с известной особой организацией, существа живые, живущие, как паразиты, в теле человека.

Теперь возвратимся к нашей теме о субстанции злой силы. <…>

Субстанция эта суммирует в себе все эти силы в одну, подобно тому, как иной животный организм суммирует в себе энергию бесконечного числа комочков живой протоплазмы (одетых и не одетых в клеточки), бесконечное число кровяных телец и т. д.

Эта целостная субстанция злой силы и может быть ясно ощутима человеком или в виде зрительного восприятия целого образа или в других восприятиях – слуховых и осязательных.

Человек, получивший, благодаря своей обострившейся психической ненормальности, способность ощущать и даже видеть одну из вредоносных субстанций вне физического мира, судит об этой субстанции совершенно также, как судим мы о вещах физических по впечатлениям наших пяти органов чувств, хотя сами мы в существо этих вещей проникнуть не можем. Человек в данном случае судит о злой силе по тем образам, в которых она ему является.

Образы эти, отпечатлевающиеся в мозгу человека, бывают самые разнообразные; у каждого визионера они получают свою окраску или, так сказать, свой стиль, ибо образы эти известным путем преломляются в восприятиях человека, проходя через призму тех индивидуальных условностей, в которых вырос человек, проходя вместе с тем через особую способность каждого человека чувствовать по-своему мистический мир. У многих, подверженных истерии – это отвратительные гады, которыми они вообще галлюцинируют независимо от галлюцинаций, свойственных каждому истеричному, имеющих свои особые причины к возникновению у каждого больного.

Итак, злая сила одна, но проявления ее разные. Если она «сама по себе и пластична и может различно формироваться, то и человек, на которого она явно воздействует, – чувствует и воспринимает ее, каждый, по-своему. Поэтому-то и является такое разнообразие в видениях демонов.

Но это разнообразие нисколько не опровергает того, что темная сила, действительно, существует; ведь главные психологические черты злой силы во все времена являлись одинаковыми, и в глазах видевших злую силу людей и общавшихся с ней, энергия этой силы направлялась всегда к одним целям: или в сторону усиления злых человеческих страстей, сжигающих человеческую душу, или в сторону растравления нравственных страданий человека…

В следующих главах мы будем говорить о темной силе, являющейся в самых разнообразных видениях. Мы будем вести речь о демонах или бесах или диаволе, как называют злую мистическую силу христианские подвижники. Мы будем говорить о различном внешнем проявлении темной силы и о целостности субстанции ее образа, являющегося в видении – субстанции личной, обладающей мыслью и волей.

Но прежде, чем трактовать обо всем этом, надо закончить собственно философскую сторону исследуемого вопроса о темной силе.

Мы признали демонов, как известную реальность, независимую от человека, но мы ничего еще не сказали о месте демонов в мире, в духовном его космосе и об отношении демонов к Божеству.

Предупреждаем читателя, что здесь мы уже должны выйти из области реальных данных, которых мы старались, по возможности, держаться; здесь мы должны вступить в область религиозных верований и прежде всего сказать, что мы, как христиане, верим в бытие «падших ангелов» – мятежных духов, враждебных Богу, враждебных любви христианской.

В этих религиозных воззрениях наших относительно падших ангелов (они же демоны) мы следуем христианской философии, как наибодее приемлемой для нашего сознания».

Решение возражений против допущения бытия дьявола

Рационализм отрицает возможность и действительность существования сатаны и других злых духов в качестве живых личных существ. Это, конечно, следствие отрицания им бытия всяких духов вообще или ангельского мира вообще. Но в данном случае, смешивая намеренно или ненамеренно библейское учение о злых духах с вульгарными простонародными о них представлениями и изображениями, дьявола в поэзии (Люцифер и все демонические типы, как Манфред, Каин и др. у Байрона, Мефистофель у Гёте, Демон у Лермонтова), мало или вовсе ничего с ним общего не имеющими, рационализм, кроме разных посторонних соображений, старается указать в самом христианском учении такие черты, которые делают его невероятным или неправдоподобным в психологическом и других отношениях. Из бесчисленных возражений можно указать наиболее важные. а) Немыслимым представляется такое глубокое падение, при котором все существо из доброго делается злым, и притом вследствие однократного греховного акта.

Но такое падение совершенно естественно для высшей ангельской природы, особенно могущественнейшего из Ангелов. Его отпадение от Бога не было делом внешнего обольщения, как отчасти это было у людей в раю, не было делом слабости, но твердо принятым, сознательным и намеренным решением собственной воли, воли не человеческой, но могущественной воли, и ума не человеческого, но ангельского. Кто высоко стоит, тот низко и глубоко падает; это общий закон, наблюдаемый и в человеческом нравственном мире. Закон вполне понятный. Чем богаче натура в человеке, тем, конечно, сильнее, глубже и шире все ее проявления, – как в дурном, так и в хорошем: посредственность во всем остается посредственностью, гений – велик во всем. Кто глубоко чувствует и желает, тот глубоко и падает при дурном направлении воли; кто глубоко мыслит, тот глубоко и ошибается: дерево никогда не ошибается, ибо оно не мыслит; животное редко и мало ошибается, ибо оно редко и мало (плохо) думает; глупый человек ошибается больше, но ошибки великого ума ужасны. В природе ангельской все существует и совершается в необычайных для человека размерах; ничто в нас не может сравниться с силой, глубиной, могуществом всех движений их духовного существа: эти движения сильны, быстры и бесповоротны. В человеке самые немощи тела и духа, его слабость и телесность служат часто ограничением греха или злой воли. Решения злой воли находят препятствия к своему осуществлению и свое ограничение в том, что часто начало свое они берут в неустойчивых и изменяющихся движениях тела, внешних впечатлений или чувств, быстро изменяющихся и заменяющихся новыми, одним словом – со вне, а не в самой глубине духа. Мир внешний с разнообразными его впечатлениями не дает злой воле (злу) сосредоточиться внутри, раз оно появилось, выманивает его наружу и тем самым обессиливает, делает его поверхностным и мелким, так что рассеянность служит человеку на пользу. Служит ему на пользу и скука, и усталость, и ограниченность пространством и временем всех движений или актов его ума, воли и чувства, вследствие чего и акты зла души требуют напряжения, времени, вместе с тем влекут за собою усталость и отдых. И самая мысль в человеке, как бы ни была она быстра, подлежит мере времени (1/6 секунды) и пространства. Но ничто не связывает Ангела во всех актах и движениях его существа: ничто не отвлекает его от самого себя, везде он наедине с собою, не может он, даже если бы хотел, укрыться от самого себя за телом и внешним миром, – уйти своими силами во внешний мир: его силы не отвлекаются и не расходуются на стороне в борьбе с материей и для борьбы с ней, но сосредоточиваются, ничего не теряя, в нем самом. Ничто не замедляет и не ослабляет безумство действующего и никогда не требующего отдыха его духа; не находит для себя границ злая воля его во времени: движения его мгновенны, быстры и не подлежат измерению; нет границ им в пространстве: быстро переносится злой ангел с места на место, куда влечет его злая воля, и нет для нее никаких физических препятствий!

б) Неправдоподобным представляется в высшем Ангеле с его высоким и светлым умом безрассудное намерение сравниться с Богом или, по крайней мере, стать от Него независимым. Но намерение это возникает в Ангеле под влиянием охватившей его страсти гордости, которая никогда не делала и не делает никого умным подобно всем страстям, если не больше (любовь, ревность, зависть, тщеславие и проч.). Давно уже сделалось избитой истиной, которую здесь приходится повторить, – что страсть ослепляет и подавляет рассудок, и это в особенности применимо к греховным страстям. Всякий грех в отдельности несет с собой, в различной мере (сообразно со своей важностью) ужасное наказание для человека: он делает его из разумного существом неразумным. Это иначе и быть не может в виду тесной связи между всеми сторонами духовной деятельности и несомненной связи между познанием и сердцем. Ошибки сердца – отзываются и в уме, и это не только в сфере практической, но и научной, где сплошь и рядом видишь действие этого закона, по которому мышление несомненно даровитых и сильных умов поражается каким-то бесплодием, пустотой и неизменностью, когда этим сильным и не мелким умам не достает благородного сердца, возвышенного характера. Ложь сердца влечет за собой ложь и в уме и притом в таких сферах ума, как научное мышление, где, по-видимому, действует т. н. «чистое мышление»; но «от нечистого что может быть чистого, и от ложного что может быть истинного?» (Сир. 34, 4). Неразумие во всем, более или менее явное, это первое проклятие греха, который по существу своему есть неразумие, т. е. отрицание разумного.

Анализ вышеизложенных возражений с ясностью обнаруживает психологическую правдивость христианского учения о дьяволе, нисколько его не колебля.

Светлов П., священник. Опыт апологетического изложения православного христианского вероучения. – Спб., 1896. Т. 1.

Глава 2
О диаволе и демонах

Мир невидимый – «силы бесплотные»

Ветхозаветная священная книга Бытия, повествующая нам о происхождении всего сущего, начинается словами: «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт. 1, 1). Высокоавторитетные толкователи Слова Божьего разъясняют нам, что под этим «небом» надо понимать мир невидимый, невещественный – мир духовный, а под «землей» – мир видимый, вещественный – мир материальный. В этом именно смысле и в Символе нашей веры Бог называется «Творцем небу и земли, видимым же всем и невидимым».

Этот мир невидимый, мир духовный, образно называемый «небом», есть мир бесплотных сил – бесплотных духов, или мир ангельский, который Бог создал прежде творения мира видимого, вещественного, материального.

В честь этих «Честных Небесных Сил Бесплотных», с Архистратигом Михаилом во главе, как их начaловождем, наша Св. Церковь издревле установила праздник, торжественно совершаемый 8-го ноября по нашему православному календарю.

В начале все эти бесплотные силы, или Ангелы, были созданы добрыми духами, исполненными великих совершенств. Но вот, один из самых высших Ангелов – Денница, прекрасный подобно утренней заре, вместо того, чтобы воздать хвалу Богу за свои совершенства прославляя Его, как Творца своего, залюбовался собой и допустил в себе горделивую мысль, что он, в своих совершенствах, ничуть не уступает Богу, что он равен Богу. И эта горделивая мысль послужила причиной к его немедленному падению с высот небесных в глубины адского мрака. Она так исказила, так изуродовала его прекрасный, воистину богоподобный лик, что он в одно мгновение из высшего и совершеннейшего творения Божьего сделался самым отвратительным, самым омерзительным существом. Силы небесные, в лице прочих бесплотных Ангелов, подвиглись на обуянного гордостью Денницу и низвергли его во тьму кромешную.

«Как пал ты с неба, Денница сын зари!» – горестно восклицает о нем св. пророк: «в преисподнюю низвержена гордыня твоя… А говорил в сердце своем: взойду на небо, выше звезд Божьих вознесу престол мой… буду подобен Всевышнему. Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней» (Ис. 14, 12–15).

«Кто, яко Бог! Кто равен Богу?!» – восклицал победоносно Архистратиг небесных сил, низвергший Денницу, и дано ему славное имя: «Михаил», что и значит: «Кто как Бог», – а Денница стал Сатаной.

Так произошел, еще на самой заре мировой истории, в мире духовном, до появления мира вещественного, первый бунт против законной Божеской власти, первая революция, имевшая потом такие неисчислимо бедственные и горестные последствия!

Бесчисленные тьмы тем ангельских воинств: Ангелы, Архангелы, Начала, Власти, Силы, Господствия, Престолы, многоочитые Херувимы и шестокрылатые страшные Серафимы окружают Престол Божий, взывая «непрестанными усты, немолчными славословиями: «Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф, исполнь небо и земля славы Твоей!» Все эти Ангелы Божьи, оставшиеся верными Богу, суть провозвестники и исполнители воли Божьей, как показывает само их название, ибо слово «ангел» значит «вестник». «Не все ли они суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение?» (Евр. 1, 14) – говорит о них св. апостол Павел. И мы знаем в Священной Истории, как Ветхого, так и Нового Завета, множество случаев служения Ангелов делу спасения созданного потом Богом человека. Ангелы явля-

ются орудиями Промысла Божьего о целых человеческих обществах. «Они даются», как учит наша Св. Церковь: «для хранения городов, царств, областей, монастырей, церквей и людей, как духовных, так и мирских» (Пр. Исп. 19). Но Ангелы служат орудиями Промысла Божьего и об отдельных, частных лицах. Каждый из верующих получает своего особенного Ангела, которые пребывает при нем и хранит его от всякого зла, почему и называется «Ангелом-Хранителем».

Но и Сатана, низвергнутый с неба, не остался один, а увлек за собой в бездну падения своего великое множество сил бесплотных, которые, подобно ему, сделались духами зла – бесами злыми, силами тьмы, всегда противящимися Богу и Его всеблагим промыслительным планам.

Слепой в своей горделивой ожесточенной злобе (злоба всегда слепа!) Сатана, с помощью подручных ему злых духов, начал неистовую борьбу против Бога и оставшихся верными Богу честных небесных сил бесплотных. А когда созданы были Богом первые люди, он и их, прельстив гордостью, научил дерзко нарушить заповедь Божью, дабы отвлечь их от Бога и увлечь на служение себе, вместо Бога.

Вот, еще с тех пор, с самого начала мировой истории, все, что в мире происходит, объясняется не чем иным, как только этой непрестанной борьбой, этим никогда не прекращающимся злобным противлением Сатаны и служащих ему духов тьмы Богу и его светлым ангельским силам.

Нужно раз и навсегда понять и запомнить: Бог желает спасения человеку, и все делает для его спасения, а Сатана, безумно сам себя обрекший на гибель, жаждет погибели и человеку и все делает, дабы его погубить.

Вся мировая история – это и есть борьба светлых и темных сил за душу человека – этого венца Божьего творения – и, с этой точки зрения, все, что в истории человечества совершается, становится для нас вполне ясным и понятным, не возбуждающим никаких сомнений и недоумений. Можно только удивляться духовной слепоте тех, кто этого не понимает – или не хочет понимать – и дает всему какие-то свои собственные объяснения и толкования, которые ничего по-настоящему не объясняют, а скорее только затуманивают, отводя от истины.

Всегда Сатана вел борьбу против Бога за порабощение своей власти человека, но в переживаемое нами время, как никогда прежде, ощущается это страшное действие сатанинских сил в мире, все более и более, на наших глазах, расширяющееся.

Аверкий (Таушев), архиепископ. Современность в свете Слова Божия. Слова и речи. Джорданвилль, 1975.

Нравственное состояние злых духов и их действия в отношении к человеку

Нравственное состояние злых духов самое мрачное, а деятельность их в отношении к человеку – самая вредоносная и пагубная. Демон, явившийся св. Ирине, говорил о себе, что он учитель любодеев и прелюбодеев, глумитель пьяницам, радующийся о кровопролитиях, наставник всякой лжи и неправды. Бес, явившийся св. Иулиании, объявлял ей, что он советовал Еве в раю преступить заповедь Божию, научил Каина убить Авеля, соблазнил Соломона, Ироду вложил мысль избить детей, Иуде предать своего Учителя и удавиться. Вся деятельность злых духов в отношении к человеку направлена к тому, чтобы совращать его с пути добродетели и развращать, и чтобы совращенный с пути нечестия человек был вместе с ними в вечной муке и неугасимом огне. «Велика сила Христова, помогающая вам, – говорил дьявол св. Пахомию – но я не перестану бороться с вами и буду делать свое дело». Различна и многообразна злоба бесов, наставляет преп. Антоний, они устраивают брань против всякой добродетели. Люта их ненависть ко всем христианам, особенно же к инокам и Христовым девам: пути их запинают мрежами, сердца их стараются наполнить богомерзкими, нечистыми помыслами. Если и перестают обольщать их, то на малое время: посрамленные они нападают с большею силою. Когда не могут в помыслах соблазнить человека, то изменяют образ борьбы и начинают искушать мечтаниями, преобразуясь иногда в женское подобие, иногда в скорпионово и в столь великие тела, что могут доставать головой до верху храма, а иногда и в полчища воинственные. Когда же и это коварство их бывает открыто, они начинают предсказывать будущее. Когда же и это узнается, тогда бесы призывают на помощь злобу своего начальника. Все эти и другие подобные им виды злобы злых духов можно находить в жизнеописаниях св. угодников Божиих.

Злые духи действуют на душу и тело человека христианина, возбуждая в душе нечистые и богохульные помыслы, а тело – поражая болезнями. Преп. Нифонту бес постепенно влагал в мысль: нет Бога, где Бог? и Христа нет! я один все содержу и над всем царствую. Никите, затворнику печерскому, бес, явившийся в образе ангела, не велел молиться Богу, а только читать книги, да подаст полезное слово приходящим к нему, и обещался сам молиться о спасении его. Тело св. Симеона Столпника дьявол поразил столь лютою язвою, что оно начало гнить, и из язв его исходил гной с червями. Св. Иоанникия дьявол уязвил в ребра такою болезнью, что он был безгласен семь дней. Для обольщения и соблазна св. подвижников злые духи преображались в различные образы и употребляли для того обольщения всякие средства – и великие, и малые, и даже ничтожные. Бес в светлом образе приходил к Пахомию и говорил: «Радуйся, Пахомие! Я Христос и пришел к тебе, как к другу». Для обольщения св. Симеона Столпника дьявол преобразился в ангела светла и сошел к нему с неба на огненной колеснице. На соблазн св. Илариона дьявол полагал на его постели бесстыдных жен нагих, во время ощущения голода и жажды представлял ему сладкие снеди и пития. Св. Пахомий видел беса в образе прекрасной жены, идущей в обитель со множеством слуг. Преп. Феодоре вдове бес являлся в образе мужа ее.

Преп. Феодор был исцелен от недуга сребролюбия преп. Василием. Бес, приняв образ Василия, явился к Феодору и говорил: «Феодоре! как успеваешь? перестала ли у тебя брань бесовская, или бес все еще беспокоит тебя, приводя на память розданное нищим имение?» Феодор сказал, что он молитвами его (Василия) успевает, и при этом обещался и впредь исполнять все, что он ни прикажет. Бес велел ему просить у Бога множество золота, чтобы иметь покой и воздаяние за розданное имение и иметь возможность раздавать нищим. Федор стал молиться об этом, а дьявол указал ему в одной пещер множество золота. Когда Федор получил золото, он советовал ему выйти из монастыря в другую страну – и там купить поместья, чтобы

опять не потерпеть искушения скорби о богатстве. Феодор было и склонился на то, но Бог послал к нему преп. Василия, который разоблачил прельщения дьявола и спас душу его.

Св. Феодору Сикеоту дьявол явился в образе юноши – друга Геронтия, который вместе с ним учился в училище. Гуляя с Феодором, он поставил его на высочайший холм над пропастью и предлагал ему показать свое мужество и соскочить вниз.

– Боюсь, – отвечал Феодор, – очень высоко!

– В училище ты был мужественнее всех нас, – стыдил его дьявол, – а теперь робеешь; вот я не боюсь, если и соскочу.

Феодор уговаривал его, опасаясь, как бы не разбился он.

– Никакой беды не будет, не бойся.

– Если ты первый бросишься, и я увижу тебя целым, тогда и я сделаю то же.

Дьявол бросился вниз, и встал прямо и звал к себе Феодора. Пока еще Феодор стоял в изумлении от подвигов Геронтия, явился к нему св. великомученик Георгий и, взявши его за руку, сказал ему: иди отсюда; это не Геронтий, но враг рода нашего.

Иногда бесы для прельщения св. подвижников являлись в образе благочестивого человека. Преп. Авраамию затворнику, во время его молитвы, бес поставил светильник и пел псалмы. Множество бесов однажды пришло ночью к преп. Макарию Египетскому и говорили ему: вставай, Макарие, и пой с нами, – зачем спишь? Преподобный, познав бесовскую прелесть, вопиял: «Христе Боже! помози мы и избави мя от обошедших мя» – и бесы с шумом исчезли.

Принимали бесы и образ различных животных. Во время молитвы св. Илариона дьявол появлялся ему то волком воющим, то лисицей скачущей. Преподобного Сергия бесы устрашали, преобразуясь в зверей и змей. Св. Трифону дьявол явился в образе большого пса. Даже люди, имеющие и общение с бесами, могут производить и бесовские мечтания, например, переменять воздух, производить ветры, гром и дождь, возмущать морские волны, наносить вред в садах и полях. Волхв Киприан на юношу, уязвившегося нечистою похотью к св. Иустине, возложил птичий образ со способностью летать по воздуху.

Для обольщения людей бесы иногда предсказывают будущее; это будущее они знают не потому, что обладают даром пророчества; но предсказывают то, что они или сами сделали, или сами же научили чему злых людей, например, убить или украсть. Так, когда к Никите затворнику приходили желающие слышать от него слово утешения, тогда бес в образе ангела возвещал ему все случившееся с ними и предсказывал будущее – и сбывалось так. Могут они знать будущее, как духи бесплотные, на основании долговременного опыта и наблюдения над вещами и делами человеческими; но также часто лгут и обманывают.

– Знаешь ли ты, – спрашивал св. Пахомий явившегося к нему беса, – что по кончине нашей братия не так усердно будут служить Господу, как теперь?

– Знаю верно, – отвечал бес.

– Лжешь ты на свою скверную голову; знать будущее принадлежит одному Богу, а ты одна ложь.

– Во мне нет предведения, сознавался бес, и я сам по себе ничего не знаю; знаю, что случится в будущем, посредством знания прошедших и настоящих вещей.

Нападая и злодействуя человеку во время его земной жизни, злые духи не оставляют его и по кончине его. С особенной силой и они нападают на человека в час смерти, чтобы возмутить спокойствие души его. «Когда настал час разлучения моего от тела, – сказывала св. Феодора, – увидела я много эфиопов, ставших около одра моего; лица и их были как сажа, глаза как огненные угли. Все они грозно смотрели на меня, скрежетали зубами, готовили и развивали свитки, в которых записаны были худые дела мои. Я отвращала свои глаза, чтобы не видеть тех страшных лиц, но повсюду видела их, и душа моя была в великом страхе и трепете».

«Господи, Боже мой! – молился св. Иосиф, песнописец, в час смерти своей. – Ты хранил меня во все дни живота моего, и ныне до конца соблюди дух мой и помоги мне избегнуть князя тьмы и воздушных страшилищ, да не когда порадуется о мне враг мой».

Так мрачно нравственное состояние злых духов и так пагубны и злы их действия на человека! Некоторые из этих действий и средств для этих действий представляются ничтожными, даже смешными, и как бы не соответствующими природе бесплотных духов. Но здесь важна цель, с которой употребляются эти средства и действия, а не самые средства и действия. Вселукавый, лживый, скверный дух доволен бывает, если его ничтожные, с виду, и смешные средства и действия достигают своей злой и скверной цели – соблазнить святого подвижника, осмеять его, унизить, посмеяться над его святыми подвигами и вовлечь его во грех. Пакостник плоти может творить все пакости для обольщения благочестивых людей.

Мрачное и пагубное нравственное состояние злых духов становится тем еще безотраднее, что они не могут выйти из него, не могут принести покаяния. Однажды бес в образе человека-грешника пришел к св. Антонию Великому и, сравнивая себя со злым духом, спрашивал, может ли Бог принять покаяние от бесов, если бы кто из них покаялся. Святой Антоний стал на молитву и просил у Господа разрешения этого вопроса. Ангел, посланный от Бога, открыл ему, что древнее зло не может быть новым добром, – что бывший начальник зла не может начать добрые дела, – приобретя навык гордости не может смириться в покаянии и обрести милость от Бога. А чтобы Антоний сам убедился в том, Ангел повелел ему заставить беса выполнить следующее: чтобы бес в течение трех лет на одном месте день и ночь взывал: «Боже, помилуй мя, древнюю злобу! Боже, спаси мя, помраченную прелесть! Боже, помилуй мя, мерзость запустения!» На другой день, когда бес пришел, преподобный предложил ему эти условия. «Нет, старче, – отвечал бес, – как мне назвать себя древним злом, когда я теперь так славен и столько народу повинуется мне? Как мне назвать себя мерзостью запустения и помраченною прелестью, когда все грешники любят меня и творят то, что мне угодно? Нет, да не будет того, чтобы чрез покаяние сделаться мне непотребным и смиренным и из великой чести принять себе такое бесчестие». Так, сам злой дух засвидетельствовал, что покаяние для злых духов невозможно, и это зависит не от Бога, но от их свободы, направленной к одному злу, и от чрезмерной гордости, исключающей всякое смирение.

Григорий (Дьяченко), священник. Духовный мир. – М., 2006.

О диаволе и демонах

Диавол – существо, которое Бог создал благим, добрым, светоносным (греческое слово «Эосфорос» и латинское «Люцифер» означают «светоносец»). В результате противления Богу, Божественной воле и Божественному Промыслу светоносец отпал от Бога. С тех пор, как произошло отпадение светоносца и некоторой части ангелов от Бога, в мире появилось зло. Оно не было создано Богом, но было привнесено свободной волей диавола и демонов.

Часто спрашивают: почему Бог допустил зло? Нет ли хотя бы косвенной вины Бога в том, что зло было привнесено в мир? Ответить на этот вопрос трудно. Церковь предлагает нам учение, которое мы должны принять на веру, но которое человеческий ум не в состоянии осмыслить. Единственное, что можно сказать в объяснение этого учения, – давайте смотреть на себя и судить по себе. Каждый из нас – существо, созданное по образу и подобию Божию. Мы это сознаем, сознаем и то, в чем заключается наше религиозное призвание. И тем не менее нередко оказываемся не на стороне Бога, а на стороне диавола, и делаем свой выбор не в пользу добра, а в пользу зла. Нечто подобное произошло и с самим диаволом: созданный благим и светоносным, он добровольно избрал зло и стал врагом Бога.

Отпав от Бога, диавол и демоны стали носителями зла. Означает ли это, что связь между ними и Богом прервалась? Нет. Между Богом и диаволом сохранились личные взаимоотношения, которые продолжаются и сейчас. Мы можем это видеть по начальным страницам Книги Иова, где говорится о том, что диавол предстал перед Богом вместе с ангелами, в числе других «сынов Божиих», и Господь сказал ему: «Обратил ли ты внимание твое на раба Моего Иова?» (Иов. 1, 8). Если можно так выразиться, этим вопросом Бог провоцирует диавола на некие действия по отношению к Иову. И сатана говорит: «Да, действительно Иов праведен, верен Тебе, но это потому, что Ты создал для него такие условия; измени эти условия, и он падет, как падают прочие люди». На это Господь ответил ему, что отдает ему тело Иова, но запрещает касаться его души. Одни понимают это повествование как притчу, другие – как реальную историю, но суть дела в том, что, согласно Библии, диавол, во-первых, находится в зависимости от Бога и не свободен в своих действиях, во-вторых, он действует только в тех границах, в которых Бог это ему позволяет.

Каким должно быть отношение христианина к диаволу? Сегодня мы наблюдаем две крайности. С одной стороны, среди современных христиан немало тех, кто вообще не верит в реальность диавола, не верит в его способность влиять на их жизнь. Некоторые думают, что диавол – это мифическое существо, в котором персонифицировано мировое зло. С другой стороны, есть немало людей, которые придают диаволу преувеличенное значение, которые убеждены, что диавол влияет на все стороны жизни человека, и всюду видят его присутствие. Такие верующие постоянно боятся, что диавольские силы так или иначе на них подействуют.

На этой почве существует множество суеверий, от которых не свободны и люди церковные. Придумано множество «народных средств», которые препятствовали бы сатане проникнуть в человека. Например, некоторые люди, зевая, крестят рот, чтобы через него не вошел диавол. Иные успевают за один зевок перекрестить рот трижды. Мне приходилось слышать разговоры о том, что на правом плече у нас сидит Ангел, а на левом – бес: осеняя себя крестным знамением, мы крестимся справа налево, перебрасывая Ангела с правого плеча на левое, дабы он вступил в борьбу с бесом и победил его (соответственно, католики, которые крестятся слева направо, перекидывают беса на Ангела). Кому-то это может показаться смешным и нелепым, но ведь есть люди, которые в это верят. И, к сожалению, это не анекдоты, а реальные разговоры, которые можно слышать в некоторых монастырях, духовных семинариях, приходах. Люди, которые так мыслят, живут в уверенности, что вся жизнь пронизана диавольским присутствием. Я слышал однажды, как иеромонах, выпускник духовной академии, учил веру-

ющих: когда вы встаете утром, то, прежде чем засунуть ноги в тапочки, перекрестите тапочки, потому что в каждом из них сидит бес. При таком отношении, вся жизнь превращается в пытку, потому что вся она пронизана страхом, постоянным опасением, что человека «испортят», сглазят, что на него наведут нечистую силу и т. д. С христианским отношением к диаволу все это ничего общего не имеет.

Чтобы понять, каким должно быть истинно христианское отношение к диаволу, мы должны обратиться, во-первых, к нашему богослужению, к таинствам, и, во-вторых – к учению святых отцов. Таинство Крещения начинается с заклинаний, обращенных к диаволу: смысл этих заклинаний – в том, чтобы изгнать диавола, гнездящегося в сердце человека. Затем новокрещаемый вместе со священником и восприемниками обращается к западу. Священник спрашивает: «Отрекаешься ли ты от сатаны, и всех дел его, и всего воинства его, и всей гордыни его?», Тот отвечает трижды: «Отрекаюсь». Священник говорит: «Дунь и плюнь на него». Это символ, в котором содержится очень глубокий смысл. «Дунь и плюнь на него» значит «относись к диаволу с презрением, не обращай на него внимания, он не заслуживает ничего большего».

В святоотеческой, в частности, монашеской, литературе отношение к диаволу и демонам характеризуется спокойным бесстрашием – иногда даже с оттенком юмора. Можно вспомнить историю о святом Иоанне Новгородском, который оседлал беса и заставил его свозить его в Иерусалим. Вспоминается и история из жизни Антония Великого. К нему пришли путники, которые долго шли через пустыню, и по дороге от жажды у них умер осел. Они приходят к Антонию, а он им говорит: «Что ж вы осла-то не уберегли?» Они с удивлением спрашивают: «Авва, откуда ты знаешь?», – на что тот спокойно отвечает: «Мне бесы рассказали». Во всех этих историях отражено подлинно христианское отношение к диаволу: с одной стороны, мы признаем, что диавол – это реальное существо, носитель зла, но, с другой, мы понимаем, что диавол действует лишь в рамках, установленных Богом, и никогда не сможет эти рамки преступить; более того, человек может взять диавола под контроль и управлять им.

В молитвах Церкви, в богослужебных текстах и в творениях святых отцов подчеркивается, что сила диавола иллюзорна. В арсенале диавола есть, конечно, разнообразные средства и способы, с помощью которых он может влиять на человека, у него есть огромный опыт всякого рода действий, направленных во вред человеку, но применить его он может лишь в том случае, если человек ему это позволит. Важно помнить, что диавол не может ничего нам сделать, если мы сами не откроем ему вход – дверь, форточку или хотя бы щель, через которую он проникнет.

Приведу в пример случай, который произошел лет десять назад. Ко мне обратилась немолодая женщина, учительница литературы. В какой-то газете она прочла, что с помощью иголки, листа бумаги и особых заклинаний можно вызывать духов умерших и беседовать с ними. Она решила вызвать дух Чехова. И, представьте, «Чехов» ей явился. Поначалу все было очень занятно, она даже приглашала гостей и устраивала у себя в квартире «литературные вечера». Но потом «Чехов» начал появляться уже без приглашения, портить мебель, бить посуду; возвращаясь домой, женщина обнаруживала, что все перевернуто вверх дном, обои порваны и т. д. Вся семья была в панике. Муж и дети боялись возвращаться в свою квартиру. Жизнь превратилась в ад, они были на грани самоубийства. К счастью, женщина вовремя поняла, что сама впустила в свою квартиру нечистого духа и теперь не может от него избавиться. Вся семья пришла в церковь. Первое, что я сказал им: «Вы должны перестать бояться». Приехав к ним, я освятил квартиру, потом они исповедовались и причастились. «Чехова» как ветром сдуло.

Это один из примеров, подтверждающих, что, если человек открывает вход диаволу через какие-то действия вроде магии, колдовства, лечения у экстрасенсов, либо через наркоманию, алкоголизм и другие формы зависимости, через тяжкие грехи, которые он совершает сознательно, человек оказывается подвержен влиянию темных сил. Если же он твердо стоит на

страже своего ума и сердца, своей нравственности, если ходит в церковь, исповедуется и причащается, носит святой крест, то ему не страшны никакие бесовские страхования.

Диавол прекрасно сознает свою немощь и бессилие. Он понимает, что реальной власти воздействовать на людей у него нет. Именно поэтому он старается склонить их к сотрудничеству, к содействию. Найдя в человеке слабое место, он пытается тем или иным способом на него воздействовать, и нередко ему это удается. Прежде всего диавол хочет, чтобы мы боялись его, думая, что он обладает реальной властью. И если человек попадается на эту удочку, он становится уязвимым и подверженным «демонским стреляниям», то есть тем стрелам, которые диавол и демоны пускают в душу человека.

Приведу еще один пример. Пришла как-то ко мне женщина с дочкой, девочкой лет восьми. Девочке постоянно являлись какие-то бесовские существа, пугали ее, она видела их и днем и ночью. Девочка исповедовалась и причащалась, ничего не менялось. А началось все с того, что в каком-то монастыре они купили книжку про диавола. В этой книжке было сказано, что если диавол на какого-то человека напал, то уже не отстанет никогда, и средств избавления от него нет никаких, разве что «отчитывание», но и оно не всегда помогает. Они, конечно, от всего переживаемого были в шоке. Я побеседовал с девочкой, спросил ее: «Ты боишься их»? – «Боюсь». – «А ты можешь в следующий раз, как только они тебе явятся, сказать им: «Я вас не боюсь, я на вас не обращаю внимание, у меня своя жизнь, у вас своя, убирайтесь вон». И живи так, как будто их вовсе не существует». Примерно через неделю мать с дочкой снова пришли и говорят: «Они исчезли». Значит, единственное средство, которым в данном случае обладал сатана, был страх. Он хотел, запугав ребенка, сделать его своей жертвой.

Приходится сожалеть о том, что книжки и брошюры, в которых роль диавола всячески преувеличивается, издаются и продаются в церковных лавках. Происходит это от невежества, от духовной нечуткости, от незнания учения святых отцов. Православное учение о диаволе выражено преподобным Иоанном Дамаскиным в тридцати строках. А наши доморощенные богословы пишут книжку за книжкой о диаволе и демонах, запугивают народ Божий, портят людям жизнь.

Вход диаволу в душу человека открывают, как я уже сказал, магия, чародейство, лечение у экстрасенсов и колдунов. Я не утверждаю, что все экстрасенсы и так называемые «народные целители» действуют исключительно под влиянием демонических сил. Но в подавляющем большинстве это люди, в чьих руках концентрируются силы и энергии, природу которых они сами не знают. Нередко, исцеляя одно, они повреждают другое. Были случаи, когда человек избавлялся с их помощью от головных болей, но при этом делался психически больным. И самое ужасное, что эти «целители» делают человека зависимым от себя, а всякая форма зависимости – это та самая дверь, через которую может проникнуть диавол. Наркотическая, алкогольная, сексуальная, психическая и иные формы зависимости представляют огромную духовную опасность. Христиане должны всячески заботиться о том, чтобы ни от чего в этой жизни не быть в зависимости, чтобы духовно и телесно быть максимально свободными. Человек, который контролирует свой рассудок, свое сердце, свои поступки, всегда может противостать сатане. Тот же, кто оказывается рабом какой-либо страсти или порока, становится неспособным отразить натиск диавола.

Вы можете спросить: насколько диавол вообще способен воздействовать на нашу мысль? Насколько он вообще знает, что происходит в наших мыслях и в нашем сердце? Насколько он компетентен в вопросах духовной жизни? У меня сложилось убеждение – отчасти под влиянием того, что я читал у святых отцов, отчасти на основе личных наблюдений, – что у диавола нет прямого знания о наших внутренних процессах. В то же время, будучи весьма опытным, – он ведь в течение истории имел дело с миллиардами людей и с каждым «работал» индивидуально, – он использует эти свои навыки и по внешним признакам распознает, что происходит у человека внутри. И ищет наиболее уязвимые места. Скажем, когда человек пребывает в уны-

нии, диаволу очень легко воздействовать на него. Но единственное, на что диавол способен, – это подбросить человеку какой-либо греховный помысел, например, мысль о самоубийстве. И делает он это не потому, что ему открыт внутренний мир человека, его сердце, но лишь ориентируясь на внешние признаки. Внушив человеку какие-то помыслы, диавол не способен проконтролировать, что произойдет с ними дальше. И если человек умеет различать, какая мысль пришла от Бога, какая от его собственного человеческого естества, а какая от диавола, и отвергать греховные мысли при самом их появлении, диавол ничего сделать не сможет. Диавол становится сильнее по мере того, как греховный или страстный помысел проникает в человеческий ум.

У святых отцов есть учение о постепенном и поэтапном проникновении греховного помысла в душу человека. С этим учением вы можете познакомиться, прочитав «Добротолюбие» или «Лествицу» святого Иоанна Синайского. Суть этого учения в том, что греховный или страстный помысел поначалу появляется лишь где-то на горизонте человеческого ума. И если человек, как говорят отцы Церкви, «стоит на страже своего ума», он может отвергнуть этот помысел, «дунуть и плюнуть» на него, и он исчезнет. Если же человек заинтересуется помыслом, начнет рассматривать его, беседовать с ним, он завоевывает в уме человека все новые и новые территории – до тех пор, пока не охватит все его естество, – душу, сердце, тело, – и не подвигнет на совершение греха.

Путь диаволу и демонам к душе и сердцу человека открывают различного рода суеверия. Хотел бы подчеркнуть: вера прямо противоположна суеверию. С суевериями Церковь всегда вела жесткую борьбу – именно потому, что суеверие – суррогат, подмена истинной веры. Истинно верующий человек сознает, что есть Бог, но есть и темные силы; он разумно и сознательно строит свою жизнь, ничего не боится, возлагая всю надежду на Бога. Суеверный человек – по слабости, или по глупости, или под влиянием каких-либо людей или обстоятельств – подменяет веру набором верований, примет, страхов, из которых складывается какая-то мозаика, которую он и принимает за религиозную веру. Нам, христианам, надлежит всячески гнушаться суевериями. Нужно относиться ко всякому суеверию с тем презрением, с каким мы относимся к диаволу: «Дунь и плюнь на него».

Вход диаволу в душу человека открывается и через грехи. Конечно, мы все грешим. Но грех греху рознь. Есть человеческие слабости, с которыми мы боремся, – то, что мы называем мелкими грехами и пытаемся преодолеть. Но есть грехи, которые, даже совершенные один раз, открывают ту дверь, через которую диавол проникает в ум человека. К этому может привести любое сознательное нарушение нравственных норм христианства. Если человек систематически нарушает, например, нормы супружеской жизни, он теряет духовную бдительность, теряет трезвение, целомудрие, то есть целостную мудрость, которая защищает его от нападений диавола.

Опасна, кроме того, всякая раздвоенность. Когда человек, подобно Иуде, начинает, помимо основной ценности, составляющей религиозную сердцевину жизни, прилепляться к другим ценностям, и его совесть, его ум и сердце раздваиваются, человек становится весьма уязвимым для действия диавола.

Иларион (Алфеев), епископ. www.hilarion.ru.

Ограничение власти злых духов

Как ни велико владычество злых духов и как ни сильно их могущество, и как ни многообразны злые их действия на человека, однако сила и власть их так ограничены крестною смертью Господа нашего Иисуса Христа, что святые угодники Христовы, равно как и все благочестивые христиане, не только могут противиться внушениям злых духов, но и побеждать их. Добродетели христианские, особенно соединенные с призыванием имени Иисуса Христа и крестным знамением, суть стрелы, уязвляющие дьявола, посрамляющие и отгоняющие его. «Верьте мне, – говорит св. Антоний, – трепещет сатана бодрствования христиан, молитв и постов их, кротости, произвольной нищеты, смирения, и особенно чистого сердца в Христовой любви». «О, Макарие, – говорил бес Макарию Египетскому, – много скорблю я, что не могу одолеть тебя. Все делаю, что и ты: постишься ты – и я ничего не ем; бодрствуешь ты – и я никогда не сплю. Одним ты одолеваешь меня – это смирением; против него я не могу устоять». Привели однажды к преп. Антонию юношу, одержимого нечистым духом из чина начальников, князей тьмы. Антоний послал его к св. Павлу Препростому. Этот сказал бесу: «Отец Антоний велит тебе, дьяволе, выйти». Дьявол не выходил. «Или ты выходи, – говорил святой, – или я пойду и скажу Христу, и будет тебе беда». Бес не выходил. Тогда св. Павел встал на камне и взывал: «Иисусе Христе, распятый при Понтийском Пилате! Я не сойду с сего камня до тех пор, пока не услышишь Ты меня, не вкушу хлеба и воды до того времени, пока не изгонишь беса из сего юноши». Бес вышел. Итак, замечено в житии св. Павла, малых бесов изгоняют люди, сильные в вере, а начальных бесовских князей побеждают смиренные. О преподобном Феодосии Печерском замечено, что он имел такую власть над злыми духами, что они не смели приступить к тому месту, где он молился. Св. Потит сказал бесу, находившемуся в одной девице: «Господь мой Иисус Христос, Сын Бога живого, запрещает тебе, нечистый душе, и повелевает выйти из сего создания и не входить в него более никогда». Бес вышел и исчез. Имя Иисуса Христа, не только произносимое устами св. угодников, но и написанное ими в письме, имело силу изгонять бесов. Св. евангелист Иоанн Богослов послал с учеником своим Прохором письмо одержимому злым духом. В письме было написано: «Иоанн, апостол Иисуса Христа Сына Божия, пытливому духу повелеваю: от имени Отца, и Сына, и Святого Духа изыди от создания Божия и не входи в него никогда, но будь вне острова, в местах безводных, а не в людях». Когда Прохор пришел с этим письмом, бес вышел из человека. Св. угодники, вооруженные именем Господа Иисуса Христа и именем Пресвятой Троицы, имели даже господственную власть над бесами и иногда употребляли для посрамления бесов те же средства, какие бесы употребляли для их обольщения. Преп. Феодор Печерский однажды молол жито и пел в то же время псалмы из псалтири, и, утрудившись, перестал молоть. Тогда загремел гром, сверкнула молния, и жернова опять стали молоть. Познав бесовское действо, преподобный запрещал бесу именем Божиим делать это. Бес не слушался. Тогда Феодор именем Отца и Сына и Св. Духа повелел бесу не переставать молоть до тех пор, пока он не измелет все жито. Бес повиновался и измолол.

В другой раз бесы сбрасывали с горы приносимые братией от Днепра дерева, нужные для построения келий. Преп. Феодор именем Господа Иисуса Христа заставил самих бесов в одну ночь перенести все деревья с берега реки на гору на то место, на котором надлежало строить кельи. Бесы во время жизни Иисуса Христа молили Его о дозволении войти им в стадо свиное, и вошли в свиней. Ничего удивительного, следовательно, нет, если св. Иоанн мог связать беса в рукомойнике, чтобы он не выходил оттуда на некоторое время. Бес вошел в рукомойник для обольщения св. угодника, а св. угодник избрал то же орудие для его посрамления. Св. Иоанн Новгородский связал беса, поместившегося в рукомойнике, и не велел ему выходить оттуда на долгое время. Св. Василий Великий принудил дьявола отдать назад расписку отрока, в которой он отрекался от Христа и навсегда предавался дьяволу.

Григорий (Дьяченко), священник. Духовный мир. М., 2006.

О смертоносном бытии диавола
Слово в Неделю 28-ю по Пятидесятнице
о. Иоанна (Крестьянкина)

Дорогие мои, други наши! Сегодняшнее воскресное евангельское чтение особенно дает нам повод говорить о бытии диавола, о разрушающей, смертоносной деятельности его. И жизнь наша теперешняя настоятельно требует, чтобы мы все очень внимательно отнеслись к этой теме. Ибо незнание наше, или стыдливое замалчивание, или даже и отрицание бытия этой страшной силы делает нас пред ней совершенно безоружными, и она может вести нас, как овец на заклание, в погибель. Ведь мы порой, и даже часто, перестаем понимать, где свет, где тьма, где жизнь, а где смерть.

И самой большой победой этой силы, без сомнения, надо признать то, что многим поколениям людей она внушила, будто ее совсем нет. Но до некоторого времени, пока духовное зрение людей еще не было совершенно помрачено, диавол действовал осторожно – силой внушения. Теперь же, в наше время, когда наша беспечность и духовный сон обнажили нас от покрова Божией благодати, от силы духа, диавол встает перед нами во всем своем злобном обличии, он выступает как живая, ощутимая, действенная сила, и сила лютая.

Господь в свое время возвестил всем, живущим на земле и верующим слову Его, предостерегающее и должное настораживать и призывать к особенной бдительности слово Свое. «…Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию…» (Лк. 10, 18).

А в другом месте Писания говорится, что не нашлось ему места на небе, и в страшной ярости сошел он на землю, чтобы ходить по ней, обитать на ней и рыкать, аки лев, ища, кого поглотить[9]. И стал он, губитель-диавол, «князем мира сего», а вместе с ним водворились и властвуют на земле бесчисленные полчища его клевретов. И с тех пор местом обитания их стала глубокая бездна, которая отделяет Церковь воинствующую от Церкви Торжествующей.

А самый первый и горький опыт его коварной власти на себе понесли наши праотцы Адам и Ева, ибо его стараниями они познали сладость греха и вкусили горечь смерти. А он с тех далеких времен без устали делает свое дело. И главной его задачей на все времена была, есть и будет борьба с Богом за души людей, где место битвы – сердца человеческие. Все совершается там: там уместится и бездна ада, и там – искра веры, сохраненная Богом от тлетворного дыхания вражия, родит пламень Божественной любви – ходатая вечной радости.

И нам с вами, дорогие мои, надо пристально всматриваться во все происходящие вокруг нас и лично с нами события. Надо знать свое сердце, ибо невнимание и незнание не оправдают нас в день Страшного Суда, который неотвратимо приближается к земле.

«…Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его…» – скажет Сын Человеческий тем, кто не знал, кто не хотел знать (Мф. 25, 41).

А примеров одержимости и насилия над людьми бесовской силы много в Писании: это и сегодняшний евангельский образ женщины, восемнадцать лет согбенной (связанной) от диавола; это и двое одержимых, живших во гробах (в могильных склепах), разрывавших страшной бесовской силой кованые цепи, коими пытались их связать, совершенно не управляемых разумной силой; это и бесноватый, которого бес, желая погубить, бросал то в огонь, то в воду; и многие другие примеры[10].

И никогда Господь, исцеляя бесноватых, не называл беснование естественной болезнью. Он прямо признавал виновниками ее бесов и изгонял их.

Но эти примеры по жестокосердию нашему и недомыслию не трогают нашего сердца, когда мы читаем или слышим о них.

Ведь это было когда-то и где-то, а многие даже имеют дерзость в глубине сердца усомниться в примере чужой жизни, а некоторые идут и еще дальше, неверием отвергая слова Божественного Писания.

Но теперь нам с вами уже не отдаленные примеры, а наша собственная жизнь дает почувствовать насилие, тиранию над нами и самого диавола, и сынов противления, то есть людей, которые стали исполнителями злой воли диавола на земле.

Вслушайтесь внимательно, дорогие мои, в слова святого пророка Божия Исаии, вслушайтесь и вдумайтесь в откровение этого ветхозаветного богослова. Не о нас ли, не о нашем ли времени говорит пророк, живший за 759 лет до Рождества Христова?

«Земля опустошена вконец и совершенно разграблена… Сетует, уныла земля; поникла, уныла вселенная; поникли возвышавшиеся над народом земли. И земля осквернена под живущими на ней, ибо они преступили законы, изменили устав, нарушили вечный завет. За то проклятие поедает землю и несут наказание живущие на ней; за то сожжены обитатели земли, и немного осталось людей… злодеи злодействуют, и злодействуют злодеи злодейски… Земля сокрушается, земля распадается, земля сильно потрясена; шатается земля, как пьяный, и качается… и беззаконие ее тяготеет на ней; она упадет и уже не встанет» (Ис. 24, 3–6; 16, 19–20).

Да эти слова – о нас! Это мы преступили закон Божий! Это мы нарушили Его завет! Это мы забыли Бога! И наша матушка-кормилица земля уже рождает одни терния и волчцы от злобы живущих на ней. И небо, когда-то дарившее людям светлый дождь жизни и плодоносную росу, сеет на наши головы химическую отравляющую влагу, и ветер Чернобыля обжигает мир своим смертоносным дыханием. И разгул зла, лукавства и вражды идет по земле. И нет молитвы, чтобы залить этот пожар зла, нет духовной силы, чтобы предотвратить грядущую гибель.

Неужели все это сотворил человек?!

Нет, дорогие мои, возможности человека ограничены, и срок жизни его – семьдесят, от силы восемьдесят лет. Иногда он не успевает даже и осознать своего назначения на земле, как уже сходит в могилу. Нет у него ни времени, ни могущества, ни воображения посеять столько бед и зла, чтобы хватило на все человечество.

Все то малое зло, которое успеваем натворить мы, грешные люди, приводит в совокупность великий дирижер – сатана, тот, кто сеет в нас малое. Он сеет малое и выращивает малое в большое. И это называется «тайной беззакония». И тайна беззакония восходит от силы в силу именно потому, что вконец ослабело наше сопротивление ей, оскудело наше понятие о ней.

Мы в своем обольщении забываем Бога, забываем небо, забываем вечность. На этой почве полного погружения людей в плотскую жизнь разрастается всепоглощающий разврат.

Младенцы, зачатые в беззаконии, появляются в мир больными, от рождения одержимыми духом злобы, часто они лукавством превосходят взрослых. Отроки, не зная детского простодушия, играют во взрослых, в одуряющих химических веществах они ищут особых видений и ощущений, зачастую находя в них смерть. Юноши и девушки, не зная самого понятия невинности и чистоты, погружаются в болото такой грязи, о которой помыслить страшно и срамно глаголати. Наркотический угар для многих становится единственно реальной жизнью. А грохот бесовского шума, ворвавшийся в дома наши с телевизионных экранов, оглушил, одурил всех от малого до большого, вовлек всех в водоворот адского кружения, поработив души насилием.

И мы, не задумываясь, а значит, добровольно, впускаем в дома свои телевизионных колдунов всякого рода и учимся у них, как быстрее и надежнее безвозвратно погубить душу. Цепи, скованные из тьмы предательства, измен, стихийной гордости, лжи и самомнения, все крепче опутывают наши сердца, связывают наш ум, наши руки, все наше существо. И мы становимся не способными ни к чему доброму. И светлый Ангел-Хранитель стоит поодаль, оплакивая сердца наши, ставшие игралищем бесов. Нормой жизни становится – ходи по трупам задавленных тобою, рви кусок из чужого рта и плюй на всяческие заветы. А тот враг, что посеял страш-

ные плевелы злобы и гордыню лжеименного разума, он – человекоубийца искони, лжец и отец лжи – любуется плодами дел своих. Он преуспел. Он одолел людей. И Бог теперь не столько отрицаем, сколько вытесняем из сердца человека различными пристрастиями и житейскими попечениями. Бог просто забыт.

«Даждь Ми, сыне, твое сердце…» – просит, зовет Господь (Прит. 23, 26). Да где оно, наше сердце?! И есть ли еще оно?.. Если и есть, то нет в нем уголка – местечка для Бога, для света и тишины, для мира и любви. И страшно нам, что свет Божий откроет для нас самих страшный хлам нашего сердца. И мы опять гоним Бога и бежим от всего, что может обнаружить наше истинное лицо.

Да это опять и не мы, дорогие мои, а все тот же человекоубийца, увлекающий нас все дальше и дальше к отпадению от спасения, уготованного людям Сыном Божиим. Враг сам уже вошел в наше сердце и овладел им.

Но не мог он этого сделать без нашего согласия. Ведь Премудрость Божия так сотворила человека, что без него самого или против его воли ни спасти, ни погубить человека нельзя. И мы сами, отвергая Бога неверием, или, веруя в Бога, но отвергая заповеданные Им дела, отвергаем свое спасение. И, не принимая темную, безвидную, страшную силу диавольскую, но делая дела тьмы, мы сами отдаем себя в ее руки, мы сами готовим себе бездну ада.

Так знайте же, дорогие мои, что диавол не иначе проникает в нас, как овладев нашим умом, нашими помышлениями. У одних он похищает из ума и сердца веру, в других его смрадное дыхание испепеляет страх Божий, третьих, поразив тщеславием, он ведет в плен многих страстей, ибо тщеславие и гордыня рождают такие пороки в нас, что открывают врата души всем бесам. И человек не замечает, как становится одержимым.

Нам надо твердо помнить, что основной отличительной чертой диавольской брани является приспосабливаемость, что брань с нами злые духи ведут непрестанно, и разнообразию ее нет числа.

Главное же – надо непременно знать, что подход их к нам незаметен и действие постепенно. Начав с малого, злые духи постепенно приобретают великое влияние на нас. Бесовская хитрость и лукавство, как правило, услужливо идут навстречу нашим же желаниям и стремлениям, даже доброе и невинное они способны превратить в оружие свое.

Вот теперь много молодежи ринулось в Церковь, кто уже состарившись в скверне греха, кто – отчаявшись разобраться в превратностях жизни и разочаровавшись в ее приманках, а кто – задумавшись о смысле бытия. Люди делают страшный рывок из объятий сатанинских, люди тянутся к Богу.

И Бог открывает им Свои отеческие объятия. Как было бы хорошо, если бы они по-детски смогли припасть ко всему, что дает Господь в Церкви Своим чадам, начали бы учиться в Церкви заново мыслить, заново чувствовать, заново жить.

Но нет! Великий «ухажер» – диавол на самом пороге Церкви похищает у большинства из них смиренное сознание того, кто он и зачем сюда пришел. И человек не входит, а «вваливается» в Церковь со всем тем, что есть и было в нем от прожитой жизни, и в таком состоянии сразу начинает судить и рядить, что в Церкви правильно, а что и изменить пора.

Он «уже знает, что такое благодать и как она выглядит», еще не начав быть православным христианином, он становится судией и учителем. Так снова Господь изгоняется им из своего сердца. И где? Прямо в Церкви.

А человек этого уже и не почувствует, ведь он находится в Церкви, ведь он пролистал уже все книги, и ему уже пора и священный сан принимать, а ей уже пора одеваться в монашеские одежды.

Но, дорогие мои, они примут и священный сан, они примут и монашество, но все это уже без Бога, водимые той же силой, что вела их в жизни до прихода в Церковь и что так ловко

обманула их и теперь. А дальше жди и других исключительных, возможных только на почве искаженной веры явлений.

Без труда, без борьбы и без крестных страданий воспринятое – без жизни, христианство только по имени, а значит и без Бога, и явит различные обольщения в видениях и откровениях.

Диавол будет руководить своей жертвой внутренними голосами, а у кого-то заполнит ум, пленит сердце хульными образами и словами. И горе, если человек – невежда в вере, если снова не ринется он за помощью к Богу, готовому помочь даже и изменнику.

И надо нам с вами всем помнить, что в душе светлой и чистой даже одна какая-нибудь брошенная от диавола мысль тотчас произведет смущение, тяжесть и сердечную боль, в душе же, омраченной грехом, еще темной и оскверненной, даже само присутствие вражье будет неприметно. И этой неприметности помогает сам дух злобы, ибо она ему выгодна. Он, тирански властвуя над грешником, старается держать его в обольщении, убеждая, что человек действует сам собой, или внушая, будто Ангел, светлый образ которого принял лукавый, уже почтил жизнь этого человека своим явлением.

Обольщенный, как мотылек, летит на призрачный свет бесовского видения или откровения, которое смертельно опалит его душу. Он желал чуда, искал откровения, и оно явилось. А у человека даже и мысли не возникает о своей во грехе прожитой жизни, которая уже стеной стала между ним и Богом. Сколько еще надо трудиться, чтобы эту стену разбить, чтобы увидеть свет истины!..

Трудно обмануть истинно верующих. Смирение и страх Божий предостерегут, а Дух Святой, охраняющий их, откроет им правду и наставит на всякую истину. Да и знают они со слов Самого Спасителя Христа, что должно прийти соблазнам, и остерегаются их.

Из житий отцов-подвижников известно, что они узнавали беса, являвшегося им даже в образе Христа. Духовная же слепота едва ли не большинства современных людей, хоть и именующих себя христианами, увлекает их все умножающимися бесовскими соблазнами.

Уже теперь мы слышим и читаем в периодической печати о всяких явлениях-знамениях то на небе, то на земле: о светящихся летающих объектах, о «добреньких» инопланетянах, о «барабашках», которые вторгаются в жизнь наших современников, навязывая им определенные нормы жизни и поведения уже не в помыслах, но зримо, делом, творя мнимые чудеса, приучая соблазнившихся полному послушанию себе. Есть даже случаи самоубийств, совершенных по внушению этих «опекунов». И никого не смущает такой их наплыв, ни у кого не возникает мысль: а откуда же они, почему пришли и где были раньше? Но даже если бы кто-то все эти явления в той же печати назвал своим именем, сказал, что это разгулявшиеся, разыгравшиеся с омраченным, обезбоженным миром бесы, у читателей все равно не было бы уже способности осмыслить и понять, что же несут в себе эти явления и игры. А новые, открывшиеся в последнее время способности целительства духовным прозрением, ясновидением и прозорливостью у многих, очень многих людей всякого возраста, с разным образованием? От юноши, с грехом пополам осваивающего школьную программу, до преподавателя вуза, от тетушки-домохозяйки до дамы, образованной во всех отношениях.

Поразительно, что большинство из них, не обремененные никакими знаниями в области медицины, воспринимают открытие как дар неба.

Дар-то дар! Но от кого и зачем, что может принести он «врачу» и больному? «Врачу» он принесет бесовскую гордыню, а доверившемуся ему пациенту – нарушение всех душевных и духовных сил – одержимость.

Но это будет потом. А пока все хотят быть здоровыми любой ценой. И это снова – богоборчество.

Христианин истинный, а не по имени только и моде, непременно вспомнит в связи со всеми этими явлениями, как поступили святые апостолы, встретив девицу, имеющую духа прорицательного и доставляющую тем доход своим господам (Деян. 16, 16–18). Вспомнят верую-

щие и отбегут от духа лестна, а остальные и сами погрузятся в губительный обман, и повлекут за собой многих.

Все это, дорогие мои, – знамение времени. Все это значит, что христианство, как дух, неприметным образом для суетящейся, служащей миру толпы удаляется из среды человеческой, оставляя мир на окончательное падение.

И у всех живущих на земле возникает в наше время предощущение грядущей катастрофы, но человечество, томимое тяжелым предчувствием, не хочет остановиться, задуматься, понять, что же с ним происходит. Диавольские силы поработили ум и сердце живущих грехом, который согнул и исказил человека настолько, что он перестал видеть Бога, он уже не может выпрямиться, чтобы ум его осиял свет Божественной истины и тьма исчезла.

Так вспомним же, дорогие мои, как одним мановением Спасителя, одним Его словом, словом Божественной любви выпрямилась согбенная, страдавшая от насилия диавола восемнадцать лет.

Припадем к Спасителю Христу с мольбой и любовью, отрясем узы греха, отбежим соблазнов и обольщений диавольских. Припадем к Спасителю – именно этим мы сможем противостать диаволу, и убежит он от нас.

Научимся же понимать и беречь добро души своей, будем сторожить входы в свою душу, научимся видеть себя, тогда мы обнаружим все дела, все козни диавола внутри и вокруг нас. Так помолимся, чтобы дал нам Господь бодрый ум, трезвую совесть, открыл духовное зрение. И главное, никогда не будем забывать об исконном враге, воюющем на род человеческий.

И, помня, что сила борителя крепка, а наша сила немощна, смиренно припадем несомненной верой к Тому, Чья сила сильнее всякой другой.

Господи, имя Тебе – Сила, подкрепи же нас всех, изнемогающих и падающих. Аминь.

Иоанн (Крестьянкин), архимандрит

Глава 3
Тайные недуги души

Зло в мире

Тема о зле в человеке

Зло существует во всем мире – страдания, жестокая борьба, смерть – все это царит в мире, но только в человеке мы находим устремление к злу, как таковому. Это устремление постепенно доходит до идеи зла, – и среди людей мы нередко находим потребность к совершению зла. Это, конечно, есть некая болезнь духа, но она настолько связана с самой природой человека, настолько она повсеместна и захватывает все эпохи в истории, все возрасты людей, что встает вопрос, почему человек жаждет творить зло, ищет того, чтобы расстраивать чужую жизнь, прибегает к насилию, к уничтожению других людей?

Вопрос этот болезненно ущемляет и наше религиозное сознание. Почему Бог, источник жизни и всякого блага, допускает страшное развитие зла, терпит те ужасы, которые от убийства Авеля Каином до наших дней наполняют смятением нашу душу? Где причина непостижимого развития именно у людей жажды зла, – чего мы не находим в до-человеческой природе? Борьба за существование, беспощадная и жестокая, идет, правда, в до-человеческой природе, но здесь она является только борьбой за само существование, а не определяется никаким инстинктом разрушения или жаждой зла. Только человек может испытывать наслаждение от самого разрушения, переживать странную потребность сеять страдания. Именно в этой наклонности ко злу, в потребности творить зло, человек резко и глубоко отличается от всего до-человеческого мира. При объяснении «загадки» человека мы не можем обойти этого вопроса – тем более, что пока мы не объясним для себя страсти разрушения у человека, мы еще не проникли в тайну человека. С другой стороны, наше религиозное сознание, которое видит в Боге не только Творца вселенной, но и Промыслителя, мучительно переживает то, что с развитием исторической жизни зло не только не ослабевает, но, наоборот, увеличивается, становясь все более утонченным и страшным…

Христианское истолкование зла

Единственное удовлетворительное решение темы о зле дает христианство. Вот основы христианского понимания зла:

а) Зло не существует, как некое особое бытие или сущность; есть злые существа (злые духи, злые люди), но нет зла самого по себе. Суть же зла состоит в разрыве с Богом; этот разрыв есть акт свободы (у Ангелов и у людей).

б) Зло впервые возникло (т. е. появились злые существа) в ангельском мире; один из высших Ангелов (Денница), обладая свободой и той силой, которую Господь дал Ангелам, захотел отделиться от Бога, т. е. начал бунт. За Денницей последовали еще другие ангелы, – так возникло «царство сатаны». До времени Господь попускает их существование.

в) Не имея плоти, т. е. будучи чисто духовными существами, злые ангелы: (сатана и его служители) не могли замутить все бытие, но когда Господь создал человека, имеющего плоть и одаренного, с другой стороны, свободой, перед злыми духами открылась возможность соблазнять людей – и уже через людей внести расстройство в природу. О поврежденности природы вследствие того, что прародители, согрешив, утеряли свое царственное положение и мир остался «без хозяина».

г) Господь запретил первым людям вкушать от древа познания добра и зла. Господь не закрыл пути познания вообще, а только закрыл пути «познания добра и зла»; поскольку зло могло состоять лишь в разрыве с Богом, Бог закрыл самый путь для этого. Мысль о разрыве с Богом и не возникла у самих людей, – их соблазнил сатана, предложивший не следовать указаниям Бога, т. е. разорвать с Ним. Свобода, дарованная людям, открывала возможность этого, – и в этом объективная причина, что люди ступили на путь зла

д) Поступив вопреки прямому повелению Господа, люди тем самым нарушили свою сыновнюю связь с Ним, вследствие чего утеряли свое царственное положение в мире. Господь предупреждал Адама, что если он «вкусит плод от познания добра и зла», то «смертью умрет» (ст. 17). И действительно, разорвав с Богом, люди утеряли свою основу в Боге, и смерть вошла в их природу

е) Этим природа человеческая оторвалась от прямой связи с Богом; как говорит ап. Павел (Рим. 5, 12), «одним человеком грех (т. е. отрыв от Бога) вошел в мир и грехом смерть». Изменилась человеческая природа и ослабела; в ней остались ее дары, образ Божий и дар свободы остались в ней, но природа человека стала «удобопревратна», т. е. она стала подвержена соблазнам. Как говорит ап. Павел (Рим. 7, 15–23): «Не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю… уж не я делаю, но живущий во мне грех. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. По внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божием, но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного».

В этих словах ап. Павла дано яркое описание того, что мы видим у людей; в человеке, кроме образа Божьего, через который всегда струятся лучи свыше, несущие Божью правду нашей душе, т. е. уму и сердцу, совести, – образовался в самой природе человека второй центр его существа – начало греховности. Теперь уже навсегда закрылся перед людьми рай, теперь только «употребляющие усилие восхищают Царство Божие» (Мф. 11, 12), ибо «невозможно не придти соблазнам», сказал Господь (Лк. 17, 1).

То, что грех вошел в человеческую природу, и в ней образовался центр греховности, есть следствие изменения в человеческой природе от греха прародителей. Это есть «первородный грех»; начало греховности, создающее возможность соблазнов (со стороны сатаны и его служителей) не зависит уже только от нашей воли, так как это начало греховности вошло в нашу природу. Однако от каждого из нас зависит поддаваться или не поддаваться соблазнам. Путь человека и есть борьба за добро, за жизнь в Боге; совокупность всего того труда, который нам приходится нести в этой борьбе, составляет содержание аскетики (что значит «упражнений»).

ж) Грех человека замутил и всю дочеловеческую природу.

Почему допущено зло?

Таково христианское объяснение реальности и силы зла. Но тут нередко у людей возникает вопрос – неужели Бог, который предвидел падение Денницы и грех прародителей, не мог создать Ангелов и людей с такими свойствами, чтобы грех и зло не могли бы возникнуть? И второй вопрос, уже другого порядка, но связанный с темой зла и постоянно смущающий людей: почему Бог терпит такое страшное развитие зла на земле, какое мы наблюдаем сейчас, почему Он не прекращает его?

Что касается первого вопроса, то ответ на него заключается в понятии свободы. Без свободы человек не мог бы быть человеком в полноте и силе его свойств, – он мог бы быть лишь высшим животным, живущим по инстинктам; лишь в свободе раскрывается наша воля, лишь на просторах свободы зреет в духе творчество идей, развиваются художественные, моральные, религиозные движения. Но свобода только тогда и свобода, когда она безгранична – в этом ее богоподобие. Но в тварном существе, каким является человек, дар свободы должен пройти через испытания, чтобы окрепнуть в своей преданности Богу. Именно потому, что человек

обладает свободой, он может оторваться от Бога; только пройдя через испытания он может окончательно утвердиться в свободном стоянии перед Богом. Это сочетание безграничной свободы, доходящей до того, что человек дерзает спорить с Богом, бороться с Ним (как в Ветхом Завете Иаков), – и той немощи, ограниченности, бессилия, которые со всех сторон давят на человека, напоминают ему, что он только тварное существо, зависящее от Бога, зависящее и от внешних условий жизни, – это сочетание высокого дара свободы с ограниченностью тварного существа и ведет нас к чувству бесконечной преданности Тому, Кто есть наш Отец небесный.

Бог мог вообще не создавать человека (хотя бесспорно, что весь план творения был связан с тем, чтобы создать человека), но создать его Он мог лишь таким, каков он есть – с неизбежностью испытаний и искушений. Не беседовал ли Господь в раю с прародителями, не наставлял ли Он их во всем? Но когда змей соблазнил; Еву, Адам не обратился к Богу, чтобы получить от Него разъяснение, он лукаво последовал за Евой. План «воспитания» прародителей в раю оборвался благодаря им же, – но в предвидении этого еще до сотворения мира Господь предусмотрел послать Сына Божия для спасения; людей (у ап. Петра читаем в стихе 2 главы 1 – что Сын Божий был «предназначен» быть Агнцем «прежде создания мира»).

Что касается второго вопроса о том, почему Бог терпит такие ужасы на земле, такое страшное распространение зла повсюду, какое мы сейчас наблюдаем, должно сказать, что это вопрос понимания смысла истории и ее путей. В истории, как и в жизни отдельных людей, действует Промысл Божий; Господь долготерпит, ожидая, что несчастья и страдания образумят людей, обратят их сердца к правде и добру.

Оба вопроса составляют тему т. н. «теодицеи» – «оправдания» Бога. Бог, конечно, не нуждается в «оправдании», но чем больше мы любим Бога, как Источник правды и добра, тем важнее нам согласовать это с теми тяжкими и скорбными недоумениями, которые терзают наш ум. Надо только помнить, что в час, какой изберет Господь, придет конец нынешнему миру, кончится вся трагедия человеческой истории, Сын Человеческий придет снова на землю во славе, – и тогда будет, по слову в Апокалипсисе (Откр. 21, 1), «новое небо и новая земля».

Зеньковский В.В., протоиерей. Апологетика. – М., 1991.

Виды злых страстей

«Смирись гордый человек и прежде всего сломи свою гордость… Победишь себя, усмиришь себя и станешь свободен, как никогда и не воображал себя и начнешь великое дело и других свободными сделаешь и узришь счастье, ибо пополнится жизнь твоя…»

Ф. М. Достоевский. Выдержка из его Пушкинской речи. «Дневник Писателя». Август 1880 г.

Теперь мы ознакомимся ближе со злыми человеческими страстями, с каждой из них в отдельности и постараемся, по возможности, уяснить значение в жизни человека этих истинных его врагов.

Прежде всего нужно сказать, что число злых человеческих страстей весьма велико – гораздо более, чем то, которое мы будем здесь рассматривать. Чтобы изучить все человеческие страсти со всеми их разнообразными оттенками, потребовалось бы отдельное весьма обширное исследование, рамки которого вышли бы далеко за пределы настоящей работы. Поэтому мы коснемся здесь главных человеческих страстей и притом в общих чертах, приняв то разделение страстей, какое мы нашли у Кассияна Римлянина и у других подвижников Добротолюбия, а именно будем говорить о чревоугодии, блуде, унынии, печали, гневе, тщеславии, гордости и сребролюбии и о некоторых видах этих страстей. Так, например, говоря о гневе, мы коснемся вспыльчивости, злопамятства, ненависти, злословия и прочих, говоря о тщеславии, мы коснемся честолюбия, сластолюбия, говоря о гордости, мы упомянем и о надменности, говоря о сребролюбии, мы будем рассматривать вопрос о любостяжании, вообще.

Из этого перечня читатель может усмотреть, что некоторых злых страстей человеческих мы не коснемся вовсе в настоящем отделе, так, например, страстей физических к наркотикам, спиртным напиткам и т. п. Поэтому мы должны предупредить, что относительно блуда и некоторых других страстей мы ограничимся здесь сообщением интересных афоризмов христианских подвижников, почерпнутых нами из сборника Добротолюбия; распространяться об этих страстях более подробно (с точки зрения, например, невропатологии) мы не будем, так как это значительно вышло бы за пределы настоящего труда.

Из числа восьми главных, перечисленных св. Кассияном Римлянином человеческих страстей, чревоугодие и блуд относятся нами к страстям физическим, гнев, печаль и уныние к страстям астральным (эмоциональным), а сребролюбие, тщеславие и гордость к страстям ментальным (рассудочным). Делая такое распределение, мы должны здесь еще раз оговориться, что такие отграничения выражают существо дела лишь приблизительно, ибо, при изучении различных проявлений психического мира человека, представляется во многих случаях невозможным точно отграничивать одно начало человеческой души от другого. Все эти начала большей частью тесно переплетаются одно с другим.

Прежде всего мы будем говорить о страстях – чревоугодии и блуде.

Об этих страстях у подвижников Добротолюбия написано очень много в смысле собственно борьбы с этими страстями. Здесь мы приводим только некоторые изречения подвижников, определяющие эти страсти и их свойства.

Вот некоторые изречения подвижников, касающиеся чревоугодия.

Кассиян Римлянин: «Мерное употребление пищи состоит в ежедневном употреблении столько пищи, чтобы после вкушения ее не чувствовался голод. Такая мера сохранить душу и тело в одинаковом состоянии и не попустит человека вдаваться ни в чрезмерный пост, расслабляющий тело, ни в пресыщение, подавляющее дух».

Ефрем Сирин: «Многоедение и многопитие в настоящем только имеет приятность, а на следующий день оставляет в помысле неприятность и расслабление».

Нил Синайский: «Туман скрывает солнечные лучи, а густое испарение потребленных явств омрачает ум».

Иоанн Лествичник: «Как тучные птицы не могут высоко летать, так и угождающему своей плоти, невозможно взойти на небо».

Авва Дорофей: «Есть два вида чревоугодия: первый, когда человек ищет приятной пищи и не всегда хочет есть много, но желает вкусного; второй, когда кого берет многоедение и он не желает хороших снедей, и не заботится о вкусе их, но хочет только есть и есть, не разбирая, каковы снеди и заботясь только о том, чтобы наполнить чрево. Первый называется гортанобесие, а второй – чревобесие. Кто хочет восприять пост в очищение грехов своих, тот должен избегать обоих сих видов чревоугодия ибо ими удовлетворяется не потребность тела, а страсть».

Варсануфий и Иоанн: «Что значит по прихоти принимать пищу и что по требованию естества? По прихоти значит хотеть принимать пищу не по потребности тела, а для угождения чреву (и гортани). Если, однако же, видишь, что тело твое охотнее принимает иную пищу не по сласти, а по легкости, то принимать ее не будет прихоть. Если желаешь узнать, одержим ли ты страстью чревоугодия, вот как узнаешь: если пища обладает помыслом твоим (так что ты не можешь противиться ему), то ты чревоугодник. Если же такого обладания нет, и ты свободно принимаешь всякую пищу, – в меру потребности тела, то у тебя нет чревоугодия».

Теперь перейдем к наиболее интересным изречениям подвижников, касающихся блуда.

Блудная страсть, по понятиям христианских подвижников, близко связана со страстью чревоугодия и в своем развитии прямо зависит от развития чревоугодия. Подвижник IV века св. Ефрем Сирин говорит, «что кто питает плоть тела своего, тот питает злые похоти, и срамные помыслы не оскудеют у него».

Весьма характерно тот же св. Ефрем Сирин набрасывает образ человека, приверженного греху седьмой заповеди: «Сластолюбивый, – говорит св. Ефрем, – при встрече женщин делается весел и привлекается красотою их; телесная доброцветность сводит его с ума, восхищает благообразие лица очаровывает статность стана, и в беседах с женщинами тает он от удовольствия; при воспоминании виденного, похотливо мечтает, живо представляя в уме женские лица, страстные их выражения, обворожительные улыбки, мановения очей, нарядность одежд, льстивые речи, сжатие губ. С мужчинами ему скучно, а если увидит женщин, просветляется, бегает взад и вперед, чтобы оказать свои услуги; тогда откуда берется у него голос к пению, умение сказать острое слово, посмеяться и доказать себя занимательным и приятным».

Другой подвижник IV века св. Кассиян Римлянин весьма подробно и интересно разработал вопрос о «борьбе с духом блуда». Упоминая между прочим в этой части своего сочинения о процветавших в его время ристалищах и играх в цирках, он ссылается на то, что и атлеты, стремящиеся к наградам и венкам, должны для сохранения своих сил беречь себя от увлечения похотью: «если там, – говорит Кассиян, – в мирских внешних состязаниях о венцах тленных так необходима чистота, то сколь безмерно необходимее она в нашем духовном внутреннем стремлении к венцам небесным? У нас требуется не внешняя только чистота от плотского греха или невольного осквернения, но также и внутренняя чистота мысли и чувства. Нам надлежит всяким хранением блюсти чистыми самые сокровенности сердца. Что те (ристалищные состязатели) желают иметь только телесно, тем мы должны обладать в глубинах совести. Вместе с тем, Кассиян говорит, что иное дело быть воздержанным, и иное чистым, пришедшим в невозмутимое состояние целомудренной непорочности и девственной невинности. Такая добродетель приписывается одним девственникам и девственницам душою и телом».

Как видно из сочинений подвижников Добротолюбия, сила половой страсти у многих аскетов, отдавшихся борьбе с ней, подавлялась с громадным трудом, причем она, несмотря ни на какие усилия подавить ее, иногда вновь возгоралась и мучила подвижника. Весьма интересно об этом предмете говорит Иоанн Лествичник, а именно, по его словам, подвижники

приметили, что при борьбе с этой страстью «появляется иной помысел, который утонченнее всех других. Его называют набегом мысли, который без определенного времени, без слова и образа с быстротою стрелы внушает искушаемому страсть. Нет ничего скоробежнее в телах, ничего быстрее и мгновеннее в духах того, как этот помысел одним тонким напоминанием и безвременным и несказанным, а для иных даже и неведомым, вдруг являет свое присутствие в душе… Бывает, что душа от одного взгляда или прикосновения руки или слышания пения страстно блудствует (оскверняется и растлевается похотью), не думавши о том и не замышлявши того».

Ознакомившись вкратце с воззрениями христианских подвижников на физические страсти, каковы чревоугодие и блуд, перейдем к рассмотрению страстей иного порядка, а именно к унынию, печали и гневу.

Итак прежде всего об унынии.

Состояние уныния или упадка духа овладевает человеком, входит в его привычку и делается таким образом как бы страстью тогда, когда человек с этим состоянием не борется, ему подчиняется и губит этим свою энергию физическую, мысленную и духовную.

У подвижников Добротолюбия уныние называется также «сердечною тоскою»[11], «изнеможением души»[12]. Чувство это сродни печали, о которой мы будем говорить дальше.

Из сборника Добротолюбия мы видим, что и христианским подвижникам было весьма знакомо это настроение уныния, но только причина этого настроения сводится к формуле очень простой. Они верили в демонов и в их злом воздействии видели причину «уныния», мучающего людей, причину всех этих темных настроений. Так, например, подвижник Авва Евагрий говорит, что бес уныния, который называется также полуденным, тяжелее всех бесов. Он приступает к монаху около десятого часа утра и кружит душу его до второго часу пополудни.

Особенно ярко картину такого навождения рисует нам св. Кассиян Римлянин. Вот его подлинные слова: «Когда уныние нападает на бедную душу инока, то порождает ужасание от места, отвращение к келье и презрение к братьям, с ним живущим, или на некотором от него расстоянии, как к нерадивым и совсем не духовным, самого же его совсем разленивает и отбивает от всякого дела, каким обычно ни занимается он в своем обиталище, и в келье сидеть отбивает оно у него охоту и к чтению приступить не допускает, и заставляет воздыхать и жаловаться, что, сколько времени прожив здесь, нимало не преуспел и никакого не стяжал плода духовного, и болезновать внушает, что остается в этом месте попусту, когда мог бы управлять другими и многим приносить пользу, никого здесь не воспитал и никого своим наставлением и учением не породил духовно… Так волнуется бедная душа, застигнутая такими вражескими кознями, пока утомленный духом уныния инок или в постель попробует броситься, или, оставя келейный затвор, попытает поискать избавления от такой напасти в посещении какого-либо брата»[13].

Характерный образ человека, находящегося в унынии, дает нам другой подвижник Добротолюбия – преподобный Нил Синайский. Он говорит: «унылый, читая книгу, часто зевает и клонится ко сну, потирает лицо, тянется, поднимая руки, и, отвернув глаза от книги, пристально смотрит на стену, обратившись опять к книге, почитает немного, переворачивая листы, любопытствует видеть конец слова, считает страницы, делает выкладку о числе целых листов, осуждает почерк и украшения и, наконец, согнув книгу, кладет под голову и засыпает сном не очень глубоким, потому, что голод начинает уже тревожить его душу и заставляет позаботиться о себе».

Следующий род страсти, весьма близкий к унынию, есть чувство печали. О близком родстве этих двух страстей говорит один из подвижников Добротолюбия Кассиян Римлянин. По сравнению с унынием, печаль есть чувство более острое; уныние, как было уже сказано выше,

является во многих случаях настроением как бы безотчетным, тогда как в основании печали лежит всегда ясно сознаваемая её причина. При этом печаль не есть страсть самодовлеющая, а является как бы отражением от других страстей человеческих. Она происходит от неудовлетворения человека в его привычке или приражении к известным ощущениям, так, например, подвижник Нил Синайский говорит: «Гнев желает отмщения; неуспех в отмщении порождает печаль». Точно также печаль является, по мнению того же подвижника, следствием неудовлетворения эгоистических желаний. Кто победил эти желания, говорит Нил Синайский, тот победил страсти, а кто победил страсти, тем не овладеет печаль. «Любящий мир, много имеет печалей, а презирающий все, что в мире, всегда весел».

Перейдем теперь к одному из самых ярких проявлений злых страстей – к чувству гнева.

Что есть гнев?

Согласно пониманию подвижников Добротолюбия, гнев есть такое возмущение сердца, которое может перейти в желание сделать зло огорчившему.

Относительно того, как возникает чувство гнева и как оно, разростаясь, переходит в чувство злопамятства, мы находим интересные страницы у св. Аввы Дорофея[14]. Авва Дорофей приводит для выяснения этого вопроса такой общий пример, когда один монах нанесет, например, другому монаху какое-либо незначительное оскорбление словом (малое слово брани). Слово это Авва Дорофей сравнивает с горящим угольком, могущим в костре разгореться в большое пламя. Авва Дорофей говорит «если ты перенесешь это слово, то ты и погасил уголек. Если же будешь думать – зачем он это сказал? Тогда, так и я ему скажу то и то; если бы он не хотел оскорбить меня, то не сказал бы этого, – так и я оскорблю его непременно. Вот ты и подложил лучинки или что другое – подобно разводящему огонь, и произвел дым, который есть смущение (огорчение). Смущение есть то самое движение и возбуждение помыслов, которое воздвигает и раздражает сердце. А раздражение есть отмстительное восстание на опечалившего».

«Если бы ты перенес малое слово брани, – продолжает далее св. Авва Дорофей, – то погасил бы этот малый уголек, прежде чем произошло смущение. Однако и его, если хочешь, можешь удобно погасить, пока оно еще ново, молчанием, молитвою, одним поклоном от сердца. Если же будешь продолжать дымить, т. е. раздражать и возбуждать сердце помышлениями: зачем он… так и я… то от сего разгорится сердце твое и породится воспаление раздражительности. Если хочешь, можешь погасить и ее, прежде чем произойдет гнев. Если же будешь продолжать возмущать и раздражать себя, то уподобишься человеку, подкладывающему дрова на огонь, от чего образуется пламень огненный и это есть гнев. А гнев, если закоснеет, обращается в злопамятность, от которой человек не освободится, если не прольет крови своей (потов и трудов над собою)».

В заключение же св. Авва Дорофей говорит: «Всегда отсекайте страсти, пока они еще молоды, прежде нежели оне укореняются и укрепятся в вас и станут удручать вас, ибо тогда придется вам много пострадать от них. Иное дело вырвать малую былинку, а иное искоренить большое дерево».

По учению св. Кассияна Римлянина, гнев проявляется в следующих трех видах – первый тот, который пылает внутри, второй тот, который прорывается в слово и дело (так называемая вспыльчивость) или, как говорит св. Иоанн Лествичник, мгновенное возгорение сердца, и третий тот, который горит долгое время и называется злопамятством, переходящий иногда в высшую форму гнева – ненависть.

Относительно этого последнего вида, гнева св. Иоанн Лествичник говорит, что он представляет собой последний предел гнева – яд душегубный, грызущий сердце червь, вонзенный в душу гвоздь, непрестанный грех, неусыпное беззаконие, ежечасное зло».

О чувстве ненависти св. Антоний Великий высказывается так же, как об одной из самых злых человеческих страстей. Вспомним и то, что св. евангелист Иоанн говорит о ненависти в своем первом послании: «Всякий ненавидящий брата своего есть человекоубийца»[15].

Чувство ненависти является настолько интенсивным, производит настолько сильные вибрации, что они, по удостоверению ясновидящих, т. е. тех, которые имеют способность непосредственно воспринимать эти вибрации, могут быть даже видимы зрением ясновидящего.

У многих людей на почве чувства злобы и недоброжелательности иногда развиваются и другие дурные привычки, которые тоже можно отнести к злым человеческим страстям. Таковы, например, привычки к злословию, к осуждению и к уничижению ближних.

Об этих привычках св. Авва Дорофей, между прочим, пишет, что иное дело злословить, иное дело осуждать, иное – уничижать. Злословить о ком-либо – значит сказать страстно о его согрешении. Осуждать – значит, по мнению св. Аввы Дорофея, осудить самое расположение души своего ближнего, произнести приговор о всей его жизни. Уничижение же, по словам св. Аввы Дорофея, есть то, когда человек не только осуждает, но и презирает своего ближнего, гнушается им и отвращается от него, как от некой мерзости – это хуже осуждения и, по мнению св. Аввы Дорофея, гораздо пагубнее для человека.

Наконец, в заключение, мы не можем не привести весьма интересное изречение одного из подвижников Добротолюбия – блаженного Аввы Зосимы об усиленном гневе или двоегневии. Авва Зосима говорит, что двоегневен тот, в ком не умолкает брань, кто не довольствуется первым раздражением, но сам еще разжигает себя ко второму гневу… Кто разгневавшись, не сознается в вине своей, но еще более раздражает себя на гнев и жалеет не о том, что разгневался, а что не наговорил еще больше того, что сказал в раздражении своем».

К числу страстей отнесены нами тщеславие, гордость и сребролюбие (чрезмерная приверженность человека к имуществу).

Прежде будем говорить о тщеславии и гордости и о связи их между собою.

Человек эгоистический, не сознающий зла в инстинкте эгоизма, – на эгоизме основывающий всю свою душевную жизнь, творит зло просто в силу своей испорченной природы, поклоняющейся культу эгоизма. Одно из первых проявлений испорченности такого человека состоит в наслаждении, испытываемом им от ощущения самомнения или от ощущения умственной гордости…

Резкое осуждение и яркий протест против этих страстей мы нашли во всех сочинениях подвижников Добротолюбия. Они признают тщеславие началом гордости, понимая под словом «гордость» чувство более интенсивное, чувство самовозношения, доведенное до высшей степени. Самомнение же они признают страстью более слабой, тождественной с тщеславием. Поэтому они начинают сначала изучать психологию тщеславия и затем уже от тщеславия, как страсти более слабой, переходят к гордости, как к страсти сильнейшей и, по их мнению, более пагубной. Этого же порядка рассмотрения страстей будем держаться и мы при изложении мыслей подвижников Добротолюбия об этих двух страстях человеческих.

Итак, сначала о тщеславии.

Вот как говорит о тщеславии (честолюбии, славолюбии) св. Кассиян Римлянин в своем трактате «Борьба с духом тщеславия»:

«Тщеславие – страсть разновидная, изменчивая и тонкая, так что с самыми острозоркими глазами едва можно не только предостеречься от неё, но ее рассмотреть и узнать. Прочие страсти просты и однообразны, а эта многочастна и многообразна и отовсюду и со всех сторон встречает воина и когда он еще борется и когда уже является победителем. Ибо она покушается уязвить воина Христова и одеждою, и статностью, и походкою и голосом, и работою, и бдениями, (т. е. похвалою в том, что человек усердно работает над страстями, что он постится и молится) и постами, и молитвою, и уединением и чтением, и познаниями, и молчаливостью, и повиновением, и смирением, и благодушием и, как некий опаснейший камень подводный,

покрытый вздымающимися волнами, в то время, как не опасаются, причиняет внезапно бедственное кораблекрушение плывущим при благоприятном ветре».

Очень близкую к приведенному изречению Кассияна Римлянина характеристику тщеславия мы находим у св. Иоанна Лествичника. Он говорит, что «тщеславие ко всему льнет: тщеславлюсь, когда пощусь; но, когда разрешаю пост, чтобы скрыть от людей свое воздержание, опять тщеславлюсь, считая себя мудрым; побеждаюсь тщеславием, одевшись в хорошие одежды; но и в худые одеваясь, также тщеславлюсь; стану говорить – побеждаюсь тщеславием; замолчу – опять им же побежден бываю. Как ни брось сей трезубец, все он станет вверх острием», – заключает свои слова св. Иоанн Лествичник.

Характерное изречение о тщеславии мы нашли также у Аввы Евагрия: «Трудно избегать домысла тщеславия, говорит он, ибо что ни сделаешь к прогнанию его, то становится началом нового движения тщеславия».

Интересное рассуждение, касающееся психологии тщеславного человека проводит в своем трактате «О любви» св. Максим Исповедник. Он замечает, что кто творит добродетели из тщеславия, тот и познания ищет из тщеславия же. Но таковой ничего уже не делает и не говорит для назидания, но во всем ищет уловить славу от видящих дело его или слышащих слово его. Обличается же страсть сия тем: если, когда некоторые из таковых станут хулить слова или дела его, – он крайне огорчается тем не потому, что те не получили назидания, ибо сей цели он и не имел, но потому, что он унижен или уничижен ими».

А вот еще одно тонкое замечание о проявлениях тщеславия, высказанное Кассияном Римлянином: «Иному тщеславие внушает, – говорит св. Кассиян, – что если бы он остался в мире, то легко стяжал бы и почести и богатство, хотя он никогда и не мог бы их достигнуть, обманывая его таким образом принесением в жертву безвестных надежд и заставляя тщеславиться оставлением того, чем никогда не владел».

Тедерь перейдем к страсти более сильной чем тщеславие – к гордости, о которой Кассиян Римлянин выражается так: «Усиление тщеславия дает начало гордости. От чрезмерного тщеславия рождается страсть гордости». Подвижник же Нил Синайский приводит относительно гордости и тщеславия такое характерное уподобление: «Блистание молнии предуказывает громовой удар, а о гордости предвещает появление тщеславия».

Последнее уподобление весьма верно выражает существо дела и вот почему. Мы определяем эти страсти, как мысленное самоуслаждение человека от сознания своего превосходства. Привычка человека часто погружать себя в это мысленное самоуслаждение может привести к тому, что состояние это из чувства сравнительно спокойного, как и всякое мысленное сознание известного блага, может перейти в настроение более возбужденное, в эмоцию, проникающую во все существо человека. Эмоция может перейти в такое состояние, которое св. Антоний Великий называет гордостью сердца и что мы обыкновенно называем самовлюбленностью или самообожением. Относительно этого состояния св. Антоний Великий выразился так: «Все грехи мерзки перед Богом, но всех мерзостнее гордость сердца».

Страсть эту другой христианский подвижник св. Кассиян Римлянин называет самым свирепым и неукротимым зверем, нападающим не только на людей обыкновенных, но и на людей, отдавших себя подвижничеству и «с лютым грызением пожирающим их, когда они достигают почти уже самой вершины добродетели». В последнем случае гордость является, как бы, возношением перед самим Богом, что вполне согласуется и с нашими терминами «самообожение», при такой гордости единственным высшим существом в мире для подвижника является он сам – подвижник, а не то Единое Великое «Я» – Господь Бог Вседержитель, Который создал весь мир и живет в людях, удостоившихся Его благодати.

У людей обыкновенных – не подвижников, гордость проявляется в форме так называемой надменности; таких людей надменных, в особенности в последнее время – время всеобщего поклонения эгоизму, мы встречаем на каждом шагу. Св. Авва Дорофей определяет над-

менность (или первую степень гордости) как состояние, «когда кто кого укоряет, осуждает, бесчестит, как ничего не значащего, а себя считает выше его». В сущности такая надменность есть увлечение самим «я», заставляющее считать себя выше всех окружающих.

Гордость, нападающую на людей, ведущих подвижническую жизнь и в ней преуспевающих, авторы сборника Добротолюбия называют гордостью духовной. По определению св. Аввы Дорофея, эта гордость «гордится против самого Бога и приписывает себе свои подвиги и добродетели, а не Богу, как будто бы он (подвижник) сам собою совершил их, своим знанием и умом, а не помощью Божией». Об этой гордости св. Кассиян Римлянин говорит, что «коль скоро она овладеет бедною душою, то как какой-нибудь свирепейший тиран, по взятии самой верхней крепости добродетелей – смирения, весь их город до основания разрушает и разоряет».

Выражая все эти горячие свои протесты против гордости, некоторые подвижники, как, например, св. Ефрем Сирин, заключают свои речи такой успокаивающей сентенцией: «Сколько не превозносится человек в гордыне сердца своего, все же он попирает землю, из которой взят и в которую пойдет».

Приведенные нами человеческие страсти – тщеславие и гордость дают начало многим другим злым страстям человеческим. Из них наиболее распространенными среди людей являются страсти человека ко лжи и лицемерию. «Кто сделался рабом тщеславия, – говорит св. Иоанн Лествичник, – тот ведет двойную жизнь – одну по наружности, а другую по образу мыслей и чувств; одну – на людях, а другую – наедине с собою». Иначе говоря, этим изречением св. Иоанн Лествичник выражает мысль, что в этой двойственной жизни, происходящей от тщеславия, – та жизнь, которую тщеславные проявляют на людях (жизнь наружная) есть, по существу своему, жизнь обмана и лицемерия. В своих сочинениях св. Иоанн ничего не говорит о том, насколько такая жизнь была распространена в его время; но что касается нашей эпохи, то все мы ощущаем, что обман и лицемерие есть воистину та атмосфера, в которой мы постоянно живем и в которой, если и попадаются правдивые люди, то только как исключение.

Из сентенций св. Аввы Дорофея в его «подвижнических наставлениях» мы извлекаем определения следующих видов лжи: 1) ложь словами, когда человек придумывает лживые объяснения и факты для своих эгоистических целей, 2) самообман – ложь бессознательная, когда человек, привыкая обманывать других, начинает обманывать и самого себя и 3) ложь жизнью, когда человек притворяется своими поступками, чтобы обмануть людей.

Протест против лицемерия некоторые подвижники Добротолюбия проявляют не менее сильный, чем против тщеславия и гордости, например, Максим Исповедник говорит о лицемерии так: «Лицемерие есть притворение дружбы, или – ненависть, прикрываемая видом дружбы или – вражда, под прикрытием благоволения действующая, или – зависть, подражающая характеру любви, или – жизнь красная притворным видом добродетели, а не действительною добродетелью, или – притворение праведности, показанием только, будто она есть, соблюдаемое, или – обман, имеющий вид истины; что всё ухитряются устроить в нравственной испорченности подражающие змию».

Подвижники находят, что вступивший на христианский путь должен стремиться раньше всего и прежде всего избавиться от гордости, что, хотя и невозможно подавить в себе чувство тщеславия обыкновенными человеческими силами, но что это достижимо с помощью благодати Божией и что достигнуть чувства всеобъемлющей и Божественной любви возможно только уже после того, как гордость и тщеславие будут окончательно подавлены. Средство к подавлению этих страстей христианские подвижники видят в молитве и развитии в себе чувства смирения.

В заключение настоящей рубрики о гордости – мы считаем интересным, для возможно полного освещения этой страсти, привести здесь некоторые извлечения из статьи «Героизм и подвижничество» С. Н. Булгакова, касающиеся интеллигентского лжегероизма, представляющего собой проявление своеобразной формы душевной гордости.

В означенной статье С. Н. Булгаков, между прочим, пишет, что в последнее время героизм этот вылился в такую форму: «герой есть до некоторой степени сверхчеловек, становящийся по отношению к ближним своим в горделивую и вызывающую позу спасителя», и при всем своем стремлении к демократизму интеллигенция, по мнению Булгакова, есть лишь особая разновидность сословного аристократизма, надменно противопоставляющая себя обывателям. Кто жил в интеллигентских кругах, замечает С. Н. Булгаков, хорошо знает это высокомерие и самомнение, сознание своей непогрешимости и пренебрежение к инакомыслящим и этот отвлеченный догматизм, в который отливается здесь всякое учение. Далее С. Н. Булгаков говорит, что своеобразная природа интеллигентского героизма выясняется для нас полнее, если сопоставить его с противоположным ему духовным обликом христианского героизма или точнее христианского подвижничества. Герой, ставящий себя в роль Провидения, благодаря этой духовной узурпации, приписывает себе и большую ответственность, нежели может понести, и большие задачи, нежели человеку доступны. Христианский подвижник верит в Бога-Промыслителя, без воли Которого волос не падает с головы. История и единичная человеческая жизнь представляются в его глазах осуществлением, хотя и непонятного для него в индивидуальных подробностях, строительства Божьего, перед которым он смиряется подвигом веры. Благодаря этому он сразу освобождается от героической позы и притязаний. Его внимание сосредоточивается на его прямом деле, его действительных обязанностях и их строгом, неукоснительном исполнении. Конечно, и определение, и исполнение этих обязанностей требует иногда не меньшей широты кругозора и знания, чем та, на какую притязает интеллигентский героизм, однако, внимание здесь сосредотачивается на сознании личного долга и его исполнении, на самоконтроле, и это перенесение центра внимания на себя и свои обязанности, освобождение от фальшивого самочувствия непризванного спасителя мира и неизбежно связанной с ним гордости, оздоровляет душу, наполняя ее чувством здорового христианского смирения. К этому духовному самоотречению, к жертве своим гордым интеллигентским «я» во имя высшей святыни призывал Достоевский русскую интеллигенцию в своей Пушкинской речи: «смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость… Победишь себя, смиришь себя и станешь свободен, как никогда и не воображал себя, и начнешь великое дело и других свободными сделаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя».

Чтобы закончить рассмотрение главных злых страстей человеческих, мы должны здесь сказать несколько слов о страсти, именуемой подвижниками «сребролюбием». По существу своему эту страсть – сребролюбие, подвижники понимают в широком смысле: это не есть страсть собственно к деньгам, как к металлу звенящему, а есть чрезмерная приверженность человека к имуществу вообще, приверженность, как говорит Нил Синайский, превышающая телесную потребность.

В те отдаленные времена, когда писались сочинения цитируемых нами подвижников, власть денег, власть богатства были еще в зародыше. Тогда властвовала сила меча, а не злата. Деньги, хотя и значили много в мире, но их всесокрушающее значение не проявлялось в ту эпоху в такой степени, как оно проявляется теперь; поэтому подвижники Добротолюбия приписывали страсти к деньгам и богатству второстепенное значение, например, Кассиян Римлянин говорит, что сребролюбие легче, чем другие страсти, может быть предотвращено и извергнуто.

До чего слабо проявлялась в те времена, например, в IX веке, в монастырях страсть сребролюбия, это видно из следующего случая, о котором упоминает подвижник IX века св. Феодор Студит в одной из своих проповедей. «Поведать вам хочу, – сказал св. Феодор Студит, – печаль души моей о брате Василии скончавшемся, что он отошел, не очистив совести своей, так как у него нашли два сребренника. Увы! Какое ослепление! На чем удержал его диавол? Два сребренника почел ценными более Царствия Небесного… Где же отречение? Помолимся

убо о нем и одну неделю будем каждодневно класть за него по три поклона и творить тридцать молитв, да простит ему Господь прегрешение его».

В настоящее время мы знаем, как могущественна эта страсть, которая представляет собою не только страсть к приобретению имущества или драгоценностей в узком смысле этого слова, а в большинстве случаев является, как стремление к властолюбию, к удовлетворению тщеславия, гордости и других злых человеческих страстей. Поэтому она и развита в настоящее время наиболее сильно, чем когда-нибудь.

Эта всеобщая страсть людей к чрезмерному прибретению имущества, эта погоня только за богатством привели, при настоящем развитии техники и экономической жизни, к тому, что чрезмерные накопления капиталов у одних классов общества вызывают взрывы озлобления и ненависти у других, лишенных самого необходимого, чтобы жить. Страсть к стяжанию в наш век – это всеобщая зараза, внедрившаяся в человеческую жизнь, как неизбежный закон, как главный двигатель всего человечества. Только путем страшных потрясений человечество вылечится от этой заразы, только после гигантских гроз, которые озонируют отравленную атмосферу, всеобщее стремление к богатству потеряет свою силу, разовьются другие высшие человеческие стремления, которые заглушат это царствующее ныне поклонение золотому тельцу.

В заключение нам остается коснуться небезынтересной темы о самом процессе возникновения в душе человека злой страсти и дальнейшего развития её и превращения в привычку укоренившуюся и непреоборимую.

Христианский подвижник Никодим Святогорец, написавший трактат о борьбе со страстями «Невидимая брань», приписывает возникновение страсти, так называемым, «искусительным помыслам», которые «приражаются» к душе или внешним путем чрез впечатления внешних чувств, или внутренним «чрез непосредственныя внушения худого в сердце».

Возникновение «искусительного помысла» (соблазняющей мысли) вследствие впечатлений внешних чувств естественно и понятно каждому, поэтому не требует объяснений. Другое дело, когда соблазняющая мысль возникает, говоря словами Никодима Святогорца, «чрез непосредственные внушения худого в сердце», т. е. когда эта мысль вступает в сознание из таинственной области сердца (солнечного сплетения) в виде готового результата, когда процесс её зарождения теряется в этой области, причем сам человек, хотя бы он подвергал себя строгому самонаблюдению, не может объяснить, откуда у него явился первый импульс недоброго движения души.

Лодыженский М. В. Мистическая трилогия. – СПб., 1914.

Демон похоти

Из числа означенных страстей наиболее непреоборимою для человека признается страсть похотная. Это утверждают христианские подвижники, проходившие тяжелый подвиг борьбы со своими страстями. По мнению, например, святого Афанасия Великого в чувственности диавол имеет наиболее удобную точку приложения.

Афанасий Великий говорит, что одним из первых приступов нападений демонов на подвижника это было то, что они пользовались наклонностью человека к чувственным удовольствиям и старались вовлечь монаха в блуд[16].

Интересно сообщение подвижника первых веков христианства блаженного Иеронима о громадной силе женского обаяния – обаяния чисто чувственного, влекущего к похотной страсти.

Несмотря на свой старческий возраст, Иероним почувствовал эту силу именно тогда, когда предался аскетической жизни. Иероним рассказывает о себе, что, когда он жил в Риме и часто бывал в обществе набожных дам и девиц столицы мира, тогда он не чувствовал ни малейшего к ним движения ни в воображении, ни в теле. Но когда Иероним удалился в Вифлеемскую пустыню и предался строжайшим иноческим подвигам, тогда внезапно начали рисоваться в его воображении образы виденных им в Риме женщин, а в старческом теле, изнуренном жаждою, неедением, бдением, трудами, появлялись юношеские вожделения. Победа была очень трудная, пишет Иероним, потому что естеству предстояло в помощь, как это обыкновенно бывает, явное содействие диавола[17].

О том же предмете другой подвижник первохристианства Кассиан Римлянин говорит так: «Истребить в собственной плоти нечистое вожделение, это есть большее чудо, нежели изгнать нечистых духов из чужих тел»[18].

С тех пор прошли века и человек в силе своих вожделений не изменился; не изменился он и в своей уязвимости темною силою. Он и нынче подвержен таким же нападениям. Разница теперь лишь в том, что человек в громадном своем большинстве не понимает и не может осознать, откуда во многих случаях идут веяния, разжигающие его похоть. К тому же современный человек совершенно распустил себя в отношении борьбы с похотною страстью. Мало того, он счел даже за лучшее идти путем обратным – идти путем насыщения и пресыщения себя похотью. Заснувшая совесть против этого не протестует. И вот мы видим, как у людей от их распущенной жизни угасает чувство, очерствляется сердце, растлевается радость жизни, порождается уныние и отчаяние. Правда, некоторые исключительные натуры выдерживают эту жизнь до глубокой старости, являя собой неисправимое зло и питаясь им до конца дней своих. Но зато многие, отдавшиеся похоти, не выдерживают этого прожигания жизни и кончают её в больших страданиях, нередко даже в форме самоубийства.

После всего того, что было нами вообще изложено о власти демона похоти, власти могущественной, невольно возникает следующий вопрос.

Каким же путем человек может себя избавить от этих воздействий темной силы на его похоть? Ведь, сексуальное чувство, которое, как мы видим, столь уязвимо злом, есть неизбежное переживание, вложенное в инстинктивную природу людей, и вложено оно для осуществления назначения человека плодиться и множиться в этом земном мире.

На это можно ответить, что вопрос об ограждении человека от злых воздействий похоти <…> разрешен христианской религией в форме вполне осуществимой для всех мирян и, по нашему глубокому убеждению, кроме этого разрешения – нет другого пути для людей, живущих в миру, к избавлению человека от этих вредных для него воздействий.

Христианство разрешило этот вопрос установлением христианскаго брака, согласовавшего физическую сторону человека с главной потребностью людей – потребностью их жизни в Духе.

Что же такое по существу своему представляет этот христианский брак?

Ответ на это следующий.

При христианском браке мужчина и женщина соединяются в атмосфере христианского чувства любви. В этой любви и осуществляется тайна соединения мужественного и женственного, связанная с тайной пола. Чувственная эротика, соединяющая брачующихся, гибнет в лучах этой любви. Здесь превыше всего – духовная сторона человека. Силою духа и освещается человеческая плоть.

Такова постановка христианского брака в его высшем идеале, к которому человек должен стремиться. Для достижения же этого идеала человек должен быть целомудренным, т. е. должен охранять себя от эгоистических поползновений своей похоти нарушить нравственный закон.

Итак, в браке выше всего – христианское чувство любви и целомудрие, оберегающее чистоту этой любви. Муж любит жену свою прежде всего как свою духовную нераздельность. Только при этих условиях любви христианской – неизбежный по природе акт полового общения ставится брачующимся в свое надлежащее место, нисколько не теряя сам по себе своего значения, ставится в гармонию подчинения духу, а не во главу угла, как это болезненно выработала наша интеллигенция, превратившая брак в культ чисто эротический и эгоистический – культ творящий подобие любви, каковое подобие любви тотчас же гаснет вслед за удовлетворением страсти. Брак, который мы видим у большинства нашей интеллигенции, в сущности – это эгоистический культ похоти, убивающий деторождение.

Вот к этому-то культу и «подстревает» темная сила, доводящая людей до всяческих эксцессов.

Лодыженский М. В. Мистическая трилогия. – СПб., 1914.

Состояния упадка духа

«Отчаиваться бедственнее, чем согрешать»
из высказываний подвижников «Добротолюбия»

Состояния упадка духа относятся также к злым страстям человеческим. Эти состояния овладевают человеком, входят в его привычку и делаются страстью, когда человек с этими состояниями не борется, им подчиняется и губит этим свою энергию, физическую, мысленную и духовную.

Существует целый ряд душевных настроений этого рода, ряд болезненных переживаний, которые мы определяем словами: печаль, уныние и отчаяние. Эти переживания – целая гамма ощущений, начиная с элегии грусти и кончая припадками невыносимых душевных страданий.

Рассматривая эти состояния ближе, мы видим, что они отличаются друг от друга не только по силе интенсивности каждого из них, но и по роду самого настроения. Так, печаль может начинаться со степеней незначительных и слабых, и при этом она может быть даже окрашена поэтическим чувством, имеющим свою прелесть, и та же печаль может быть глубокою, острою с терзающими душу мучениями. Уныние имеет также свое разнообразие и оттенки – мы видим иногда уныние, как подавленное состояние духа с плачем и воздыханиями; иногда же оно является с примесью озлобления на все и вся. Печаль и уныние отличаются друг от друга главным образом тем, что в основании печали всегда лежит ясно сознаваемая причина, тогда как при унынии эта причина расплывается во что-то неопределенное, как бы, совсем теряющееся; уныние в своей окончательной форме является беспричинным упадком духа, является просто болезненным поражением души в ее мыслительной и эмоциональной сферах.

Отчаяние имеет также большое разнообразие; при отчаянии обыкновенно сознают основную причину, откуда возникает это отчаяние, и лишь в некоторых случаях оно является безотчетным, как высшая степень безотчетного уныния.

Далее мы коснемся прежде всего печали и двух основных форм уныния: уныния при полной подавленности духа и уныния с примесью чувства злобы, затем перейдем к отчаянию, возникающему из этих чувств, и, наконец, будем говорить о высшей стадии проявления отчаяния, будем говорить о самоубийстве – об этой страшной болезни настоящего времени.

Печаль

Скажем прежде всего несколько слов о чувстве печали.

Интересные в этом отношении указания мы можем почерпнуть из наблюдений, которые делали над собой христианские подвижники при впадении их в печаль. Хотя изречения подвижников, касающиеся этого предмета, относились к жизни иноков, подвизавшихся в монастырях и пустынях, но они имеют значение и для всех нас, ибо чувство печали является свойством общим для всех людей, при всяких их положениях.

Надо сказать, что подвижники различают два рода печали: печаль по Богу и печаль мира сего. Печаль по Богу они понимали, как чувство сокрушения человека о содеянном им грехе. «Эта печаль, – говорили подвижники, – не налегает на человека подавляющей тяжестью, но говорит ему: не бойся, приди опять к Богу, ибо знает Он, что человек немощен и подает ему силу»[19].

Другое дело – так называемая, печаль мира сего. По изречениям подвижников, подобная печаль в большинстве случаев является, как переживание, производное от неудовлетворения человеком известных страстей своих. Так Нил Синайский говорит: «Гнев желает отмщения; неуспех в отмщении порождает печаль»[20]. «Кто победил страсти, тем не владеет печаль»[21]. Тоже говорит и Максим Исповедник – «со злопамятством неразлучна печаль»[22].

Если такая печаль овладеет человеческою душою, то она сама делается привычкой или как бы страстью человека.

Вот, против этого рода печали подвижники и восставали, как только могли; они также преподавали советы к борьбе с печалью, «нападающей на людей по причине временных потерь и неприятностей, которая нередко бывает для них причиной даже смерти»[23].

В целях характеристики печали мы сделали эти краткие выписки из изречений христианских подвижников, собранных в книгах «Добротолюбие». Нельзя не признать за этими изречениями глубокой мудрости и проникновения в сердце человеческое.

Уныние

Перейдем к исследованию по «Добротолюбию» другой формы упадка духа, к исследованию уныния, относительно которого у подвижников интересующие нас указания имеются и притом указания в определенной и категорической форме.

Как мы излагали выше, различаются два основных рода уныния. Уныние при полной подавленности духа без чувства какого-либо озлобления и уныние с примесью чувства злобы,

Замечательно, что, судя по изречениям подвижников, они не были знакомы с унынием, к которому примешивалось злобное чувство. Это, конечно, объясняется тем, что чувство озлобления было подвижниками искореняемо по мере их сил, благодаря непрестанной их борьбе с собою и со своими страстями. Но, зато подвижников часто преследовала, как видно из «Добротолюбия», беспричинная подавленность духа, и относительно этого рода уныния они нам дают материал довольно богатый. Что же касается второго рода уныния, а именно уныния с примесью чувства злобы, то материал для исследования этого состояния (встречающегося ныне нередко у наших интеллигентов) мы можем найти у современных нам писателей беллетристов, которые дают немало данных по этому предмету.

Приступая к изречениям подвижников об унынии, мы должны прежде всего сказать, что вообще мы весьма ценим опытные данные их подвижнической жизни, касающиеся ее мистической стороны. После подробного изучения творений подвижников, мы убедились, что они были глубокими психологами по вопросам духа; постоянная их борьба со своими страстями, постоянное их самонаблюдение (трезвение) открывало им тайны темных мистических влияний, открывало те тайны, которые обыкновенно ускользают от нас, ведущих рассеянную жизнь, расплывающуюся в суете бесконечных мирских впечатлений.

Итак, приведем некоторые наиболее интересные указания подвижников относительно уныния. Св. Иоанн Лествичник говорит, что уныние есть расслабление души, изнеможение ума. Св. Кассиян Римлянин называет это уныние тоскою сердечною; причем он говорит, что оно происходит от вражеских козней. То же говорит и другой подвижник Евагрий монах; он также приписывает это беспричинное состояние тоски воздействию злой мистической силы. Он говорит, что демон уныния (полуденный демон) «всю душу охватывает и ум потопляет». Евагрий отличает этого демона от других демонов зла. По Евагрию, те демоны касаются лишь части души, а здесь охватывается злою силою все существо человека.

Дополним теперь картину этого состояния примером, который мы имеем в одном из писем ближайшего к нам по времени подвижника Феофана Затворника.

Феофан Затворник, отвечая одному из своих учеников на его жалобу о постигшем его унынии, цитирует саму эту жалобу ученика, рисующего свое состояние, следующим образом:

«Молюсь рассеянно, – пишет ученик, – читаю без охоты. На душе темно и мутно. Бросаюсь на колени перед иконою и взываю к Богу… а все неспокойно на душе; иногда целая буря поднимается… буря каких-то неопределенных мыслей, неясных желаний, стремлений неизвестно к чему… это самые трудные минуты… молюсь, борюсь и нет облегчения. Наконец, успокаиваюсь, а тогда охлаждение находит… ни к чему нет охоты, пусто и холодно на душе».

И, вот, на эти жалобы Феофан также разъясняет своему духовному сыну, что это враг «подстревает» со своими внушениями[24].

Итак, как видят читатели, воззрение и у Феофана здесь то же, что и у Евагрия. По этим воззрениям – в душу инока, впавшего в такое состояние, проник демон уныния, который и мучает его душу.

Таково изображение подавленного состояния души, которое мы нашли в сочинениях христианских подвижников.

Отчаяние

Но что такое по существу своему состояние отчаяния?

Отчаяние – это то состояние, когда человек не только пришел к непоколебимому убеждению, но осознал всем существом своим, что жизнь его имеет лишь ценность отрицательную. Это осознание у человека явилось или вследствие невыносимых страданий, на него нахлынувших, или – как результат его пессимистического мировоззрения, в силу которого жизнью вообще дорожить не следует; причем в человека внедрена уверенность, что надежда на лучшее будущее эфемерна.

В этом приведенном нами определении отчаяния мы можем усмотреть два главных рода его: отчаяние в острой форме, как следствие страданий, надвинувшихся на человека, и отчаяние в состоянии длительном, хроническом, являющееся, как результат известного мировоззрения, укрепляемого с одной стороны ударами судьбы, а с другой тем, что зло часто торжествует в этом нашем земном мире.

Приведем справочно, что об отчаянии говорят наши христианские подвижники. «Ничто так не сильно, как отчаяние, – говорит христианский подвижник VI века св. Исаак Сирин. – Когда человек в мысли своей лишит жизнь свою надежды, тогда нет ничего дерзостнее его…, потому что всякая приключающаяся скорбь легче смерти, а он подклонил главу, чтобы принять на себя смерть»[25].

«Отчаиваться бедственнее, чем согрешать, – пишет другой подвижник Иоанн Карпафский, – Иуда предатель был малодушен и не искусен в брани, почему впал в отчаянье и враг, набежав, набросил на него петлю»[26].

Это последнее изречение очень характерно: в нем заключается мысль, что даже Иуда, который предал самого Спасителя мог бы спастись, если бы не отдался унынию и отчаянию и с ними боролся, если бы он не отдался тем состояниям, при которых темная сила окончательно уже губит человека – «набрасывает на него петлю».

«Избавить собственное сердце от мучительных недугов, уныния и отчаяния – это гораздо важнее, нежели исцелить телесные немощи, – говорит Кассиан Римлянин»[27].

Но вот вопрос, как избавить себя от этих состояний?

Единственное средство спасения от отчаяния, нападающего на человека вследствие ударов судьбы или вследствие совершенного человеком греха, христианство видит в молитве, в призыве на помощь человеку той силы Света Незримого…

Та же Сила спасает человека и от отчаяния, являющегося иной раз, как результат пессимистического мировоззрения людей. Это пессимистическое мировоззрение преодолевается человеком по мере того, как он более и более осознает власть Света Незримого, по мере того, как он ближе и ближе прикасается к реальности иного мира, рассеивающего в его душе тьму мирового зла.

Вот, что было напечатано в газете «Анапа-Курорт» в воскресенье 16-го июня 1913 года в статье под названием «Что делать?» Берем наиболее интересные выдержки; статья эта, очевидно, написана молодым юношей; – его молодость так и сквозит в живых строках его протеста.

«Везде говорят и пишут об эпидемии самоубийств, – читаем мы в этой статье. – Обсуждают это глубоко-печальное явление нашей жизни.

Негодуют, плачут, возмущаются… Прислушаемся же к тем, кто задыхается в душной атмосфере пороков и разврата, чья душа бьется в сетях окружающей лжи и падений…

Ложь, грязь, развитие всевозможных пороков и достижение личных эгоистических целей – вот главные импульсы нашей горячечной городской жизни.

Большинство из нас, молодых людей, проводят безалаберно и бесцельно день за днем своей жизни и вся она сводится к тому, чтобы днем трудиться для заработка возможно большего куска хлеба, а вечером прожигать где-либо остаток догорающего дня.

Грустно говорить об этом, но еще грустнее сознавать, что отрезвление последует неизвестно когда… Нет! Это немыслимо, чтобы мы сами, создавшие вокруг себя такую атмосферу, наконец не пробудились и не пожелали стряхнуть этот ужасный кошмар!

Душа стонет, плачет и неудовлетворенная век свой будет плакать!

Скажите, что делать такому человеку? Ведь пользы обществу, которой так жаждет его душа, он не принесет. В нем слишком мало физической силы и энергии. Что делать?

Продолжать существование или… или… проститься на веки с этим светом, где так много пошлости, где судьба жестока, а люди требуют лишь личного счастья. Это болезненное «что делать» – как эхо надорванных струн звучит в наших городах.

И когда нет отклика, нет привета, эти струны замирают в прощальном похоронном аккорде. Да, надо освежить жизнь, надо найти утерянные идеалы, ибо нет сил жить в душной атмосфере!

Без лучей! Без воздуха!»

Как видят читатели, статья написана горячо и молодо. Перед нами резкой нотой звучат крики протеста страдающего человека.

В своей аморальности люди дошли до отчаяния и застряли, как говорится, в тупике. Дальше идти им некуда. И, вот, мы видим, что один из юношей, в которых еще теплится искра Божья, который не превратился еще в заживо разлагающийся труп, вопит и зовет на помощь, мечется к неведомому лучу просвета, ибо чувствует, что он должен быть этот луч, чувствует, что, если нет этого луча, то все бытие мира, каков он теперь есть, бессмыслица и ничего более. Оно же, это юное существо, ведь еще живет и хочет жить.

Это желание жить, эта сила жизни уже многое раскрыла молодому юноше-писателю. Она ему раскрыла большую половину его беды. Он уже обращает взоры на себя и говорит, что главный ключ его несчастья – это развитие всевозможных пороков, развитие злых страстей в нем самом на почве эгоизма.

Но как сокрушить все это зло? Он, этот юноша, пока бессилен. И он бессилен потому, что не знает другого своего врага, не знает причин своих инфекционных заболеваний, не знает, что кроме его злых страстей существует еще другой фактор зла, существует страшный «микроб» темной силы, который «прикидывается» к пораженной душе людей; не знает он, что от этого микроба лечение только одно – лечение светом, тем «Светом, который исходит из Христа распятого… И этот юноша, написавший цитированную нами статью, юноша, который уже познал свои страсти, – придет время, – познает и другую свою беду, познает другую половину зла, которую начинают ему бессознательно выдавать даже те писатели, которые, ради поклонения толпы, воспевали ей одно только зло.

Дилемма одна для такого юноши: дорога его – или к самоубийству или к Свету Незримому.

И мы думаем, что человек, который дошел до пределов отчаяния – если он еще не разлагающийся труп, то он не так уж далек и от возрождения. Нужно только, чтобы он осознал своих недругов. И даже такое познание врага, о котором мы говорили выше, даже это познание может быть путем к спасению, – ибо признание человеком существования темной мистической силы

должно привести его, если он не окаменел еще в нечувствии, и к признанию Высшей надмирной Силы, спасающей людей от, тьмы, спасающей людей стремящихся к Свету, спасающей их от болезней, отчаяния и её ужасов.

Следует признать, что, как бы человек, отравленный скептицизмом нашего века, ни упирался против наличия темной силы, губящей людей – ему в конце концов придется все-таки увидать ее, ибо нравственные инфекционные заболевания, производимые этой силой, растут, и растут они не столько в связи с внешними материальными причинами, сколько в связи с условиями внутреннего устроения человека и его уязвимости демоном зла; примечательно, что самоубийства, как мы видим из статистических данных, развиваются и в обеспеченных классах общества.

Лодыженский М. В. Мистическая трилогия. – СПб., 1914.

Об участии злых духов в грехопадениях человеческих

Учение Св. Писания о действии на нас злых духов требует подробного рассмотрения, и прежде, нежели решим вопрос: действительно ли духи злые участвуют в грехопадениях наших, нужно решить: возможно ли это участие? Сверх того, важность вопроса об участии злых духов в грехопадениях человека в отношении к жизни христианской требует, чтобы мы показали, сколь обширно это участие; так как, готовясь на брань, всегда нужно знать: как силен неприятель, сколько нужно сил к поражению его и как он действует в сражении. Таким образом, в исследовании об участии злых духов в грехах наших, должны мы решить следующие частные вопросы:

1. Возможно ли участие злых духов в наших грехопадениях? Если возможно, то
2. Действительно ли злые духи участвуют в грехопадениях наших?

1. Возможно ли участие злых духов в грехопадениях человека?

Возможность участия злых духов в грехопадениях человека может быть рассматриваема: 1) со стороны самих злых духов, 2) со стороны человека, и, наконец, 3) со стороны Всеблагого, Премудрого и Всемогущего Промыслителя, без воли Которого ничего не может случиться в мире.

1) Со стороны злых духов нет ни нравственной, ни физической невозможности к тому, чтобы они участвовали в наших грехопадениях.

Когда говорят нам о влиянии злых духов на душу нашу, то понимают духов невидимых с умом хитрым, с волей упорной во зле, духов, всецело удалившихся от Бога, от верховного их Блага. Духи отступники осуждены на вечные мучения. Всеблагий Творец не лишил бы и их, так же как человека, благодатной своей помощи, если бы в них было сколько-нибудь стремления к Богу, как высочайшему Благу: но они не желают быть с Богом, и совершенно удалились от Бога. И поскольку существо разумно-свободное не может не стремиться к чему-либо, то должно заключить, что падшие духи, совершенно удалясь от Бога, поставили предметом всех своих стремлений что-либо вне Бога. Но все существующее вне Бога, когда мы стремимся к тому, как к главной своей цели и к верховному своему благу, есть для нас зло. Посему духи, совершенно удалившиеся от Бога и поставившие предметом всех своих стремлений нечто вне Бога, всецело прилепились ко злу. Таким образом, зло есть существенная и необходимая стихия для духов отступников; они ни о чем не мыслят, кроме зла, ничего не желают кроме зла, ни в чем не находят наслаждения, кроме зла. «Он человекоубийца бо искони», – говорит Иисус Христос о дьяволе, и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи[28]. С таким расположением ко злу, с такой ненавистью к добру, может ли утерпеть дьявол, чтобы не стараться улавливать в свои сети верных рабов Господа? Может ли спокойно смотреть даже и на того, в ком есть хоть несколько добрых расположений?

С другой стороны, силы злых духов, утратив всякую способность делать добро, не лишились всей своей крепости; злые духи, и по падении своем, остаются более крепкими, нежели человек, ими побежденный и увлеченный в падение. Они не облечены грубой плотью, которая удерживает дух наш в мире чувственном и немало препятствует ему в его стремлении к духовному. Апостол ясно показывает нам значительное превосходство их сил, когда, убеждая облечься во всеоружие Божие, говорит: «наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной»[29]. Нужно, говорит, особенное мужество, нужны особенные приготовления к брани; потому что наша брань не против слабых сил человеческих, но против врагов крепких, против мироправителей темных. И Спаситель также прямо называет духа тьмы крепким домовладыкой, так что для разрушения дома его нужно было явиться настолько крепкому, каков сам

Господь Спаситель[30]. Итак, силы злых духов гораздо крепче, чем силы падшего человека. Это ведет нас к тому заключению, что злые духи могут иметь много средств вредить человеку.

Правда, злые духи не глубоко сведущи, не могут проникать в глубину души человека; но, при тесной связи души с телом, внутренние расположения души почти всегда проявляются во внешности. Хотя человек может, если захочет, скрывать внутренние свои ощущения; но эта скрытность не может быть постоянной. Бывает в жизни человека много таких минут, когда он показывает себя таким, каков есть. Дьявол, который ходит повсюду как рыкающий лев, ища, кого поглотить[31], может в подобные минуты высматривать внутреннее состояние человека, особенно его недостатки. Вековые наблюдения над человеком, над его разнообразными положениями доставили ему опытное знание о человеческой жизни и ее обнаружениях. Внешние признаки такого или другого внутреннего состояния, признаки радости духовной, скорби духовной, молитвы рассеянной или благоговейной, ему известны. Макарий Великий говорит: «Если человек, обращаясь с человеком, знает расположения его, то ужели сатана, который от самого рождения живет с тобой, не знает твоих мыслей? Впрочем, мы не говорим, что все помышления и желания сердца нашего знает дьявол»[32].

Возможность действия злых духов на человека можно было бы оспаривать невозможностью сообщения злых духов с человеком. Но надобно согласиться, что дьявол может действовать на душу человека и непосредственно, и при посредстве тела.

Если что и можно говорить против мысли о непосредственном действии злых духов на душу человека, так это то, что душа человека облечена телом. Но некоторые явления в душе нашей заставляют предполагать, что она имеет способность входить в общение с внешним миром и без посредства телесных органов. Случается иногда, что одно из двух лиц, соединенных между собой узами любви и дружества, но разделенных между собой пространством, испытывает несчастье, тяжесть этого несчастья падает на душу и друга; одно из этих лиц получает какое-либо счастье, это веселит и друга; между тем друзья не имеют никакого сношения между собой. Как же это объяснить, если не предполагать, что душа имеет способность входить в общение с другой душой и без посредства телесного организма. Неизвестность для нас образа этого общения не опровергает действительности общения: мы не знаем образа бытия многих истин, между тем как само бытие этих истин для нас несомненно. Из Откровения нам известно, что благодать Божья производит в душе человека святые мысли, добрые расположения, и не можем отвергать этой истины, хотя не знаем, как совершается такое действие в душе нашей. Пророки и другие Божьи угодники получали иногда от Бога внутреннее вразумление о событиях будущих[33]. Бог есть Дух: но Он действует прямо на душу пророка. Не делает ли это для нас очевидной возможность непосредственного общения души человеческой с миром духовным? Итак, если душа имеет способность без посредства тела входить в общение с миром духовным, то почему же не допустить мысли о возможности непосредственного действия злых духов на душу человека; если она не ограждена благодатью и верностью человека благодати, ему от Бога дарованной?

Злые духи могут действовать на мир материальный, могут представлять человеку различные предметы из его области. Но стоит только представить взору человека предмет, и в человеке естественно рождаются мысли, желания и чувствования, соответствующие представившемуся предмету.

Отсюда открывается возможность для злых духов еще новым образом действовать на человека, именно – через чувственные видения. Материя повинуется силам, ей сообщенным. Известно, сколь много разнообразных явлений производят физики и механики через различные изменения в отношении этих сил материи. Но дьявол, как прежде сказали, может действовать на силы материи, и может поставлять их в таком или другом положении. Почему же не допустить, что дьявол может, например, привести силы известного количества материи в такое

отношение, чтобы эти силы образовали из тонкой материи призрак тела, подобный телу человеческому? Сказанное выше приводит к тому заключению, что для действия злых духов на человека, в природе самих духов нет никакой невозможности.

2) Участие злых духов в грехопадениях человека возможно и со стороны человека.

Человек одарен способностью принимать доброе от высших и равных существ, а равно как существо, ограниченное в своих силах и поврежденное, не освобожден и от возможности принимать внушения худые. Дух, допустивший в себя однажды порчу, открыл себя нападениям враждебных сил; и коль скоро недоброе семя брошено в землю, врагу нетрудно питать и развивать такое семя.

Некоторые потому не хотят допускать мысли о влиянии на человека злых духов, что считают ее несообразной с понятием о свободе человека и о нравственном его самоусовершенствовании. Но это несправедливо. Свобода неотъемлема у человека. Никто не в состоянии насильно заставить человека хотеть или не хотеть чего-либо; бывают случаи, в которых и никакими обольстительными мерами невозможно переменить человеческой воли. Такая крепость свободы в человеке неопровержимо доказывается историей времен мученичества. Как ни старались склонить к поклонению идолам поклонников истинного Бога, нимало не успели в этом намерении; самые лестные обещания мучителей столь же бессильны были поколебать веру мучеников, сколько и самые жестокие казни. Но хотя свобода неотъемлема у человека, однако же, не во всех людях и в одном и том же человеке не во всякое время бывает столько тверда, сколько в святых мучениках. Поэтому воля человеческая нередко покоряется внушениям других. Притом и при всей силе воли можно полагать препятствия к выполнению свободных предначертаний. А из этого открывается, что мысль о влиянии на человека злых духов всегда можно согласовать со свободой человеческой, нимало не уничтожая последней.

Теперь становится очевидным, что мысль о влиянии на человека силы злой не противоречит и мысли о нравственном самоусовершенствовании человека. Нравственное усовершенствование зависит от свободы: и действия ума, и желания воли, и чувствования сердца находятся в распоряжении свободы. Но если и при влиянии на нас злых духов свобода наша остается неприкосновенной, то следует, что это влияние, если мы сами не захотим покориться ему, не может препятствовать нравственному нашему самоусовершенствованию.

И не только не может препятствовать нравственному улучшению человека влияние на него злых духов, но напротив, еще может ускорять его. Известно, какую важность в деле нравственного улучшения имеет преодоление препятствий к добру. Доброе дело, совершенное нами без всякого противоборства злу, не столько может доставить нам успехов в добродетели, сколько победа над злом. Когда мы делаем добро, не встречая препятствий со стороны врагов наших, делаем без труда. Но противодействием злых духов естественно должно возбуждаться в нас усилие побеждать препятствия к добродетели, соединенное с пожертвованием в пользу добра всеми греховными удовольствиями, необходимо усиливает в нас решимость делать добро, так как это оставляет в нас сильные и живые впечатления в пользу добра. И поскольку не знаем, когда враги наши намерены сделать на нас нападение, то кто не хочет сделаться жертвой нечаянного их нападения, тот, естественно, должен побуждать себя к постоянному бодрствованию над самим собой, к постоянной готовности бороться с врагами, а, следовательно, и решимость делать добро должна становиться в нем постоянным, господствующим расположением его духа. Это образует в человеке твердый, нравственно добрый, характер, потому что постоянное стремление к добру, постоянное желание противиться злу производит в человеке некоторого рода навык к добру. Итак, мысль о влиянии на человека злых духов не противоречит понятию о свободе человека и нравственном его самоусовершенствовании, посему надобно сказать, что оно возможно и со стороны человека.

3) Бог есть всемогущий, премудрый и всеблагий Промыслитель мира. Он поддерживает бытие всех своих тварей, и все в мире направляет к своим целям. Без Его сохранения все твари

обратились бы в прежнее свое ничтожество; без Его управления исполненный порядка мир обратился бы в хаос. Такое понятие о Боге служит для некоторых основанием не допускать мысли о действии на человека злых духов.

Но если внимательнее вникать в свойства Божьи, то в них нельзя найти ничего такого, чтобы делало невероятной мысль о влиянии злых духов на человека.

Бог, как всемогущий, может остановить все покушения злых духов вредить человеку; но Он есть вместе существо премудрое: потому нельзя допустить, чтобы Он стал отнимать свободу у злых духов. Премудрый и Всеблагий, предоставив во власть свободного духа добро и зло, живот и смерть, не желает, чтобы кто-нибудь избирал зло и смерть, но и не хочет отнять данной свободы. Премудрость Божья от века предуведала, и Благость вечная от века предуготовила победу, какую добро должно одержать над злом. Всевластный ограничивает злую свободу, и имеет полное право ограничивать ее, как скоро она преступает границы, ей назначенные, как скоро она всей своей разрушительной силой хочет действовать к расстройству Богом сохраняемого и управляемого мира. Но (как показано выше) действия злых духов на человека и по опыту не таковы, чтобы они необходимо увлекали человека на зло, они не только не останавливают его, против воли, на пути к самоусовершенствованию, но еще ускоряют шествие его по этому пути. Поэтому нет причин отнимать силу у злой силы действовать на человека.

Правда, человек не всегда одерживает победу в борьбе с духовными своими врагами; но это обстоятельство не дает нам права думать, чтобы попущение вражеских нападений на человека противоречило Благости и Святости Божьей. Попуская на нас зло, Бог не только не лишает нас свободы противиться злу, напротив, подает средства побеждать зло, побеждать врагов спасения нашего. Бог и предостерегает нас от них в своем Откровении: «трезвитеся, бодрствуйте, – говорит Он устами апостола Петра, – противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить»[34]. Бог дает нам благодатные силы в подкрепление наших немощей: «сила моя, – говорит Он, – в немощи совершается»[35]. Он не предает человека во власть таких искушений, которых он перенести не может, но, посылая искушение, посылает и помощь. Теперь если человек, несмотря на всю удобность побеждать врагов своих, падает, то он виновен в этом сам; поражение его зависит от собственной его беспечности, от собственного расположения к греху.

Итак, участие злых духов в грехопадениях человека возможно и со стороны злых духов, и со стороны человека, и со стороны Бога.

Но возможность не есть еще действительность. Не все то есть на самом деле, что быть может: поэтому нужно еще решить вопрос:

2. Действительно ли злые духи участвуют в грехопадениях человека?

Сила постоянно стремится к деятельности и, если не встречает никаких препятствий, действует. Теперь, когда мы доказали, что злые духи всеми силами своей воли желают вредить человеку греховными своими внушениями, когда доказали, что к приведению в действие злого желания они не имеют препятствия ни в самих себе, ни в человеке, ни в Боге, то разум находится в необходимости принять за истину и то, что злые духи действительно участвуют в наших грехопадениях.

Если что может говорить против этой истины, так это одно то обстоятельство, что иные не сознают действий на душу злых духов. Но это обстоятельство совершенно частное; почему и не может быть основанием для заключения общего. Если бы кто о себе мог сказать, что вовсе не ощущает влияния на себе злых духов, то не может и не имеет права сказать того же и о других, и особенно обо всех людях. Притом человек получает впечатления от внешних предметов через посредство телесных органов. А, привыкнув таким образом получать впечатления и сведения о предметах сторонних, думает, что все находящееся в душе его, и между тем не вошедшее в нее путем чувств внешних, есть произведение собственной души его.

Но дьявол есть существо невидимое, духовное; потому и действия его также скрытны. И эта неощутимость действий дьявольских на человека при недостаточном нашем познании самих себя, при недостаточном внимании к себе, препятствует нам сознавать влияние на нас злых духов. Если взять во внимание еще то обстоятельство, что дьявол, желая действовать на нас с большим успехом, действует применительно к нашим наклонностям, то не ощущающие дьявольских действий на себе еще менее могут утверждать что-либо против действительности влияния злых духов на других. Могут быть, и есть люди, возвышающиеся над нами в нравственной жизни. Они, при более глубоком познании самих себя, нежели каково наше познание, при более тщательном внимании к самим себе, могут ощущать влияние на себя силы злой и действительно ощущают таковое. Апостолы говорили: «Ибо нам не безызвестны его умыслы». Следовательно, апостолы замечали и различали козни сатаны; следовательно, им опытно известны были действия его.

И всякий человек при внимательном углублении в самого себя может, если не ощущать действия злых духов при самом их совершении, то по крайней мере, находит в истории собственного сознания такие мысли, чувствования и желания, какие не могла произвести ни сама душа, растленная грехом, ни мир лукавый и грешный, столь пагубно действующий на душу. Представим себе человека, занимающегося молитвой: вся душа его в трепетном благоговении пред Существом высочайшим. При всем том иногда случается, что греховные мысли вторгаются в его душу, нечистые чувствования возмущают его сердце, преступные желания влекут его ко злу. Откуда все это? Происхождение таких состояний не иначе можем объяснить себе, как допустив действие на человека силы злой. Таким образом, и внимательное углубление в самого себя не откажется убедить человека в той истине, что злые духи действуют на нас душепагубно.

Впрочем, когда идет дело о действительности участия злых духов в грехопадениях человека, требуются доказательства более твердые и более важные, нежели каковы доказательства, заимствованные из тесной области нашего внутреннего опыта, часто не вполне, часто неправильно понимаемого нами. И, конечно, ничто не может быть тверже тех доказательств, какие доставляют Священное Писание и свидетельства прославившихся благочестием мужей. Поэтому мы должны обратиться к этим источникам. Дело разума должно состоять здесь только в том, чтобы надлежащим образом пользоваться такими источниками, и именно: что касается до Священного Писания, разум на основании соображения различных его изречений, содержащих в себе учение о влиянии на человека силы злой, и на основании важности лиц, предлагавших это учение, должен показать, что в этих изречениях действительно содержится учение о влиянии злых духов на человека. Что касается до свидетельств благочестивых мужей, разум должен показать себе, что эти свидетельства вполне заслуживают наше доверие.

Итак, говорит ли Священное Писание об участии злых духов в грехопадениях человека?

Священное Писание весьма часто и весьма настоятельно подтверждает мысль о действительности участия злых духов в грехопадениях человека. Чтобы представить себе яснее изречения об этом предмете, произнесенные в различные времена и при различных обстоятельствах Иисусом Христом и апостолами, надобно привести их к трем классам. Священное Писание, свидетельствуя о действительности участи злых духов в грехопадениях человека:

1) иногда злые дела человека называет делами дьявола,

2) иногда предлагает убеждения противиться дьяволу и правила, как противиться ему,

3) иногда прямо говорит, что дьявол располагает человека к совершению злых действий.

1) Священное Писание злые дела человека называет делами дьявола. Так, ереси в Священном Писании называются то учением бесовским[36], то плевелами, всеянными дьяволом[37]. Людей, делающих злое, оно называет то сынами дьявола[38], то рабами, принадлежащими к области сатаниной[39], и дьявола называет их князем[40].

2) И не потому только Священное Писание называет злые дела человека делами дьявола, и людей, совершающих таковые, сынами и рабами дьявола, что дьявол первый проложил путь греху в мир; но потому преимущественно, что он и ныне не перестает вводить человека в грех. Иначе что же будут значить все те убеждения противиться дьяволу, которые так часто внушает человеку Откровение? «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить. Противостойте ему твердою верою»[41].

Потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной[42].

Что значат все средства, предлагаемые Откровением к успешному противоборству дьяволу: «Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских»[43]. Что все это, как не доказательство того, что злые духи и ныне стараются преклонять человека к злу?

3) Наконец, Священное Писание и прямо свидетельствует об участии дьявола в наших грехопадениях. Так, оно говорит, что дьявол то ослепляет разумы неверных, чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа[44], то и принятое уже слово Божье уносит из сердца их, чтобы они не уверовали и не спаслись[45]; он вложил в сердце Иуды Искариотского мысль предать Иисуса Христа[46], и он возбудил Ананию и Сапфиру солгать Духу Святому[47]. Он всегда и везде яко лев рыкая, ходит, ища, кого поглотить[48]. Итак, Откровение утверждает мысль о действительности участия злых духов в грехопадениях человека.

Чтобы знать, правильно ли мы изъяснили мысли Св. Писания о действительности участия злых духов в грехопадениях человека, посмотрим, как учит об этом Церковь. Церковь назначена быть хранительницей изречений Откровения; с ней всегда пребывает Иисус Христос[49] и Святой Дух, наставляющий ее на всякую истину[50]: посему нам предписано для решения всяких споров обращаться к Церкви[51]. Итак, признает ли Церковь за истину мысль об участии злых духов в грехопадениях человека?

Церковь всегда допускала и допускает мысль о действительности участия злых духов в наших грехопадениях. Это видно из сочинений отцов Церкви и христианских подвижников, и из некоторых действий Церкви.

Отцы Церкви никогда не понимали мест Св. Писания, говорящих об участии дьявола в наших грехопадениях, в несобственном смысле, но всегда понимали их буквально. Приведем несколько мест из сочинений отцов Церкви. Святой Златоуст, обличая тех, которые нимало не помышляют об опасностях, угрожающих им со стороны духовных врагов, говорит: «Если бы мы узнали, что у постели нашей скрывается змея, тотчас постарались бы умертвить ее. Но когда дьявол гнездится в душе нашей, не представляем себе никакой из того беды. Причина сему та, что дьявола не видим телесными очами». Потом, утверждая, что надобно трезвиться и бодрствовать, подкрепляет мысль свою примерами из Св. Истории, свидетельствующими о влиянии на человека злых духов. После этого он дает следующее наставление: «Мы должны стараться познавать его козни и уклоняться от них».

Святой Афанасий в ответ на вопрос: кто внушил Каину убить Авеля, тогда как еще неизвестно было, что такое смерть, и как может человек умереть, говорит: «Дьявол научил Каина убить Авеля, и показал ему способ – как убить его».

Святой Григорий говорит: «Кого одно нападение дьявола еще не низлагает, того он поражает в другой и в третий раз, дабы таким образом совершенно победить его». И эту мысль св. Григорий подтверждает примером Иова: «Как скоро известили Иова о несчастии, причиненном ему неприятелями, его извещают о наказании Божьем, последовавшем через ниспадший с неба огонь, – потом о пленении верблюдов, об избиении пастухов, наконец, о разрушении дома сильной бурей и о погибели сыновей. Но когда Иов узнал о первом несчастии, то это в

спокойной душе его произвело такую малозаметную скорбь, какую производит легкая рана в здоровом члене тела; но когда дьявол, для того, чтобы произвести в Иове нетерпение, повторяет удары в растерзанное уже сердце, то тем он возлагает раны на раны».

То же учение находим у св. Макария, Амвросия, у Киприана, у Тертуллиана, у Августина, у Епифания и у других.

Учение об участии злых духов в грехопадениях человека можно видеть также в некоторых действиях Церкви.

При крещении, в молитвах за оглашенных весьма ясно выражается учение Церкви об участии злых духов в грехопадениях человека. В таких молитвах показывается, что злые духи могут действовать, и действуют на человека, и не возрожденного, и возрожденного. И потому-то служитель таинств именем Господа, пришедшего в мир и вселившегося в человека да разрушит мучительство дьявола, – именем Господа, Его же зрение сушит бездны, и прещение растаивает горы, запрещает диаволу так: «убойся, изыди, и отступи от создания сего (крещаемого), и да не возвратишися, ниже утаишися в нем, ниже да сряцеши его, или действуеши, ни в нощи, ни во дни, или в часе, или в полудни; но отъиди во свой тартар, даже до уготованнаго великаго дне суднаго»[52]. Бог Святый, страшный и славный во всех делах и крепости своей, непостижимый и нисследимый Сый… нами, недостойными Его рабы, повелевает тебе (дьяволе), и всей споспешной твоей силе, отступити от новозапечатанного именем Господа нашего Иисуса Христа, истинного Бога нашего: запрещаю тебе убо… силою Иисуса Христа…, рекшего глухому и немому демону: изыди от человека, и да не к тому внидеши в него: отступи… от иже ко святому просвещению готовящегося[53]. Господи Саваоф! Отжени от раба твоего вся действа дьявола, запрети нечистым духом, и изжени я, и очисти дела руку Твоею, и острое Твое употребивый действо, сокруши сатану под нозе его вскоре, и даждь ему победы на него, и на нечистые его духи[54].

Сый Владыко Господи!.. создание Твое сие избави от работы вражия…; сопрязи животу его Ангела светла, избавляюща его от всякого навета сопротиволежащаго, от сретения лукавого, от демона полуденного, и от мечтаний лукавых. Изжени из него всякого лукавого и нечистого духа, сокрытого и гнездящегося в сердце его, – духа прелести, духа лукавства, духа идолослужения, и всякого лихоимства: духа лжи, и всякие нечистоты, действуемые по научению диаволю[55].

В заклинаниях, произносимых над одержимыми злыми духами, также выражается учение Церкви о действительности влияния злых духов на человека. Не нужно приводить здесь сих заклинаний; само наименование их показывает, что Церковь, назначившая их для соответственного им употребления, верила в действительность влияния злых духов на человека.

Из сказанного доселе видно, что участие злых духов в грехопадениях человека несомненно.

Флоринский Ф. В. Рассуждение об участии злых духов в грехопадениях человеческих. – М., 1838.

Глава 4
Механизм воздействия темной силы на людей

Воздействие темной силы на человека

Но какие бы опытные данные мы ни представляли в доказательство, что темная мистическая сила существует, пытливый человеческий ум для полноты своего знания будет требовать еще уяснения того, каким путем совершается воздействие этой силы на людей. В виду этого здесь интересно было бы, для начала нашего исследования, дать хотя бы приблизительные указания на сам путь такого воздействия, дать эти указания хотя бы в общих чертах.

Как бы ни была трудна такая задача, но мы думаем, что означенный вопрос можно осветить в формах, приемлемых даже и для рационалистическаго ума.

Возможным это сделалось в особенности в наше время, когда наука, вследствие последних великих открытий, приступила к решительной переоценке прежних научных ценностей, казавшихся дотоле несокрушимыми, когда смелая человеческая мысль начинает даже среди мыслителей с материалистической закваскою посягать на выяснение вопросов, к которым еще весьма недавно никто из таких мыслителей не решался и подойти.

Перейдем собственно к разрешению вопроса о том, как именно осуществляется влияние злой мистической силы на человека, в какой форме это влияние производится.

Чтобы на это ответить, хотя бы приблизительно, мы должны обратиться, к единственному способу трактовки мистических проблем – это к аналогиям из мира физического.

Аналогия, которую мы применим к данному случаю, будет заключаться в следующем:

Вспомним прежде всего о так называемых инфекционных заболеваниях, охватывающих иногда целые массы людей. Болезни эти, как известно, заключаются в том, что в физический организм человека проникает болезнетворная бактерия или микроб, и производит в нем свое разрушительное действие.

Принимая во внимание эти заболевания, появляется вопрос, не представляет ли темная мистическая сила нечто аналогичное с болезнотворной бактерией, «прикидывающейся» к физическому организму людей, когда этот организм недостаточно вооружен своей энергией для самозащиты, когда состояние его здоровья почему-либо пошатнулось и сделалось восприимчивым для болезни.

Ведь можно предположить, что также, как в тело человека в мире физическом внедряется микроб, так и к астральному телу, пораженному какой-либо злою страстью и потому ослабленному для самозащиты, может «внедриться» свой специальный микроб, усиливающий разрушительное действие этой страсти.

Здесь надо только сказать, что в аналогии злых духов с болезнотворными микробами есть свое различие, и оно заключается в том, что по воззрениям христианских подвижников демоны наделены каждый своим сознанием и волею, направленными на причинение зла человеку.

Приведем еще несколько интересных изречений христианских подвижников, касающихся того же предмета.

Св. Антоний Великий говорит: «Демоны не суть видимые тела, но мы бываем для них телами, когда души наши принимают от них помышления темные»[56].

Симеон Новый Богослов: «По мере зла, какое кто делает, имеет человек и беса или малого или великого, или многих»[57].

Наконец, ближайший к нам по времени подвижник – Феофан Затворник в одном из своих писем, трактуя о злых страстях, пишет, что «всякая страсть имеет своего беса, который через

человека питает себя… Выгнать его – и опора страсти отпадет»[58]. В другом месте своих писем Феофан заявляет, что «у всякого есть свой враг искуситель. Есть воистину. Враг непрестанно подсовывает то мысли, то желания по роду своему… У всякого – особый враг: у иного – похотный, у иного – корыстный, у иного – гордостный с разными оттенками»[59].

Хотя у Феофана мы нигде не встречаем сопоставления этих вредителей душ человеческих с физическими болезнотворными микробами, тем не менее это сопоставление здесь напрашивается само собою. Ведь и бациллы бывают разные: одна производит тиф, другая дифтерит, третья холеру и т. д. и все они питаются и усиливаются за счет человека.

Приведенные воззрения подвижников имеют большое значение для уяснения истины в настоящем вопросе. Следует помнить, что воззрения эти сложились, как результат систематических трудов подвижников над очищением души своей от греха. В этой работе непрестанного направления своего взора на внутренний мир подвижники выработали тонкое понимание душевных движений.

Тут-то они и увидели, что кроме присущих человеку страстей есть еще другая сила, сила темная, сила мистическая. Они увидели, что если к злой привычке, в которую впадает человек, привьется эта темная сила, то тогда страсть доходит до своего апогея.

Что же касается до борьбы с этими страстями, к которым, по выражению Феофана Затворника, «подстревает» злая сила, то, по совету того же Феофана, «первый прием испытывающего подобные злые влечения есть не считать внушения своими, а всеянными – положить разделение между собою и этим всеянным, и, признав его чуждым, отнестись к нему не как к своему детищу, а как к вражескому порождению»[60], т. е. в сущности открыть глаза на своего врага, увидеть его.

«Каждому из нас, – говорит Симеон Новый Богослов, – надлежит знать демонов, что они суть тайные враги наши и что они воюют против нас посредством нас же самих»[61].

По учению христианских подвижников главными силами для успешной борьбы со злыми человеческими страстями, к которым «подстревает» темная сила, и с этой темной силой суть «ревность» самого человека и «благодать», получаемая через молитву[62].

Ревность – это в сущности то, что представляет собой так называемая «энергия сердца». О ревности один из подвижников, а именно Исаак Сирин, высказывается следующим образом: «За всякою мыслью доброго желания последует ревность, горячностью своею уподобляющаяся огненным углям, и она обыкновенно ограждает сию мысль и не допускает, чтобы приближалось к ней какое-либо сопротивление, препятствие и преграда. Это есть добродетель, без которой не производится доброе»[63]. Феофан говорит, что «враг обычно, пока ревность сильна, не подступает к ревнителю»[64].

Такая ревность есть признак известной духовной энергии человека, есть признак известного душевного его здоровья. Здесь будет кстати заметить, что, ведь, и болезнетворные физические микробы заражают своими болезнями лишь натуры пошатнувшиеся, восприимчивые к болезни, – натуры, потерявшие свою физическую энергию для самозащиты.

Теперь скажем о другой могущественной силе – о Благодати, помогающей человеку в борьбе его со злом. Подобно тому, как в мире физическом солнечный свет является лучшим дезинфектором против болезнетворных бактерий, так и незримый свет невидимого солнца – Логоса есть сила, сметающая демонов <…> – это есть сила, озонирующая отравленную ими атмосферу. Св. Макарий Великий говорит: «Как хворост, брошенный в огонь, не может противиться силе огня, но тотчас же сгорает, так и демоны, когда хотят напасть на человека, сподобившегося даров Духа, попаляются и истребляются Божественною огненною силою»[65].

Воздействие демонов на человеческое сердце и мысль проявляется в наше время наиболее невозбранно, чем когда-нибудь. Человек полагает теперь в большинстве случаев, что уси-

ление душевных болезней, психических аффектов, отчаянных поступков является лишь как естественный результат развивающейся нервности. Рост таких нервных болезней обыкновенно объясняется всякими другими соображениями, но не действительной причиной. Замечание Гюисманса, что самая большая сила диавола заключается в том, что он заставил себя отрицать, указывает на то, что человек потерял след своего врага. Когда же психические аффекты переходят терпимые границы, то люди бросаются к психиатрам, думая у них найти помощь. Но психиатрия, как известно, мало помогает; – сами специалисты по нервным болезням признают, что наука их еще в зародыше.

Теперь же в интересующем нас вопросе о воздействии темной силы собственно на мысль человеческую, мы, для начала подобных исследований, избираем одно из произведений прославленного писателя Леонида Андреева, а именно его повесть под названием «Мысль».

Хотя г. Андреев далек, конечно, от того, чтобы допустить возможность действия темной силы на человека, тем не менее для нашего исследования это его произведение имеет значение, ибо оно бессознательно для самого автора приоткрывает нам завесу тайн мистики зла. Таково уже вообще свойство таланта – быть близким к истине. А следует несомненно признать, что г. Андреев во многих своих вещах не без дара верной художественной интуиции проникает на дно человеческой души, пораженной злыми страстями, и ярко освещает самый процесс этого заболевания. Здесь-то и обнаруживаются для исследователя уколы таинственной мистической силы. Она дает себя чувствовать довольно заметно.

Как увидят читатели дальше, произведение «Мысль» замечательно тем, что автор в нем близко подходит к темной силе; он только не называет ее своим именем.

Содержание этого произведения следующее. Герой рассказа – доктор Корженцов убивает своего приятеля – литератора Савелова из чувства зависти к нему за то, что последний был счастлив в своей женитьбе на женщине, пренебрегшей Корженцовым. Убийство это совершено, кроме того, с целью отомстить женщине, оскорбившей ранее Корженцова своим пренебрежением к нему, Корженцову. Как видно из рассказа, убийство было задумано тонко и замаскировано Корженцовым искусной симуляцией сумасшествия.

Корженцов – это человек сильной мозговой мысли, но с извращенным моральным чувством.

Он оставил подробные записки о том, как он совершил свое преступление. Вот наиболее характерные места из этих записок: «Самый факт отнятия жизни у человека не останавливал меня, – говорит, между прочим, доктор Корженцов[66]. – Моя задача, – говорит он далее, – была такова: нужно, чтобы я убил Алексея (Савелова), нужно, чтобы Татьяна Николаевна (жена Савелова) видела, что это именно я убил её мужа и чтобы вместе с тем законная кара не коснулась меня. Не говоря уже о том, что наказание дало бы Татьяне Николаевне лишний повод, чтобы посмеяться, я, вообще, совершенно не хотел каторги. Я очень люблю жизнь»[67].

Надо сказать, что Корженцов, как видно из тех же его записок, чувствовал силу своей мозговой мысли. Человеческая мысль – это был тот божок, которому одному он только и поклонялся. В его записках встречаются целые панегерики человеческой мысли, достойным носителем которой он себя считал. Так, перед своим преступлением он об этой мысли писал в таких восторженных выражениях: «Из всего удивительного, непостижимого, чем богата жизнь, самое удивительное и непостижимое – это человеческая мысль. В ней – божественность, в ней – залог бессмертия и сила, не знающая преград»[68]; и далее – «я размышлял обо всем. Я и моя мысль – мы словно играли с жизнью и смертью и высоко, высоко парили над ними»[69].

Теперь переходим к концу записок Корженцова.

Преступление совершено. Корженцов отомщен. Все удалось, как нельзя лучше. Проявленной силе человеческой мысли оставалось только торжествовать. Однако жизнь оказалась не такой простой, как о ней думал доктор Корженцов. На сцену совершенно неожиданно для

Корженцова выступило нечто совсем новое и притом ужасное по причиняемым мучениям. Корженцов, так тонко симулировавший сумасшедшего, делается вдруг близким к действительному безумию и начинает это сознавать. То божество, о котором он так восторженно писал раньше, т. е. человеческая мысль, вдруг сбрасывает с себя свою обольстительную маску величия и силы, и из-за этой маски начинает выглядывать нечто совсем другое, крепко засевшее в мозгу Корженцова и его отравившее – начинает выглядывать именно то, что мы и называем темной мистической силой…

Когда Корженцов после преступления вернулся домой, у него начались прежде всего галлюцинации. Корженцов об этом новом для себя состоянии пишет так:

«Если когда-нибудь одному из вас придется пережить то, что я пережил в эту ночь, завесьте зеркала в той комнате, где вы будете метаться – завесьте так же, как вы завешиваете их тогда, когда в доме стоит покойник. Завесьте!.. И самое страшное, что я испытал, – говорит он далее, – это было сознание, что я не знаю себя и никогда не знал. Пока мое «я» находилось в моей ярко освещенной голове, где все движется и живет в закономерном порядке, я понимал и знал себя, размышлял о своем характере и планах и был, как думал, господином. Теперь же я увидел, что я не господин, а раб – жалкий и бессильный. Представьте, что вы жили в доме, где много комнат, занимали одну только комнату и думали, что владеете всем домом. И вдруг вы узнали, что там, в других комнатах живут. Да, живут. Живут какие-то загадочные существа, быть может, люди, быть может, что-нибудь другое, и дом принадлежит им».

И дом принадлежит им… Вот та страшная по своей неприкрытой правде фраза, которая сорвалась с языка писателя, говорящего через своего героя – Корженцова.

Только одно не досказано здесь в этой фразе – писатель не решился назвать этих «загадочных существ» собственным именем.

Лодыженский М. В. Мистическая трилогия. – СПб., 1914.

Как влияют злые духи на людей?

В понятие о нравственном действии входят: 1) понятие о предмете нравственного действия; 2) понятие о побуждениях к избранию известного предмета предметом для деятельности; 3) понятие о силах, производящих известное нравственное действие и, наконец, 4) о свободной решимости следовать или не следовать известным побуждениям, определять или не определять нравственные силы к известному роду деятельности.

Участвовать в чьих-либо действиях, значит, приводить кого-нибудь каким бы то ни было образом к совершению чего-нибудь: поэтому, когда говорим, что дьявол участвует в грехопадениях человека, через это понимаем, что дьявол приводит человека к совершению греховных действий.

Вопрос: «Сколь обширно участие дьявола в грехопадениях человека?» будет означать следующее:

1) в чем состоит действие злых духов на силы человека и

2) какими средствами злые духи действуют на человека? (поскольку при каждом действии, естественно, представляются вниманию средства, при которых это действие совершается).

Говоря о возможности участия злых духов в грехопадениях человека, мы объяснили, что участие злых духов в наших грехопадениях не нарушает нашей свободы: следовательно, вопрос – в каком отношении находятся действия злых духов на человека к свободной деятельности нравственных его сил – некоторым образом уже решен: поскольку показав, что злые духи не могут отнять у человека свободы, мы этим самым указали на предел, за который не могут простираться действия злых духов на человека. В нашем случае раскроем это применительно к нравственным силам человека.

Силы, которые принимают участие в нравственной деятельности человеческой, суть ум, сердце и воля. Теперь, поскольку человек есть существо свободное, то следует, что во всех его силах обнаруживается свобода: он свободно мыслит, свободно чувствует, свободно желает. И если дьявол не отнимает у человека свободы, то очевидно, что греховные его внушения в отношении к уму человека суть только убеждения, в отношении к сердцу – только обольщения, в отношении к воле – только советы. Это так очевидно, что не требует никаких доказательств. В уме человека есть образ истины, по которому он узнает ее; в сердце есть образ красоты, который дает ему возможность ощущать красоту и отличать ее от обольстительного блеска; в воле есть образ добра, свидетельствующий человеку о нравственном достоинстве или не достоинстве предметов, подлежащих свободному избранию человека. Теперь (поскольку свобода у человека неотъемлема) человек на основании сравнения внушений дьявольских с внутренним образом истины, красоты и добра, может оценить надлежащим образом достоинство этих внушений, и потому может не принимать их. Даже и тогда, когда человек не может найти в себе достаточных доказательств, которые бы обличили для него гнусность внушений дьявольских, он может увидеть ухищрения сатаны, опытно ознакомившись с истиной, красотой и с точной правдой, и поэтому может отвергать льстивые наветы коварного. Итак, отношение силы злых духов к свободной деятельности нравственных сил человека не таково, чтобы эта сила уничтожала свободную деятельность нравственных сил человека. Человек никогда против собственного желания не может быть определен к выполнению внушений злых, даже никогда против собственной воли не может быть доведен до того, чтобы одобрить внушения злых духов. Вот крайний предел, за который не может простираться участие злых духов в грехопадениях человека.

Если злые духи не могут определить человека к совершению каких-либо греховных действий против собственной его воли, если не могут довести и до того, чтобы он против воли

одобрил их внушения, то открывается, что все действия их к введению человека в грех ограничиваются только тем, что они предлагают человеку предмет для деятельности. Правда и то, что свобода в человеке простирается и на избрание предметов для деятельности; но она, как свобода ограниченная, не может сделать того, чтобы в число предметов, представляющихся человеку при избрании предмета для деятельности, не появлялись и предметы, возбуждающие человека ко греху. Человек по свободе своей может отказывать в своем согласии различным греховным стремлениям, рождающимся в нем от каких-либо предметов, но он может иногда и соглашаться следовать им; и это тем удобнее может быть, что в растленной его природе лежит основание, по которому он может соглашаться на избрание этих предметов в предметы для деятельности. Отсюда следует, что без нарушения свободы в человеке злые духи могут предлагать человеку различные предметы для деятельности.

Нравственная деятельность в человеке слагается из совокупного действия его ума, сердца и воли. Поэтому мысль, что злые духи предлагают человеку предмет для нравственной деятельности, может быть выражена так: злые духи предлагают предмет для деятельности уму, сердцу и воле.

Главный деятель в нравственной жизни человеческой есть ум. Он есть путеводитель человека в его жизни, есть свет, освещающий для него шествие по этому пути. При этом высоком своем значении в нравственной жизни ум может быть сильным врагом нашей жизни, если выходит из пределов и из-под законов, ему назначенных. Вот обстоятельство, побуждающее злых духов действовать преимущественно на ум человека. Первое их старание в обольщении человека устремлено на то, чтобы дать уму преступный предмет для греховного действия. Когда говорим, что злые духи стараются дать уму человека преступный предмет, то этим не утверждаем, что есть предметы преступные сами в себе. Все творение Божье прекрасно. Но люди, по своей растленной природе, злоупотребляют предметами. Люди с ними соединяют некоторые преступные понятия об образе, о цели употребления предмета, так что, когда представляется взору нашему известный предмет, к несчастью, большей частью обращаем свое внимание не на естественные свойства его, но на те, какие присвоило этому предмету человеческое злоупотребление. Люди рождаются с несчастным расположением обращать свое внимание на те стороны предмета, которые ближе к растленной их природе. Поэтому человек естественно предается размышлениям о свойствах предмета, обещающих наслаждение растленной его природе. Обольститель наш старается то представить нам предмет, в котором много есть обольстительных для нас сторон, и одни преступные мысли старается усилить другими.

Действуя на ум, дьявол иногда представляет нашему взору образы и помыслы прямо, как прямо мысль беседует с мыслью, как один помысел возбуждается другим; а иногда, и чаще всего, действует на воображение. Воображение, как посредник между физической и духовной природой, доставляет злому духу особенное удобство действовать через внешнее на внутреннее. Оно же, запечатлевая в своих образах мысли, чувствования и желания, открывает злому духу нашу душу. Обольститель представляет воображению картины преступные и, ими затемняя разум, уменьшает для нас удобность видеть предмет в его подлинном виде. Святое Писание ясно говорит о том, что дьявол действует на наш ум, и влагает ему нечистые мысли о предметах. Так, оно свидетельствует, что дьявол помрачил разум неверных, чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа[70], что дьявол «возбудил Давида», т. е. вложил ему мысль, сделать счисление израильтян[71]. Оно называет дьявола ложью и отцом лжи, в том именно смысле, что он и для себя, и для других представляет предметы в превратном, душепагубном виде[72]. Оно говорит, что сатана иногда преобразуется в «Ангела светла» с тем, чтобы ум человека, обманувшись, принял вестника пагубы за Вестника мира и спасения[73].

Отцы Церкви понимали эти изречения Св. Писания за свидетельства о действии злых духов на ум человека. Это видно из того, что их учение об этом предмете совершенно одина-

ково с буквальным изъяснением этих свидетельств Св. Писания. Св. Иоанн Лествичник говорит: «Все бесы прежде всего стараются помрачить разум. Если разум очей своих не сокроет, то они сокровища его похитить не могут». Св. Макарий Великий такое предлагает наставление о действии дьявола на ум наш: «С того времени, как преступлением вошло зло, дьявол возымел свободный вход в душу, чтоб ежедневно с ней разговаривать, как говорит человек с человеком, и предлагать ей нелепое»[74]. Святые отцы обыкновенно называют действие дьявола на ум «помыслом простым или образом происшедшего, новоявленно в сердце вносимым и уму объявляющимся»[75].

Итак, дьявол действует на ум человека, внушая нечистые мысли о предмете.

Сердце есть другой нравственный деятель в человеке. Мысли сами по себе не могут принести человеку ни пользы, ни вреда, если не будут соединены с действиями сердца; потому что мысли часто остаются просто мыслями, и исчезают. Но когда в человеке кроме ума, признающего внушенный злыми духами предмет, годный для деятельности, и сердце пленяется тем же предметом, тогда внушения злых духов ближе бывают к осуществлению их на самом деле, ибо и сам ум тогда утверждается в своих понятиях о предмете, и для воли прибавляется тогда побуждение избрать внушенный злыми духами предмет в предмет своей деятельности. Человек и в спокойном расположении духа склонен судить о достоинстве предметов по тем впечатлениям, какие они производят на его сердце. Но когда сердце человека приходит в живое движение от представляющихся ему в предмете прекрасных или благовидных качеств, тогда и для разума весьма трудно бывает удержаться в своих правах над сердцем, и для воли – устоять против влечений сердечных. Сильные движения сердца большей частью покоряют под свою власть разум и волю, заставляют их видеть в вещах то, что они дают им видеть. По этой важности сердца в нравственной деятельности, злые духи стараются воспламенить сердце греховной сладостью тех представлений о предмете, какие соединяет с предметом человеческое злоупотребление, или какие внушают сами злые духи.

Правда, что сердце по своей испорченности и само по себе может стремиться к преступным наслаждениям. Но это стремление иногда не обнаруживается, а таится в сердце, подобно как искра таится под пеплом; или иногда и сам человек старается подавлять его. Злые духи не могут терпеть, чтобы это так было. В ком худые свойства сердца еще не развились, злые духи стараются развить их; кто имел несчастье раскрыть худые свойства сердца своего, злые духи стараются ввергнуть того в большее зло. Таким образом, обстоятельство, что сердце наше и само по себе стремится к преступным наслаждениям, не может служить для злых духов причиной отказаться от злых намерений развращать сердце злыми вожделениями.

Движения сердечные возбуждаются в нашей душе и мыслями, и желаниями, и всем, что может прикасаться к нашему чувству жизни. И как дух злобы действует на ум наш, то через посредство мыслей и других состояний духа нашего возбуждает и различные ощущения в нашей душе. На дух жизни нашей могут действовать внешние предметы прямо, без посредства мыслей и желаний; поэтому и дух злобы может прямо прикасаться к чувству жизни и производить приятные или неприятные ощущения. Чем менее душа сосредоточена в самосознании и плохо защищена решимостью жить для добра, тем свободнее доступ до чувства силе сторонней, и особенно силе злой и хитрой.

В Св. Писании много и свидетельств, и примеров, подтверждающих эту истину. Сатана вложил в сердце Анании солгать Духу Святому[76]. Сатана и при искушении самого Господа Иисуса покушался более всего подействовать на сердце Его, то приятным чувством удовлетворения голода: скажи, чтобы камни сии сделались хлебами[77]; то чувством собственного достоинства: если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею[78]; то обещанием Ему при-

ятных чувствований властвования над вселенной: всё это дам Тебе, если, пав, поклонишься мне[79].

Но хотя бы злые духи и успели внушить уму человека превратные понятия о каком-либо предмете, хотя успели бы произвести в сердце человека нечистые чувствования об этом предмете, и тогда человек не был бы еще доведен до греховного действия – в тесном смысле этого слова. Всякое нравственное действие есть плод всех нравственных сил, т. е. ума, сердца и воли, но очевидно, что здесь не доставало бы еще для приведения в действие внушений дьявольских решимости воли. Представления разума о предмете как достойном нашего внимания, услаждение сердца предметом как предметом приятным, имеют великое влияние на волю, иногда доводят ее до того, что она предмет помышлений ума и наслаждений сердца избирает в предмет своей деятельности; но это не всегда бывает. Внутренний опыт свидетельствует также и о том, что воля наша иногда, несмотря ни на какие представления разума о достоинстве предмета, несмотря ни на какие влечения сердца к предмету, не решается избрать этот предмет в предмет своей деятельности. Это и естественно. Хотя во всяком действии участвуют все нравственные силы и действуют совокупно; впрочем, и каждая сила может действовать сама по себе самостоятельно. Так и в воле есть свое стремление – стремление к добру высочайшему, истинному. И она, (несмотря на то, что ум по ошибке признает известный предмет за предмет немечтательный, а сердце тем же предметом обольстится), может отказывать уму и сердцу в своем согласии на избрание этого предмета, и последует своему высокому стремлению. Это высокое значение воли человеческой в нравственной жизни человека служит побуждением для злых духов к тому, чтобы действовать на волю человека, которого они хотят довести до греха. И они действуют на нее, представляя для нее внушаемый ими предмет предметом, заслуживающим все ее внимание.

Св. Нил Сорский так изображает состояние воли нашей под влиянием врага: «Когда кто, принимая помыслы или образы, представленные врагом, и с ними беседуя мысленно, вскоре сложит в мысли своей, чтобы так было, как внушает помысл, и бывает преклонение души сладостно к явившемуся помыслу или образу»[80].

Священное Писание называет человека рабом дьявола, творящим похоть его[81]. Таким образом, оно допускает, что дьявол, действуя на волю человека, располагает ее к выполнению своих внушений. И возрожденным предписывается противиться дьяволу[82]: следовательно, и им он старается внушить греховные желания. Дьявол, по свидетельству Св. Писания, возбудил в Давиде надменное желание исчислить Израиля[83], в Иуде – желание предать своего Божественного Учителя[84]. Итак, дьявол, действуя на волю человека, старается расположить ее к избранию в предмет деятельности тот предмет, который он внушает ей.

Из сказанного видно, что дьявол, не отнимая у человека свободной деятельности, старается дать его уму, воле и сердцу преступный предмет для деятельности.

Говоря об отношении действия злых духов на человека к свободе человека, мы сказали, что человек может видеть всю гнусность внушений дьявольских, и может отвергать эти внушения: как же злые духи производят, что человек соглашается принимать внушаемый ими предмет за предмет своей деятельности, и решается приводить злые внушения в действие?

Поскольку злые духи не отнимают у человека свободы, то им остается испрашивать у человека согласия на свои внушения. «Дьявол вредит нам не принуждением к злу, а советом, – говорит блаженный Августин, – он не исторгает у нас согласия, а испрашивает оное». Но поскольку человек по своей свободе может и не соглашаться на внушения дьявола, то дьявол в самом человеке старается открывать те слабые стороны, в которых он легче и успешнее может действовать на человека. «Злой дух, – говорит Макарий Великий, – во всем и ко всем применяется, дабы сим приноровлением покорить их себе и под благовидным предлогом приготовить

им погибель»[85]. Св. Лев пишет: «Он (злой дух) высматривает привычки каждого, открывает наклонности, узнает страсти, и нападает с той стороны, где видит более удобства для себя»[86].

В поврежденном состоянии человека слабые стороны суть: похоть плоти, похоть очес (страсть к внешней красоте и зрительной информации) и гордость житейская. Похоть влечет человека к злу иногда собственной своей силой, без всякого внешнего побуждения к греху; но она же, как трут принимает искру, восприемлет злые внушения дьявола.

Похоть плоти, похоть очес и гордость житейская не во всяком человеке действуют с одинаковой силой, и не все люди в равной мере способны воспламеняться всеми похотями: в ином сильнее гордость житейская, чем похоть плоти и похоть очес, – другой изнемогает под узами похоти плотской, третий страждет похотью очес. Если человек и успевает подавлять в себе тройственную похоть, все же не может истребить ее совершенно, пока носит плоть. Поэтому в нем легко может быть воспламеняема та или другая похоть, особенно менее в нем подавленная. Дьявол, зная, что господствующая в человеке похоть может быть самым лучшим средством к тому, чтобы расположить человека к принятию его внушений, старается узнать господствующие склонности людей и, сообразно своим наблюдениям над человеком, распоряжается в предложении различных предметов и различных побуждений для деятельности ума, сердца и воли человека.

Похоть плоти проявляется в различных видах, смотря по тому, к каким видам этой похоти склонен человек по различным обстоятельствам возраста, пола, места, занимаемого в обществе и прочего. В одних эта похоть обнаруживается в неумеренном желании наслаждаться пищей и питьем, в других – в преступном стремлении к сладострастию; в некоторых – в пристрастии к пышности в одежде, другие страждут неумеренным желанием телесного покоя. Сообразно с этим злые духи внушают сластолюбивому богачу: почивай, ешь, пей, веселись; невоздержанных супругов искушают невоздержанием[87]; людям ленивым внушают страсть к телесному покою.

И похоть очес имеет много отраслей. Иной заражен корыстолюбием, другой – скупостью; один всеми выгодами, даже самой жизнью ближнего готов жертвовать собственному благосостоянию, другой собственной жизни не щадит для того, чтобы иметь в своих руках то, к чему влечет его похоть очес. Замечая это в человеке, дьявол внушает Иуде продать Божественного своего Учителя[88], Анании влагает намерение солгать Духу Святому и утаить от цены проданного им села[89], возбуждает Иезавель лишить виноградника и жизни Навуфея[90].

Наконец, как похоть плоти и похоть очес, так точно и гордость житейская в различных обстоятельствах человека принимает различные видоизменения. Она проявляется то в самолюбивом самомечтании, то в низком мнении о других; иногда – в самоуслаждении совершенствами телесными, иногда – в высоком мнении о духовных своих совершенствах. Соответственно этому злые духи возбуждают в гордом царе Вавилонском мысль о равенстве с Богом[91], гордому фарисею – высокое мнение о духовных своих совершенствах и низкое мнение о нравственности других[92]. Опаснее всего действия дьявола против прельщенных мнением о своей святости. Люди такого рода обыкновенно более или менее отрешаются от предметов жизни физической, посредством подвигов телесных утончают природу чувственную и раскрывают в себе жизнь собственно душевную, хотя неверно направленную. Это делает их способными к принятию впечатлений частью духовных, а потому и дух злой становится ближе к ним. Дух злобы наполняет душу мечтателя призраками света, односторонними, но сильно восторженными мыслями; возбудив в нем особенную доверенность к самому себе, отводит от истины и делает жертвой суеверия, а затем и фанатизма; мечтатель становится непримиримым врагом всякого, кто не согласен с ним в чем-либо. Усиливая в нем более и более высокое о самом себе мнение, дух злобы, наконец, доводит его до того, что мечтатель совершенно расстраивается и в жизни, и в мыслях.

Впрочем, злые духи в своей борьбе с человеком не только действуют применительно к врожденным и навыком усиленным худым свойствам человека, но также стараются ввести его в грех и различными внешними обстоятельствами.

Вооружают против него людей порочных то с предложениями льстивыми, то с грозной злобой. По Божьему попущению поражают человека различными несчастьями и бедствиями. Человек, по природному расположению к счастью, радуется, когда он счастлив; напротив, когда его тяготят бедствия, – скорбит. По степени несчастья чувство скорби бывает иногда в человеке столь сильно, что он, будучи отягощен этим чувством, и не находя средств подавить в себе чувство или освободиться от причиняющих его обстоятельств, предается отчаянию, ропщет на Премудрого и Благого Промыслителя и, забывая правила добродетели, нередко решается употреблять для освобождения себя от несчастий средства непозволительные, противозаконные. Этого и довольно для злых духов к тому, чтобы различные беды и несчастья употреблять средством к нанесению душевного вреда человеку. В Священном Писании находится много и примеров, и изречений, где видно злобное влияние сатаны на счастье человека. В книге Иова читаем, что дьявол домогался этим средством удалить Иова от закона Божьего, Иова – человека непорочного, истинного, благочестивого, удаляющегося от всякой лукавой вещи[93]. И подвижникам Христовым сказано: «диавол будет ввергать из среды вас в темницу, чтобы искусить вас»[94].

Внешнее состояние христиан первых веков есть исполнение этого пророчества.

Достойно примечания одно из средств такого рода, употребляемое злыми духами для увлечения человека ко злу, а именно то, когда злые духи вселяются в человека, и производя мучительные болезни в теле человека, препятствуют человеку делать добро. Священное Писание так часто говорит об этом образе действий злых духов на человека, что излишне приводить и свидетельства об этом предмете.

Наконец, дьявол, внушая иногда человеку замыслы, неудобоисполнимые для самого человека, собственными своими силами помогает осуществлять эти замыслы. Доказательство такой мысли представляют собой волхвы египетские, которые при содействии злых духов производили удивительные явления[95]. И разум не находит в этой мысли никаких противоречий. Мы показали прежде, что злые духи могут действовать как на душу и тело человека, так и на видимую природу; видели, что Бог, попуская эти действия сатане, не поступает вопреки Самому Себе; наконец, известно, сколько домогается дьявол всегда того, чтобы человек грешил постоянно, и постоянно был во власти отца лжи. Это уже само по себе позволяет увидеть, что дьявол не откажется помогать человеку в исполнении неисполнимых для человека дел, угодных духу тьмы. Потому-то мы молимся в молитве утренней: «Избави мя от всякия мирския злыя вещи и дьявольского поспешения».

Итак, злые духи, не отнимая у человека свободы, предлагают ему соответственный его расположениям предмет для деятельности ума, сердца и воли, и побуждения к тому, чтобы ум, сердце и воля избрали внушенный злыми духами предмет в предмет для своей деятельности, и иногда собственными своими силами помогают человеку приводить в исполнение некоторые внушенные ими желания. Вот пределы, которыми ограничивается участие злых духов в грехопадениях человека.

Флоринский Ф. В. Рассуждение об участии злых духов в грехопадениях человеческих. – М., 1838.

Сети лукавого

«Горе миру от соблазнов», – сказал Господь; но тут же добавил: «ибо надобно придти соблазнам» (Мф. 18, 7). «Надобно» – очевидно, для нашей же пользы. Господь не хочет, чтобы мы были самонадеянными и беспечными, но хочет, чтобы мы духовно росли и совершенствовались.

Проблему соблазнов Господь частично приоткрыл в притче о плевелах. Сеятель (Господь) посеял доброе семя (добро) на поле своем, а враг его (дьявол) посеял среди них плевелы (соблазны). Когда слуги, заметив прорастающие плевелы, попросили у хозяина разрешения прополоть плевелы, он не разрешил, сказав: «Нет, чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними и пшеницы. Оставьте расти вместе то и другое до жатвы» (т. е. до суда). Только тогда «ангелы соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие и ввергнут их в печь огненную» (Мф. 13, 24–42). Иными словами, преждевременное устранение соблазнов повредит процессу духовного развития людей.

Как в растительном и животном мире борьба за существование ведет к развитию более совершенных и выносливых видов, так и борьба с искушениями ведет к формированию более стойких и добродетельных душ. Как дорогой сплав испытывается огнем, а ученик – экзаменом, так будущий гражданин Царства Небесного испытывается искушениями (1 Пет. 1, 7).

Из этих и других мест Священного Писания следует заключить, что ограниченная деятельность духа-искусителя входит в планы Божии и допускается Им ради пользы людей. Бог не попускает ему произвольно властвовать ни над кем, кроме тех, кто сам поддался ему.

Как объяснить, что некогда светлый и близкий к Богу ангел занялся теперь таким унизительным и грязным делом, как толканием людей на всякие гадости? Некоторые думают, что ему, как садисту, доставляет удовольствие мучить других. Это верно, но есть и другая, более важная причина. Вспомним, что Денница отпал от Бога по гордости. Он желал сравняться с Творцом в Его славе и могуществе, но потерпев поражение от Ангелов, оставшихся верных Богу, он теперь пытается по крайней мере подчинить по возможности наибольшее число людей. Этого он не может достичь самолично, пока люди, нося в себе крупицы добра, находятся под защитой Бога. Чтобы овладеть кем-либо, дьяволу надо сначала нравственно изуродовать его; это он совершает посредством греха. Соблазняя людей в течение многих тысячелетий, дьявол усовершенствовался в этом грязном искусстве. Вот его главнейшие приемы:

Скрытность,

Приспособление,

Постепенность,

Упорство,

Ложь.

Чтобы человек поддался соблазну, важно, во-первых, чтобы он принял этот соблазн за свое собственное желание: тогда он сам будет усердно добиваться того, что считает важным для своего счастья и благополучия. Поэтому дьявол всячески скрывает свое присутствие и прячется за обстоятельства, которые представляет как благоприятные. Кроме того, перед тем как соблазнить, дьявол внимательно изучает характер человека, его склонности и слабости и соответственно приспосабливает свои искушения.

Следующий рассказ книги Деяний святых апостолов иллюстрирует эту методику соблазна. Первые христиане жили настолько сплоченно и единодушно, что все у них было общее. Более состоятельные из них продавали свои имения, чтобы на вырученные средства помочь нуждающимся собратьям. Благодаря такой искренней братской любви, никто из христиан не нуждался, а посторонние считали их примером для всего общества. И вот некто Анания, человек зажиточный, боясь прослыть жадным, решил тоже продать свое имение и пожерт-

вовать на нужды общины. Но чтобы не обеднеть полностью, он сговорился со своей женой Сапфирой, что они дадут апостолам лишь некую часть от вырученных денег, а остальную припрячут «на черный день». В принципе это было их право распоряжаться своим имуществом. Обман состоял в том, что они хотели выдать себя за совершенно бескорыстных. Когда Анания принес апостолу Петру часть своих денег и торжественно заявил, что он жертвует все свое имущество, апостол по откровению свыше узнал, что Анания обманывает его и сказал: «Анания! Для чего ты допустил сатане вложить в сердце твое мысль солгать Духу Святому и утаить из цены земли? Чем ты владел, не твое ли было?… Ты солгал не человеку, но Богу» (Деян. 5, 1–11). Услышав эти слова, Анания тут же пал мертвым.

Мы видим, как дьявол ловко сыграл на малодушии и тщеславии Анании. Анания был привязан к своему имуществу, но также был не прочь прослыть за щедрого жертвователя. И вот дьявол внушает ему гениальный компромисс, как сохранить имущество и одновременно вызвать всеобщую благодарность. Если бы Анания честно признал, что он жертвует лишь часть своих денег, то в этом не было бы ничего предосудительного. Но он из тщеславия пошел на обман. Людей он мог обмануть, но не Бога, потому что Господь обещал великую награду тем, кто раздаст свое имение нищим и пойдет вслед за Ним, взяв крест нищеты.

Постепенность – это другое орудие, которым успешно действует искуситель. Учитывая естественное отвращение к пороку, дьявол приучает человека грешить понемногу, в виде малых послаблений. При этом дьявол успокаивает человека, что это будет лишь единичное уклонение от нормы и что, получив желанное, он останется честным и добродетельным человеком. Если человек поддастся соблазну, дьявол потом предложит ему совершить другой подобный, но более тяжелый грех – опять же под прикрытием «малого» уклонения от нормы. «Потом покаешься» – успокаивает обольститель. И так, по мере того как человек поддается соблазнам, он все глубже и глубже тонет в тине греха и не замечает того, что он стал безвольным рабом своих страстей и добычей князя тьмы.

Проиллюстрируем это момент следующим примером. Вот, предположим, человек по пути неожиданно наталкивается на валяющийся бумажник. Открыв его, он обнаруживает в нем известную сумму денег. Тут же в бумажнике он находит карточку с именем и адресом хозяина. Первая его мысль – это поскорее вернуть чужое. Но тут приближается к его уху искуситель и нашептывает, что разумнее всего воспользоваться находкой: «Ведь это словно провидение послало тебе деньги в такой трудный момент. А кражи здесь никакой нет, так как деньги валялись у всех на виду и другой мог подобрать их». Тут вмешивается совесть и внушает, что присваивать чужое – грех, надо постараться найти хозяина. Эти деньги ему тоже нужны. Но дьявол оспаривает внушения совести и логично доказывает человеку, что нет, все в порядке: ты в чужой карман не лез, найденное твое. Если человек послушается голоса совести и вернет найденное, то он почувствует внутреннее удовлетворение, что честно поступил и не воспользовался чужой бедой. Если же он поддастся искушению, то дьявол будет толкать его на другие еще более нечестные поступки, стараясь сделать его обманщиком, вором и грабителем.

Дьявольский метод постепенности можно проследить особенно наглядно на примере Иуды – одном из двенадцати апостолов. Иуда, имея должность казначея, ведал ящичком, в который люди клали свои пожертвования на нужды апостолов и для раздачи бедным. Иметь дело с деньгами – всегда повод к соблазну, и как видно из Евангелий, Иуда поддался ему. Он стал понемногу «занимать» из общего ящичка на собственные нужды. Жалея грешника, Господь пытался деликатно вразумить Иуду, но безуспешно. Незаметно для себя, Иуда стал вором. В конце концов, страсть наживы настолько овладела им, что за тридцать серебряных монет он продал своего Учителя. Так постепенно дьявол овладел одним из ближайших учеников Христовых и довел его до ужасного греха и самоубийства.

Не имея прямого доступа к воле человека, дьявол пытается направлять ее через мысли и чувства, которые в свою очередь зависят от внешних впечатлений. Поэтому дьявол усиленно

старается представить нашему слуху и зрению что-нибудь соблазнительное. Только по мере того как человек поддается греховным мыслям и чувствам, дьявол овладевает его волей и пленяет его.

Дьявол учитывает наше непостоянство. Он знает, что в принципе любой человек, хотя и тысячи раз преодолевал искушения, но всегда может поддаться греху в минуту расслабления или неосторожности. Поэтому он не оставляет человека в покое до его последнего издыхания. Потерпев неудачу с очередным искушением, он упорно выжидает нового случая, когда можно будет опять попытаться склонить человека ко греху. Будучи опытным психологом, дьявол знает, что человек особенно слаб в минуты усталости и огорчения. Иногда же он ждет, что человек просто расслабится и станет менее бдительным и осторожным. И тогда, в такой момент приходит дьявол, вихрем обрушивается на человека и толкает его именно на тот грех, на который он более всего податлив.

Именно благодаря упорству, дьяволу удалось соблазнить величайшего праведника ветхозаветного времени – царя Давида. Давид, преодолев множество гонений и жизненных испытаний, наконец, воцарился над Израилем. Его враги стушевались, войны прекратились, настали годы мирного благоденствия, и Давид несколько расслабился. И вот, выйдя, однажды вечером на кровлю своего дома, он увидел в соседнем доме красивую женщину, купающуюся в бассейне. Захотелось узнать, кто она. Оказалось, что она – Вирсавия, жена одного из старших офицеров его войска. Знакомство с красавицей-соседкой перешло в вожделение, и царь согрешил. Вирсавия забеременела от незаконной связи, что по еврейским законам каралось побитием камнями. Желая спасти ее от позорной и мучительной смерти, Давид срочно вызвал ее мужа из похода, чтобы дать ему возможность пожить с Вирсавией и таким образом дать ему возможность считать, что она забеременела от него. Но муж Вирсавии почему-то не захотел жить с ней и вскоре вернулся в свое войско, которое осаждало какой-то неприятельский город. Положение казалось отчаянным, и вот дьявол внушил Давиду следующий гениальный выход из положения: послать Урию, мужа Вирсавии, в самое опасное место сражения, чтобы сразить его неприятельской рукой.

Действительно, Урия, попав на передовую линию, погибает от неприятельской стрелы, и тогда Давид получает возможность жениться на его вдове и таким образом скрыть грех прелюбодейства. При этом дьявол настолько помрачил разум Давида, что тот потерял способность понимать, насколько ужасен его двойной грех. Только после того, как пророк Нафан в придуманной притче вынудил царя вынести решение по поводу похожего случая, Давид понял, что он сам произнес приговор над собой. В ужасе он пал на колени перед Богом и начал публично каяться (2 Цар. 11 гл.). Он никогда не смог простить себе этого греха и всю жизнь каялся в нем, оставив нам свою покаянную молитву (50-й псалом), которая до сих пор волнует сердца кающихся грешников. Так милостивый Господь извлек из сетей дьявола Своего павшего праведника.

Этим и подобными случаями Господь учит нас не быть самонадеянными: «Кто думает, что стоит, берегись, чтобы не упасть» (1 Кор. 10, 12). Если дьявол по своей безграничной наглости дерзнул соблазнять даже Спасителя (Мф. 4, 3–10), то кто безопасен от его козней? Поэтому, предостерегая нас, Господь учит: «Дух бодр, плоть же немощна. Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение» (Мф. 26, 41).

Главный же метод дьявола, которым пропитана вся его деятельность и сущность, это ложь – всюду и всегда ложь – самая наглая и бесстыдная, но нередко умело приправленная крупицами истины, для большей правдоподобности! Вот почему Господь охарактеризовал его «лжецом и отцом лжи» (Ин. 8, 44).

Дьявол старается все извратить до неузнаваемости в нашем представлении: малую неудачу он представляет великой, непоправимой трагедией; а ничтожное удовольствие или временную выгоду – самым важным делом, чуть ли ни целью жизни. Понуждая согрешить,

он успокаивает нас мыслью, что это совсем естественная и простительная слабость. А когда человек согрешит, тогда дьявол повергает его в уныние и внушает, что он навсегда прогневал Творца и потому бесполезно каяться. Человека, предающегося какой-нибудь страсти, дьявол убеждает, что он слишком слаб, чтобы пытаться исправиться. А человека, ведущего святой образ жизни, дьявол старается склонить к гордости. Бредни философов и разные религиозные измышления он представляет замечательными откровениями, а учение Евангелия – скучным и странным. Человека, всеми силами стремящегося к духовной жизни, он старается совратить через гордость и самонадеянность. Иногда он даже является в виде светлого ангела или Самого Христа, чтобы тот стал мнить о себе, что он лучше других (2 Кор. 11, 14). В житиях святых можно найти немало рассказов, как подобными видениями он соблазнял подвижников, достигших большой духовной высоты.

Дыша неукротимой жаждой власти, дьявол не жалеет ни сил, ни времени на то, чтобы всякую естественную слабость человека превратить в неукротимую и отвратительную страсть. Он хочет, чтобы человек полностью осквернил себя и стал хуже животного. Тогда через грех дьявол приобретает власть над ним и делает его своим рабом и послушным орудием.

Но благодаря Господу Иисусу Христу эта власть дьявола непрочна, и его железные цепи – слабее паутины. Достаточно грешнику в покаянии обратиться к Богу, и вся власть дьявола распадается, как карточный домик. «Для этого и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела дьявола» (1 Ин. 3, 8). Именно Господь есть Тот Сильнейший, Который связал сильного и расхитил сосуды его (Мф. 12, 29). Поэтому поспешим к Спасителю за помощью и защитой. Крепкой верой и добродетельной жизнью противостанем падшему духу, и он по обещанному убежит от нас (Иак. 4, 7).

Александр (Милеант), епископ. У порога геенны огненной. Свято-Троицкая Православная Миссия, 2000.

Процесс возникновения страсти и проникновения греха

В заключение всего того, что мы говорили в предыдущих главах о злых человеческих страстях, нам остается коснуться небезынтересной темы о самом процессе возникновения в душе человека злой страсти и дальнейшего развития её и превращения в привычку укоренившуюся и непреоборимую.

Христианский подвижник Никодим Святогорец, написавший трактат о борьбе со страстями «Невидимая брань», приписывает возникновение страсти, так называемым, «искусительным помыслам», которые «приражаются» к душе или внешним путем через впечатления внешних чувств, или внутренним – «чрез непосредственные внушения худого в сердце».

Возникновение «искусительного помысла» (соблазняющей мысли) вследствие впечатлений внешних чувств естественно и понятно каждому, поэтому не требует объяснений.

Другое дело, когда соблазняющая мысль возникает, говоря словами Никодима Святогорца, «чрез непосредственные внушения худого в сердце», т. е. когда эта мысль вступает в сознание из таинственной области сердца (солнечного сплетения) в виде готового результата, когда процесс её зарождения теряется в этой области, причем сам человек, хотя бы он подвергал себя строгому самонаблюдению, не может объяснить, откуда у него явился первый импульс недоброго движения души.

Как видно из Добротолюбия, подвижники вообще объясняют случаи возникновений такого, как бы беспричинного, «помысла», называемого ими особым термином: «прилогом», как воздействие злой силы, как козни диавола. Так, например, Григорий Синаит говорит, что прилог (зарождение соблазняющего помысла) является от бесов.

Святые отцы-аскеты выделяли несколько последовательных стадий развития страсти в человеческой душе.

1. Прилог

Иоанн Лествичник, Филофей Синаит и другие прилогом называют всякий простой помысл или воображение какого-либо предмета, внезапно вносимое в сердце и предстоящее уму. Святой Григорий Синаит говорит, что прилог есть происходящее от врага внушение: делай то или другое, как это было сделано Самому Христу Богу нашему: «Скажи, чтобы камни сии сделались хлебами» (Мф. 4, 3); или проще сказать – это какая-либо мысль, пришедшая человеку на ум. И, как таковой, прилог называют безгрешным, не заслуживающим ни похвалы, ни осуждения, потому что он не зависит от нас, ибо невозможно, чтобы не было приражения к нам вражеских козней, после того, как диавол с бесами получил доступ к человеку, за преслушание удаленному из рая и от Бога: в этом состоянии удаления он (диавол) может уже колебать мысли и ум всякого, говорит Симеон Новый Богослов. Разве одни совершенные и восшедшие на высокую степень духовной жизни могут пребыть непоколебимыми, и то на время, добавляет святой Исаак.

Прилог является начальным толчком к проникновению греха в душу. Этим термином называется первое касание грехом человеческого сознания. Прилог, так же, как и еще четыре последующие стадии развития страсти, совершается на уровне мысли. Это те греховные образы, которые мы воспринимаем из окружающего мира посредством органов чувств или всплывающие в сознании в результате работы памяти или воображения. И хотя идеальным является такое состояние бесстрастия, когда ум подвижника свободен даже от простого представления страстей, прилог ни в коей мере еще не является грехом, поскольку, несмотря на то, что представление уже коснулось человека, это произошло помимо воли самого человека. Отдельные святые отцы, многие годы потратившие на борьбу со страстями, достигали состоя-

ния, когда их разум настолько был прикован к божественному, что даже абстрактные мысли о грехе не касались их сознания.

Вот яркий пример того, как греховные и даже просто посторонние мысли не находят почвы для развития в сознании подвижника:

«Некоторые из братьев испытывали однажды авву Иоанна Колова, потому что он не позволял своему помыслу говорить о вещах, принадлежащих этому миру, и сказали они ему: «Мы благодарим Бога: небо даровало свои дожди в этом году многократно, и финиковые пальмы напились и пустят отростки, и братья найдут себе работу». Сказал им авва Иоанн: «Подобным образом и Дух Святой: (сердца) обновляются и пускают отростки в страхе Божьем»[96].

Однако в то же время большинство святых до конца своих дней были искушаемы грехом на уровне прилога:

«Говорили об одном из старцев, что он провел пятьдесят лет и не ел хлеба, не пил воды поспешно. Он говорил, что умертвил в себе блуд, сребролюбие и тщеславие. Пришел к нему авва Авраам и сказал ему: «Ты сказал это слово?» Он сказал: «Да». Сказал авва Авраам ему: «Если ты войдешь в твою келью и найдешь женщину на твоей циновке, сможешь ли ты не считать, что это женщина?». Он сказал: «Нет, но я буду бороться со своим помыслом, чтобы не коснуться ее». Сказал авва Авраам ему: «Итак, ты не умертвил страсть, но она еще жива, (только) обуздана. И еще: если ты идешь по дороге и видишь камни и черепки, среди которых золото, может ли твое сердце почесть его таким же, как они?». Он сказал: «Нет, но я буду бороться со своим помыслом, чтобы не взять его». Сказал старик ему: «Вот опять-таки страсть жива, но обуздана». Сказал еще авва Авраам: «Вот ты услышал о двух братьях, что один любит и славит тебя, другой же ненавидит тебя и злословит. Если они придут к тебе, примешь ли ты их к себе обоих с одним помыслом?» Он сказал: «Нет, но я буду бороться со своим сердцем, чтобы сделать добро ненавидящему меня как (и) любящему меня». Сказал ему авва Авраам: «Так что живы страсти, но они обузданы у святых»[97].

Прилог является пробным камнем для нашего свободного произволения. Быть бдительным и отвергать грех на уровне прилога – то, к чему призывали святые.

Но хотя на уровне прилога грех приходит как нечто внешнее для души, тот факт, что человеческое сердце с легкостью готово откликнуться на искушение, выявляет присутствие зла и в самом человеке. И в зависимости от того, в какой мере душа оказывается чиста, и насколько привычен для нее грех, искушение отвергается человеком с большей или меньшей легкостью.

2. Сочетание

Если же в человеке не происходит моментальной реакции на появившийся помысел, то грех переходит в свою следующую фазу, называемую сочетанием, то есть соединением воли с греховным помыслом. На этом этапе человек впускает помысел в свое сердце, его ум сосредоточен на нем, и человек получает удовольствие от этих мыслей. Чтобы остановить развитие греха, теперь потребуется уже большое усилие воли: человек должен решительно отказаться от картины греха и более к ней не возвращаться. Если на первом этапе человеку, к примеру, пришла в голову мысль: «в моем случае могло бы помочь воровство», то на следующем этапе он размышляет о том, как хорошо было бы и вправду украсть.

Сочетанием святые отцы называют собеседование с пришедшим помыслом, т. е. как бы тайное от нас слово к явившемуся помыслу, по страсти или бесстрастно; иначе, принятие приносимой от врага мысли, удержание ее, согласие с ней, и произвольное допущение пребывать ей в нас. Это святые отцы почитают уже не всегда безгрешным, но оно может быть и похвально, если богоугодно разрешится. Богоугодно же разрешается так: если кто немедленно не отразит лукавого помысла, но несколько с ним собеседует – удержит его в себе на некоторое время, и враг уже будет налагать на него страстное помышление; то пусть всячески старается проти-

вопоставить ему противные помыслы благими, или – преложить его на благое. А каким средством, мы о том скажем впоследствии.

По учению преп. Филофея, после прилога, после этого бессознательного для человека возникновения в его сознании соблазняющей мысли, может наступить такое состояние, когда внимание сковано предметом так, «что только и есть, что душа, да предмет, приразившийся или его занявший». Состояние это Филофей называет греческим словом, переведенным переводчиком словами «сочетание, сдвоение». Это последнее состояние может усилиться и перейти в чувство, в эмоцию, когда, по словам преп. Филофея, «предмет, занявший внимание, возбудил желание и душа согласилась на то – сложилась». Это состояние преп. Филофей называет сложением.

3. Сложение

Сложением святые отцы называют уже благосклонный от души прием помысла, в нее пришедшего, или предмета, ей представившегося. Это бывает, например, когда кто-либо порожденную врагом мысль или представленный от него предмет примет, вступит с ним в общение через мысленное разглагольствование и потом склонится или расположится в уме своем поступить так, как внушает вражий помысел. О вменяемости сего святые отцы рассуждают применительно к той степени и мере духовного возраста, в которых находится подвизающийся. А именно: если кто достиг некоторого преуспеяния и удостоился получить от Бога помощь и силу отревать [отринуть] лукавые помыслы, но не отженет их по лености и небрежению, – такому сие не безгрешно. Если же кто, новоначальный, и к отреянию [отторжению] прилогов и наведений еще бессильный, склонится несколько на сторону лукавого помысла, но вскоре, раскаиваясь и зазревая [укоряя] себя, исповедает сие Господу и призовет Его на помощь, по слову Божию: «Славьте Господа; призывайте имя Его» (Пс. 104, 1); то Бог прощает ему, по милосердию Своему, ради немощи его. Вот что сказали отцы о сложении мысленном, об уступке, о склонении на сторону помысла: иногда кто-либо из подвизающихся хотя бывает побежден в мысли, но корень ума его – в глубине сердца его – твердо стоит в том, чтобы самым делом не согрешить и беззакония не совершить. Это есть первый вид сложения. А второй вид сложения, по словам святого Григория Синаита, состоит в следующем: «Когда кто волей своей принимает от врага наносимые мысли и, согласуясь и сдружаясь с ними, побеждается ими так, что уже не только не противоборствует страсти, но и решается все сделать по внушению ее, и если не исполняет своих решений на самом деле, то не почему-либо другому, как только по неполучению на то времени или места, или по иной причине, не позволяющей совершить преднамеренное. Такое состояние души весьма виновно и подлежит запрещению», т. е. церковной епитимии.

4. Пленение

После сложения наступает пленение, при котором, по объяснению преп. Филофея, «предмет взял в плен душу, возжелавшую его, и как рабу связанную ведет к делу».

Если для человека грех не является обычным делом, то он переживает следующий этап – борьбу. Человек борется с собой и еще может остановиться, но воля его уже настолько во власти греха, что почти всегда грех, допущенный до этой стадии, побеждает. Если же грех – постоянное состояние личности, то развитие страсти переходит сразу к следующему этапу – пленению.

Как видно из самого названия, грех на этой стадии полностью господствует в душе, а человек находится в плену греха и переходит к осуществлению задуманного»[98].

Пленение есть невольное увлечение нашего сердца к нашедшему помыслу, или постоянное водворение его в себе – совокупление с ним, отчего повреждается наше доброе устроение. В первом случае, когда умом твоим овладевают помыслы и он насильно – против твоего желания – уносится лукавыми мыслями, – ты вскоре, с Божией помощью, можешь удерживать

его и возвращать к себе и к делу своему. Второй случай бывает тогда, когда ум, как бы бурею и волнами подъемлемый и отторженный от благого своего устроения к злым мыслям, уже не может придти в тихое и мирное состояние. Это обыкновенно происходит от рассеянности и от излишних неполезных бесед. Вменяемость в этих случаях различна, смотря по тому, когда и как помысл внедряется в душу и действует: во время ли молитвы – келейной или соборной, или не во время молитвословия, – средний ли то – безразличный – не греховный помысл или прямо – злой… Если ум находится в плену лукавых помыслов во время молитвы, – это очень виновно и осудительно, потому что во время молитвы ум должен быть весь обращен к Богу и внимать молитве, отвращаясь всячески и всяких сторонних мыслей. Если же не во время молитвы и в необходимых для жизни потребностях входят в душу и в ней остаются мысли, то такое состояние безгрешно, ибо и святые необходимое для жизни телесной исполняли благословно и безвинно. Во всяком этого рода помысле, говорят отцы, ум наш, если соблюдает себя в благочестивом устроении, бывает с Богом – неразлучен; от лукавых же мыслей да отвращаемся.

Наконец, после этого пленения наступает страсть, болезнь души «вкачествовавшаяся (ставшая) в душе привычкою, частым повторением и удовлетворением одного и того же желания».

5. Страсть

Страстью называют такую склонность и такое действие, которые долгое время, гнездясь в душе посредством привычки, обращаются как бы в естество ее. Человек приходит в это состояние произвольно и самоохотно; и тогда помысл, утвердясь от частого с ним обращения и сопребывания, согретый и воспитанный в сердце, превратясь в привычку, непрестанно возмущает и волнует его страстными внушениями, от врага влагаемыми. Это бывает тогда, когда враг очень часто представляет человеку какую-либо вещь, или лицо, питающее страсть, и воспламеняет его к исключительному люблению их, так что – волей или неволей – человек мысленно порабощается ими. Причиной сего бывает, как сказано, по небрежению и произволению, долговременное занятие предметом. Страсть во всех ее видах, непреложно подлежит или покаянию, соразмерному с виной или будущей муке. Итак, подобает каяться и молиться об избавлении от всякой страсти; ибо всякая страсть подлежит муке не за то, что подвергались брани от нее, но за нераскаянность. Если бы было это (т. е. мука) только за брань врага, то некоторые, не достигнув еще совершенного бесстрастия, не могли бы получить избавления, как говорит Петр Дамаскин. Обуреваемому же какой-либо страстью подобает всеми силами противиться ей, говорили отцы. Возьмем, например, страсть блудную: кто борим этой страстью к какому-либо лицу, тот пусть всячески удаляется от него, удаляется и от собеседования и от сопребывания с ним и от прикосновения к его одежде и от запаха ее. Кто не соблюдает себя от всего этого, тот образует страсть, и любодействует мысленно в сердце своем, – сказали отцы: он сам в себе возжигает пламя страстей и, как зверей, вводит в душу свою лукавые помыслы.

Так, святые подвижники свидетельствуют нам, что все грехопадения человеческие совершаются не иначе, как с постепенностью. Первая степень есть прилог, когда без намерения и против воли входят в душу греховные представления, или через внешние и внутренние чувства, или через воображение. Это безгрешно, и только есть повод и близость к греху; и самые великие святые, в самые священные времена, нередко подвергались прилогам и принуждены были бороться с ними. Сочетание означает принятие прилога, добровольное размышление о нем: сие не всегда безгрешно. Сложение есть услаждение души пришедшим помыслом или образом, то есть когда кто, принимая помыслы или образы, представленные врагом, и с ними беседуя мысленно, вскоре сложит в мысли своей, чтобы так было, как внушает помысл. Здесь нужно немедленное покаяние и призывание Бога на помощь. Пленение есть то состояние души, когда принужденно и невольно отводится ум на худые мысли, нарушающие мирное устроение

души, и душа с усилием, только при помощи Божией, возвращается в себя. Страсть есть долговременное и обратившееся в привычку услаждение страстными помыслами, влагаемыми от врага, и утвердившееся от частого размышления, мечтания и собеседования с ними. Это уже есть рабство греху, и не покаявшийся, не извергший из себя страсть, подлежит вечным мукам. Здесь потребна уже великая и напряженная борьба и особенная благодатная помощь, чтобы оставить грех (см. Лествица 15, 75).

Вот где начало и корень нашей греховности! Приходит в душу помысл, приражается предмет, – греховный или не греховный, по мысли преподобного Нила, – это все равно. Мы обращаем на него внимание, задумываемся над ним, увлекаемся им, начинаем стремиться к нему, а главное свое дело, дело спасения или пребывания в Боге и во всем Божественном, забываем. И все это делается часто без нашего ведома. Мы так слабы, рассеянны, легкомысленны, небрежны, что увлекаемся всяким ветром этих помыслов и предметов: они непрестанно, как вихрь какой, кружат нас, от утра до вечера, а от этого грешим постоянно. И всему этому подвергаемся мы часто бессознательно. Горе нам! Что делать, чтобы избавиться от такого, без сомнения, погибельного состояния? Необходимо твердо знать и всегда помнить, что не от слабости, не от рассеянности, не от небрежности, не от легкомысленности только нашей все это происходит с нами, а – главным образом – от незнания того процесса, которым помыслы доводят нас до страстей, от нежелания и неумения бороться с ними и побеждать их, от забвения о своем назначении, от неведения, что противопоставлять им. О, как нужно изучить эти разные движения помыслов в духовной брани! Как необходимо всегда помнить и употреблять в дело те средства, которые избавляют нас от поражения их и дают нам победу над ними! Иначе, как и спастись нам?!

В связи с приведенной выше психологией возникновения страстей человеческих тот же Филофей Синайский говорит, что кто противостоит зарождению страсти, её началу, тот этим путем легче победит страсть, чем если бы он дал ей укрепиться. Вот его подлинные слова по этому предмету: «кто противустоит или бесстрастно относится к прилогу, тот за один раз отсекает все срамное»[99].

Таким образом, вопрос о борьбе человека со своими злыми страстями сводится к тому, чтобы, говоря словами подвижников, «противустоять прилогу» или «овладеть страстями в их неосязаемых причинах». А так как «прилог», т. е. вторжение соблазняющей мысли в поле человеческого сознания, весьма часто идет не от внешнего импульса, а из сердца, то на сердце и должно быть сосредоточено внимание человека, как на источнике добрых или злых движений души человеческой. Человек, желающий «противустоять прилогу», должен прежде всего направить свои усилия на перевоспитание чувств сердца, на подавление в нем злых движений в самом начале их, и на развитие в том же сердце чувств и порывов альтруистических, добрых и возвышенных»[100].

Невидимая брань

Как диавол утверждает грешников в рабстве греху

Когда диавол держит кого в рабстве греху, то преимущественно заботится о том, чтоб все более и более омрачать его духовным ослеплением, отгоняя от него всякий добрый помысл, могущий привести его в сознание пагубности своей жизни. И не только добрые отгоняет от него помыслы, которые могли бы подвигнуть его на покаяние и обратить на путь добродетели, но вместо них влагает помыслы злые и развращенные и тут же подстраивает подручные поводы к обычному ему греху и увлекает его часто падать в него или в другие, более тяжкие грехи. От этого бедный грешник делается все более и более омраченным и ослепленным. Ослепление это укореняет в нем навык и непрестающий позыв все грешить и грешить, так что он, несчастный, влекомый от дела греховного к большему ослеплению и от ослепления в большие грехи, кружится, как в водовороте, и прокружится так всю свою жизнь до самой смерти, если не привнидет особенная Божия благодать во спасение ему.

Кто находится в таком бедственном состоянии, тому, если он пожелает от сего избавиться, надлежит не медля, как только придет ему благое помышление или, лучше сказать, внушение, зовущее его из тьмы во свет и от греха к добродетели, тотчас принять его со всем вниманием и желанием, тотчас усердно приступить и к делу, взывая из глубины сердца к щедрому Подателю всякого блага: «Помоги мне, Господи Боже мой, скоро помоги и не оставляй меня более в этой тьме греховной». Пусть не знает утомления, взывая таким или иным каким словом; но вместе с тем да взыщет и земной помощи, обратясь к знающим дело за советом и руководством, как бы успешнее освободиться от томящих его вражеских уз рабства греховного. Если этого невозможно сделать тотчас, пусть исполнит это, как только откроется возможность, не переставая прибегать к распеншемуся за нас Господу Иисусу и к Пречистой Матери Его Богородице Приснодеве благоутробно смилостивиться над ним и не лишить его скорой подобающей помощи. Да ведает он, что в этом неотлагании дела и скорой готовности последовать доброму внушению – его победа и преодоление врага.

Как враг удерживает в своих сетях тех, которые осознали бедственное свое положение и хотят избавиться от него, а к делу не приступают. И отчего добрые наши намерения нередко не приводятся в исполнение

Тех, которые познали худость и бедственность жизни, которою живут, враг успевает удерживать в своей власти наибольшей частью следующим простым, но всесильным внушением: «После, после; завтра, завтра». И бедный грешник, прельщаясь тенью доброхотства, представляемого таким внушением, решает: «В самом деле, завтра; ныне я покончу свое дело и потом с полнейшей беспопечительностью предам себя в руки благодати Божией и неуклонно потеку путем духовной жизни; ныне сделаю то и то, а завтра покаюсь». Сеть это вражеская, брате мой, которою он уловляет многих и премногих и держит в своих руках весь мир. Причина же, по которой эта сеть так удобно осечивает [опутывает] нас, есть наше нерадение и ослепление. Ничем другим, как нерадением и ослеплением, нельзя объяснить того, что в таком важном деле, от которого зависит все наше спасение и вся слава Божия, мы не беремся тотчас за самое простое и легкое, чтоб с полною решимостью и энергией сказать себе: «Сейчас! Сейчас начну духовную жизнь, а не после; ныне покаюсь, а не завтра. Ныне, сейчас в моих руках, а завтра и после в руках Божиих. Но если и благоугодно будет Господу дать мне завтра и после, могу ли я быть уверенным, что и завтра найдет на меня это благое и понудительное помышление об исправлении жизни?» К тому же, что за бессмыслие говорить, например, когда предлагается верное средство от болезни: «Погоди, дай еще поболею немного»? А отлагающий дело спасения совершенно походит на такого.

Итак, если желаешь избавиться от прелести вражеской и победить врага, тотчас берись за надежное против него оружие, тотчас послушайся делом добрых помышлений и Божиих тебе внушений, зовущих тебя к покаянию, не допускай ни малейшей отсрочки и не позволяй себе сказать: «Я положил твердое намерение покаяться немного после и не отступлю от этого намерения». Нет, нет, не делай так. Такие решения всегда оказывались обманчивыми и многие-премногие, понадеясь на них, оставались потом нераскаянными до конца жизни по разным причинам.

Первая та, что собственные наши решимости не бывают основаны на неверии себе и на крепком уповании на Бога. Посему не бываем чужды гордостного о себе мнения, неотложным следствием которого всегда бывает удаление от нас благодатной Божией помощи и вместе с тем неизбежное падение. От сего решающий в себе: «Завтра непременно брошу путь греха», – встречает всегда противное тому – не восстание, а горшее падение, а там опять падение за падением. И Бог промыслительно иногда попущает сие, чтобы привести самонадеянного в сознание своей немощи и побудить ко взысканию Божией помощи, единой надежной, с отвержением и попранием всякой надежды на себя. Хочешь ли знать, человече, когда крепки и благонадежны будут твои собственные решимости? Когда не будешь держать никакой на себя надежды и когда они у тебя основаны будут на смирении и крепком уповании на единого Бога.

Вторая та, что при таких наших решимостях имеются в виду преимущественно красота и светлость добродетели, и они-то привлекают к себе нашу волю, сколько бы она ни была слаба и немощна; причем, конечно, трудная сторона добродетели ускользает из внимания. Но ныне она ускользает потому, что желание красоты добродетели сильно влечет волю; завтра же, когда между тем придут обычные дела и заботы, оно не будет уже так сильно, хотя принятое намерение еще помнится. При ослабшем желании и воля слабеет или вступает в естественную свою немощность, вместе же с тем и трудная сторона добродетели выступит вперед и предстанет пред очи, потому что путь добродетели по существу своему труден, и труднее всего бывает он при первом шаге. Пусть теперь положивший вчера ныне вступить на сей путь приступит к нему; он уже не будет иметь в себе никакой опоры к исполнению сего: желание не напряжено, воля ослабла, пред очами одни препятствия – и в себе, и в порядках своей обычной жизни, и в обычных сношениях с другими. Он и решает: подожду пока, соберусь с силами, и пойдет, таким образом, ждать день ото дня, и не дивно, если прождет и всю жизнь. А приступи он к делу вчера, как только пришло воодушевительное желание исправиться, сделай то или другое по требованию сего желания, введи в жизнь что-нибудь в духе его – ныне и желание, и воля не были бы так слабы, чтоб отступать пред лицом препятствий. Препятствий не миновать, но, имея в себе опору, он, хоть с трудом, преодолел бы их. Пробудь он весь день в этом преодолевании, на другой они оказались бы гораздо менее чувствительными, а на третий – еще менее. Дальше и дальше – и установился бы он на добром пути.

Третья та, что добрые пробуждения от сна греховного не только неохотно опять приходят, иногда остаются без исполнения, но и когда приходят, не производят уже того действия на волю, которое оказали в первый раз. Воля не столь быстро склоняется течь в след их, и вследствие того решимость на то, если и появится, слаба бывает, не энергична. Но если более сильное побуждение человек смог отложить до завтра и потом совсем потерять, то тем удобнее поступит он также и со вторым и еще тем удобнее – с третьим. И так далее: чем чаще отлагается исполнение добрых побуждений, тем слабее бывает их действие; потом дело доходит до того, что они совсем делаются бездейственными, приходят и отходят бесследно, а, наконец, и приходить перестанут. Человек предается в руки падения своего; сердце его ожестевает [каменеет] и начинает отвращение иметь к добрым побуждениям. Так отлагательство делается прямым путем к конечной погибели.

Замечу тебе еще, что отлагательство бывает, не только когда чувствуется понуждение внутреннее к перемене жизни худой на добрую, но и когда кто ведет жизнь исправную, а

именно, когда кому представляется случай сделать добро и он отлагает это или до завтра, или неопределенно до другого времени. И к этому отлагательству приложимо все, что говорилось о первого рода отлагательстве, и следствия от сего могут быть подобные же следствиям от того. Ведай, что кто пропускает случай сделать добро, тот не только лишается плода от добра, которое бы сделал, но и Бога оскорбляет. Бог посылает к нему нуждающегося, и он говорит: «Отойди – после». Это хоть он говорит человеку, но то же, что говорит Богу, пославшему его. Бог найдет для него другого благодетеля, но отказавший ему не безответен.

О кознях врага против тех, которые вступили на добрый путь

Но пусть кто миновал первые две препоны, возжелал освободиться от уз греха и приступил к сему тотчас, враг не оставляет его и здесь и переменяет только тактику, а не злое свое желание и чаяние преткнуть его о камень искушения какого-либо и погубить. И святые отцы изображают такого обстреливаемым со всех сторон: сверху и снизу, справа и слева, спереди и сзади – отовсюду летят на него стрелы. Стрелы сверху – внушения чрезмерностей непосильных в трудах духовных; стрелы снизу – внушения умалить или совсем оставить такие труды по саможалению, нерадению и беспечности; стрелы справа, когда враги, по поводу каких-либо добрых начинаний и дел, ввергают в искушение опасности падения; стрелы слева, когда враги явные представляют соблазны и влекут на грех; стрелы спереди, когда враги искушают и смущают помыслами о том, что имеет быть; стрелы сзади, когда они искушают и возмущают воспоминаниями о прошедших делах и событиях. И все такие искусительные помыслы приражаются к душе или внутренним путем, или внешним: внутренним – чрез образы и представления фантазии, отпечатываемые в сознании мысленно или чрез непосредственные внушения худого в сердце, сопровождаемые обычными страстными движениями; внешним – чрез впечатления внешних чувств, непрестанно приливающие, как уже говорено было выше. Пособниками себе враги наши имеют прежние греховные привычки и наше поврежденное в падении естество. Имея столько способов вредить нам, враг нимало не смущается первыми неудачами и непрестанно пускает в ход то одно, то другое, чтоб преткнуть или сбить с пути ускользающего из его власти раба Христова.

Первым делом у врага, после того как решится кто оставить недобрые пути и действительно оставляет их, бывает – очистить для себя место действия против него, чтоб никто не мешал ему. Успевает он в этом, когда внушит вступившему на добрый путь действовать самому по себе, не обращаясь за советом и руководством к присущим всегда Церкви руководителям к богоугодной жизни. Кто следует сему руководству и все свои деяния, и внутренние, и внешние, поверяет рассуждениям своих руководителей, в приходах – мирских священников, а в обителях – опытных старцев, – к тому нет доступа врагу. Что бы он ни внушил, опытный глаз тотчас увидит, куда он метит, и предостережет своего питомца. Так разоряются все его козни. А кто отшатнется от своих руководителей, того он тотчас закружит и собьет с пути. Есть много возможностей, кажущихся не худыми. Их и внушает он. Неопытный новичок следует им и попадает в засаду, где подвергается большим опасностям или совсем гибнет.

Второе, что устраивает враг, это оставить новичка не только без руководства, но и без помощи. Положивший обходиться в жизни своей без совета и руководства скоро сам собой переходит к сознанию ненужности сторонней помощи при совершении дел своих и ведении богоугодных порядков. Но враг ускоряет этот переход тем, что скрывается сам и не делает нападений на новичка, который, восчувствовав такую свободу и льготу, начинает мечтать, что это доброе состояние есть плод его собственных усилий, и вследствие того почивает на них и в молитвах своих о помощи свыше говорит как бы только сквозь зубы, потому только, что так пишется в молитвах. Помощь не искомая и не приходит, и остается таким образом новичок один, с одними своими силами. А с таким врагу легко уже управиться.

Следствием такого самопрельщения бывает для одних то, что они бросаются на чрезмерные подвиги не по силам и не по времени. Сильное возбуждение энергии самонадеянностью дает им на первый раз силу протянуть такие подвиги несколько времени; потом силы их истощаются и они не находят уже их в себе столько, чтоб держать самые умеренные подвиги, а нередко и от этих отказываются. Иные же, разжигая свою самодеятельную энергию все более и более, доходят до такой самоуверенности, что считают все для себя возможным. В этом возбужденном состоянии они делают пагубные шаги: бросаются в колодцы высохшие или с утесов, где живут в пещере какой, совсем отказываются от пищи и подобное. Все это устраивает враг незаметно для прельщаемых.

Для других следствием самопрельщения, приписывания себе самим своих успехов бывает то, что они дают себе право на разные послабления и льготы. Есть такая прелесть, что когда вводится в жизнь человека что-то новое, как, например, у покаявшегося, тогда дни кажутся месяцами, а недели – годами. От этого потрудившемуся немного в порядках новой жизни враг легко вбивает в голову мечты: сколько я потрудился, сколько времени постился, сколько раз ночи не спал и подобное. Можно немного и отдохнуть. «Отдохни, – толкует враг, – дай покой плоти; немножко и развлечься можно». Как только согласится на это неопытный новичок, пойдут у него льготы за льготами, пока, наконец, расстроятся все порядки богоугодной жизни, и он спустится в ту же жизнь, которую оставил, и начинает опять жить в нерадении и беспечности, спустя, как говорится, рукава.

С такими, впрочем, искушениями: чуждаться и совета, и руководства других, приписывать себе успехи, замышлять о чрезмерностях и послаблениях – враг не в начале только доброй жизни подступает, но делает попытки к таким внушениям и в продолжение всей ее. Потому сам видеть можешь, как необходимо тебе все, что ни делаешь, делать с советом, никогда никаких успехов, как бы они ни были малы, не приписывать себе, своим силам и своему тщанию, избегать всяких чрезмерностей и послаблений и вести жизнь ровную, но энергичную и живую, всегда в порядках, однажды заведенных и установленных по примерам святых, прежде живших, и с рассуждением опытных людей, современных тебе.

Как враг отклоняет от добрых дел и портит их

Указанные пред сим козни врага расстраивают всю жизнь добрую. Против того, кто, устояв против них, течет неуклонно добрым путем, враг строит иные козни и иные преткновения. Тут он не на всю жизнь вооружается, а действует урывками против всякого частного дела, которое начинает и делает добрый христианин по Богу.

Со времени открытия глаз утром после сна до закрытия их снова на ночь мы окружены делами, которые непрестанно чередуются и, следуя одни за другими, не оставляют пустого момента, если мы внимаем себе и не болеем леностью и нерадением. При этом не только дело молитвенного устремления сердца к Богу, не только должные дела в сношениях с другими в правде и любви, не только дела упорядочения в себе равновесия между телом и душой, в подвигах самоумерщвления, но и житейские дела с гражданскими все должны быть обращаемы на содеяние спасения со строгим вниманием, бодренностью и усердием. Ревнителям о сем Бог помогает всё вести достодолжно, содействуя им благодатью Своею с охранением их Ангелами и молитвами святых. Но и враг не дремлет. Ко всякому делу он подстревает и хлопочет, нельзя ли как-нибудь помутить течение дел наших и вместо должных навести или сбить на дела недолжные: то бросается помешать самому начинанию их; то, когда они начаты, покушается пресечь течение их; то, если в этом не успевает, хлопочет сделать исполнение их и совершение никуда не годными; когда же и в этом посрамляется, то злоухитряется отнять всякую у них пред Богом цену, возбудив тщеславие и самомнение.

Св. Иоанн Лествичник так говорит об этом: «Во всех деяниях наших, которыми стараемся мы угодить Богу, бесы выкапывают нам три ямы: во-первых, борются, чтобы воспре-

пятствовать нашему доброму делу; во-вторых, когда они в сем первом покушении бывают побеждены, то стараются, чтобы сделанное не было по Богу; а если тати оные и в сем умышлении не получают успеха, тогда уже, бесшумно подступивши к душе нашей, ублажают нас, как живущих во всем богоугодно. Первому искушению сопротивляется горячее рвение и память о смерти, второму – повиновение и уничижение, а третьему – всегдашнее укорение самого себя. Сие труд есть пред нами, дондеже внидет во святилище наше огнь оный Божий (Пс. 72, 16). Тогда уже не будет в нас насилия злых навыков, «потому что Бог наш есть огнь поядающий» (Евр. 12, 29) всякое разжжение и движение похоти, всякий злой навык, ожесточение и омрачение внутреннее и внешнее, видимое и помышляемое» (Сл. 26, 8).

Всего, бывающего при этом, описать никакое перо не может. Внимай себе, одно мерило держа в уме – единому Богу благоугождать всем, и большим, и малым, и сама жизнь научит тебя ясно видеть и проразумевать вражеские козни. Предложу, однако ж, тебе два-три примера, какие смуты воздвигает враг в душе нашей, чтоб попортить дела наши, когда они должны длиться определенное время.

Когда, например, больной расположится благодушно переносить болезнь свою и переносит, враг, зная, что таким образом он утвердится в добродетели терпения, подступает расстроить такое его благорасположение. Для сего начинает приводить ему на ум многие добрые дела, которые мог бы он совершить, если б находился в другом положении, и старается убедить его, что если б был здоров, как добре поработал бы Богу и сколько пользы принес бы и себе, и другим: ходил бы в церковь, вел бы беседы, читал бы и писал в назидание ближних и подобное.

Заметив, что такие мысли принимаются, враг почаще приводит их на ум, размножает и раскрашивает, проводит до чувства, вызывает желания и порывы к делам тем, представляя, как хорошо шли бы у него те или другие дела, и, возбуждая жалость, что связан по рукам и ногам болезнью. Мало-помалу при частых повторениях таких мыслей и движений в душе жалость переходит в недовольство и досадование. Прежнее благодушное терпение, таким образом, расстраивается, и болезнь представляется уже не как врачевство от Бога и поприще для добродетели терпения, а как нечто неприязненное делу спасения, и желание освободиться от нее делается неудержимым, все еще в видах получения чрез то простора для доброделания и угождения Богу всяческого.

Доведя до этого, враг крадет из ума его и сердца эту благую цель желания выздоровления и, оставляя одно желание здоровья, заставляет досадливо смотреть на болезнь, не как на препону к добру, а как на нечто неприязненное само по себе. От этого нетерпеливость, не врачуемая благопомышлениями, берет силу и переходит в ропотливость и лишает больного прежнего покоя от благодушного терпения. А враг радуется, что успел его расстроить. Точь-в-точь таким же образом расстраивает враг бедного, терпеливо переносящего участь свою, рисуя ему, какими добрыми делами украсился бы он, если бы имел состояние.

Подобно сему враг расстраивает нередко находящихся на поприще послушания в обители или у какого старца, успевая убедить их, что, оставаясь в этом порядке жизни, они не скоро дойдут до желанного совершенства, и разжигая в них желание затвора или пустынного жительства. И нередко бывает, что таким его внушениям следуют. Но, достигнув этого, там наедине предаются нерадению и теряют то, что прежде приобретено было с трудом в послушничестве.

И наоборот бывает, что враг успевает выгнать иного из уединения и затвора, убедив его, что он там сидит без всякой пользы для себя и для других, тогда как в обители у него полезные дела текли бы обильно рекой и день и ночь. А когда послушавшийся переходит в обитель, то чаемых дел полезных не успевает наделать, а что приобрел в пустыне, скоро истрачивает и остается ни при чем.

И множество многое есть других подобных случаев, когда враг успевает отклонить от одного рода занятий, сманивая к другому, будто полезнейшему, и расстраивая тот и другой.

От всех таких искушений избавляется легко тот, кто, имея опытного руководителя, советника и собеседника, со смиренною покорностью следует их указаниям. А кто лишен почему-либо такого блага, тот да внимает себе и строго учится различать доброе от худого по началам христианским, которыми должна устраиваться жизнь всех нас. Если случаи, мешающие, как нам кажется, развернуться шире нашему доброделанию не от нашей воли, а посылаются Богом, то принимай их с покорностью и не слушайся никаких внушений, отклоняющих тебя от сей покорности. Послав такой случай, Бог ничего от тебя не ожидает, кроме того, чтоб ты держал себя и действовал так, как требует и как дает возможность посетивший тебя случай. Больной ли ты или бедный, терпи. Ничего, кроме терпения, Бог от тебя не требует. Терпя благодушно, ты будешь находиться непрерывно в добром деле. Когда ни воззрит на тебя Бог, будет видеть, что ты делаешь добро или пребываешь в добре, если благодушно терпишь, тогда как у здорового дела добрые идут промежутками. Потому, желая перемены своего положения, ты желаешь променять лучшее на худшее.

Если же случайное положение, в каком находишься и какое, как полагаешь, стесняет круг возможных для тебя добрых дел, от твоей зависело воли, то как ты, наверное, избрал его не без рассуждения, и держись того рассуждения, не позволяй мыслям блуждать по разным возможностям, а все внимание свое устремив и сковав тем одним, что предлежит тебе в твоем положении, спокойно твори сопряженные с ним дела, в полной уверенности, что если ты все посвящаешь их Богу, а не самоугодию, то они не бесплодно наполняют все твое время и приемлются Богом как жертва от тебя самая полная. И пребывай покоен.

Как враг сами добродетели обращает во вред делателям

Но пусть ты верно и постоянно течешь путем добродетели, не уклоняясь ни вправо, ни влево, не думай, что враг отстанет от тебя. Нет, слышал уже ты, что я привел тебе из св. Иоанна Лествичника, что враг, когда видит, что все его покушения совратить тебя на зло безуспешны, идет потихоньку вслед тебя и ублажает, как живущего во всем богоугодно. Вот это и есть последнее его искушение. Отзывается это вражье нас величание самомнением, самочувствием и самодовольством; от них же порождаются тщеславие и гордость, из которых тщеславие снедает всю цену дел наших, если есть какие добрые, а гордость делает нас противными Богу. Внимай убо и всячески отбивайся от этих вражеских ублажений, не давая им проходить до сердца, а отражая с первого момента, как они коснутся слуха души твоей.

Чтоб не подвергнуться грозящей тебе от этого беде, держи всегда ум свой собранным в сердце и будь всегда готов к отражению этих вражеских стрел. Стоя там внутри, как военачальник среди бранного поля, избери удобное для брани место и, укрепив его как следует, не оставляй никогда, но там укрывайся и оттуда воюй. Место это и укрепление его, и вооружение есть искреннее и глубокое осознание своей ничтожности, что ты и беден, и слеп, и наг, и богат одними немощами, недостатками и неодобрительными делами, неразумными, суетными и грешными. Установившись так, никогда не позволяй уму своему выходить из этого укрепления вовне и особенно воздерживайся от странствования по своим, как тебе кажется, плодоносным полям и садам, т. е. твоим добрым делам. Если будешь держать себя так, стрелы вражеского ублажения пагубного не достанут тебя, а если и упадет к тебе какая, ты тотчас увидишь ее, отразишь и выбросишь вон.

Но как воины, сидя в укреплении, не праздно проводят время, но то упражняются в воинских бранных приемах, то обновляют и усиливают свое укрепление, так делай и ты, укрываясь в осознании своей ничтожности. Именно, делай вот что. Ум, как ни держи, все будет отбегать, и не дивно, что в этих отбеганиях нападет на дела твои, кажущиеся добрыми. Как только нападет он на них, тотчас схватит его враг и поразит самомнением, и притом так, что он охотно станет на сторону врага, воротившись к себе, и тебя станет тянуть туда же. Как только заметишь ты это, позови к себе ум свой и скажи ему: слушай, ум! Толкуешь ты мне: и то хорошо, и это не худо. Пусть так; да мне-то что ж из-за этого? Ты ведь собрался хвалить меня.

Добре, хвали, я слушаю. Но ведай, что справедливость требует, чтобы ты хвалил меня только за то, что найдешь во мне и в делах моих собственно моего, а что есть во мне от Бога и от благодати Его, то должно быть благодарно и хвалебно возводимо к Источнику своему. Давай же разбирать, что есть у нас с тобой своего и что есть Божие, и Божие будем отлагать на Божию часть, а свое оставлять при себе. Затем, что останется при нас, если только останется, тем и определим свой вес и свое достоинство и за то себя похвалим.

Итак, начнем. Заглянем во время, предшествовавшее нашему существованию: что были мы тогда? Ничто, и ничего не могли сделать, за что бы Источник всякого бытия, как воздаяние, благоволил даровать нам бытие. Оно есть независимый Божий нам дар, Божие нам благодеяние, начало и поприще и всех последующих нам благодеяний безмерной Его благости. Отложим же его на Божию часть. Потом стали мы жить. Как? И сами не знаем. Много прошло лет, что мы с тобой и не знали, что существуем, а существовали; но и когда узнали это, ничего не могли делать для поддержания своей жизни. Другие руки пеклись о нас, и не сами по себе, а по устроению Всеустроителя всякой жизни и бытия. Нас воспитали, обучили, поставили на ноги. Тут ничего не было нашего – и отлагай это в сторону.

Стали мы потом сами жить. Что тут наше? Отделим жизненные силы и средства к существованию, которые окрест нас. Они не наши – Божий дар.

Божий дар – непосредственное ведение Бога, Божий дар – совесть, Божий дар – жажда небесной жизни. Три сии составляют дух нашей жизни, влекущий нас к горе. Ты, ум мой, не мой. Бог мне тебя даровал. Не мои и деятельные во мне силы, воля со своей энергией. Не мое чувство, способное услаждаться жизнью и всем окружающим меня. Не мое тело со всеми своими отправлениями и потребностями, обуславливающими наше телесное благобытие. Все сие Бог даровал. И сам я не свой, а Божий. Дав мне бытие, Бог облек меня сложностью исчисленных сил жизненных и, даровав мне сознание и свободу, законоположил, чтоб я правил всем, сущим во мне, сообразно с достоинством каждой части своего бытия. Во всем этом не поводы к самовосхвалению, а побуждения к сознанию великости и тяготы лежащего на нас с тобой долга и к страху ожидающего нас ответа на вопрос: что мы с собой и из себя сделали?

Обратимся теперь к средствам жизни. Есть в нас жизнь телесная, жизнь душевная и жизнь духовная. Для каждой из них свои потребны средства, и мы все имеем их под руками, и все они не плод нашего благоприобретения, а дар Божий. Воздух, огонь, вода, земля со всеми своими сокровищами: стихиями, камнями, металлами, растениями и животными, которые доставляют нам все нужное для питания, одеяния и жилищ, – не нами устроены, а даны. Сумма необходимых для нас понятий о всем окружающем нас, порядки житейские, общественные, государственные, искусства и ремесла и правила для действования на всех этих поприщах мы находим готовыми, не ломая головы над их придумыванием, а только усваивая их. Каждый, являющийся на свет, получает их как наследие от предков своих. А у предков откуда все это? Бог посылает людей с особенными дарованиями и с особою силой воли, и они делают новые открытия и совершенствуют быт человеческий. Но если б ты спросил этих открывателей, как дошли они до того или другого, они сказали бы: сами не знаем, пришло на ум, развивалось, строилось и устроилось. Так всегда было, так и до конца века будет: средства для душевной жизни не наши, а даются. Тем более это следует сказать о жизни духовно-нравственно-религиозной. Бог вложил в душу ведение о Себе в уме и о воле Своей в совести, осенив то и другое чаянием вечноблаженной жизни. Это семя духовной жизни. Оно посеяно в нас и принято в момент вдохнутия Богом в нас Своей Божественной искры жизни. Всякий, рождаясь, приносит с собой и в себе сие семя, которое затем развивается и определенность получает от окружающей его среды людей. Какое неописанно-великое благо родиться среди тех, которые живут истинною духовною жизнью! Но осмотрись. Мы имеем ведение о едином истинном Боге, в Троице поклоняемом; исповедуем Сына Божия, нас ради воплотившегося и все для спасения нашего устроившего; веруем и в Духа Святого, благодатью Своею нас оживотворяющего и

духовную жизнь в нас действенно воссозидающего, и с Церковью Божиею срастившими себя имеем, в ней приемля все потребное для хранения и возвышения духовной жизни и оживляясь чаянием воскресения мертвых и жизни будущего века. И все сие есть у нас в чистейшем и беспримесном виде, и есть не от нас – дар Божий. Так вот какими богатыми окружен ты средствами к свойственной тебе жизни, и жизни всесторонней, и ни одно из них не есть плод твоих усилий, все тебе дано. Ты призван на пир жизни, уже готовый. Если уместно нам с тобой чем-либо в сем отношении похвалиться, то разве тем, как мы всем этим воспользовались. Это, когда есть в нас в силе, есть наша брачная одежда. Величаться ли ею? Не паче ли побаиваться надо, как бы богатый в милости Устроитель пира, пришедши, не сказал нам: видите, какой пир! А одежда-то у вас какова?!

Посмотрим же теперь повнимательнее и на одежду сию. Одежду души составляют преимущественно нравственно-религиозные расположения и чувства, укорененные в ней, а не одни дела. Но как те сокровенны, то редко бывают поводом к тщеславию и гордости; дела же, как видимые, лезут в глаза и будто невольно возбуждают делателя к любованию и самовосхвалению в себе, а свидетелей его дел – к похвалению его вовне, которые еще крепче укрепляют и глубже углубляют любование и трубление пред собой. Так вот, рассмотрим свои дела, есть ли в них и что есть, чем бы можно было беспрекословно похвалиться.

Припомним, что хвалиться можно только тем, что прямо от нашего исходит произволения и независимо ни от чего нами совершается. Но смотри, как идут дела наши? Как они зачинаются? Сходятся обстоятельства и ведут к тому или другому делу, а иной раз приходит на мысль сделать что-либо – и делаем. Но стечение обстоятельств не от нас, и вспадение на мысль сделать что-либо тоже, как очевидно, не наше: кто-то влагает мысль. Таким образом, зачало или зарождение помысла сделать что-либо в таких случаях не может или не должно быть предметом самохваления. А такого рода дел сколько у нас? Если добросовестно разберем, почти все сплошь и рядом. Вот и нечем хвалиться.

Если можно похвалиться, то только тем, что мы могли не делать и, однако ж, сделали. Ибо как ни сильны бывают внутренние и внешние понуждения на дела, решение на них всегда есть дело нашего произволения. Но и тут решение на дела добрые не всегда бывает добротно. Добротно это решение, когда оно устанавливается по сознанию воли Божией на то и другое дело и из покорности сей воле. Коль же скоро сюда привходит что-либо стороннее, самостное или человекоугодливое, то добротность решения в таком случае тускнеет и омрачается. Решаемся иной раз, боясь, что скажут, если не сделаем, иной раз, чая себе какого-либо удовлетворения и выгоды от дела, теперь или впоследствии, а иной раз оттого, что нельзя иначе: и не хотелось бы, но надо сделать. Все такие дела не могут стоять в ряду чисто добрых дел и хоть совне кажутся похвальными, но по внутреннему достоинству пред Богом и совестью не стоят похвалы. Рассмотрим же, сколько у нас такого рода дел? И опять придется осознать, что почти сплошь и рядом. И опять, выходит, нечем хвалиться.

Итак, добрые дела наши, если строго их разберем, не дадут нам открыть уста для восхваления себя пред другими или для трублений внутри пред собой. Если же мы приведем при этом на память все дела свои неодобрительные: пустые, суетные, бесполезные, вредные, беззаконные, богопротивные, каковых, конечно, найдется немало, то что тогда должны почувствовать? Может быть, скажет кто: взвесь ту и другую сторону, и какая перетянет, по той и суди себя. Но такого рода прием в этом случае неуместен. Дела идут изнутри. Если есть дела недобрые, то, значит, внутреннее наше не в добром порядке, а оно-то и определяет нашу цену пред Богом – самую существенную цену. Если оно не может быть одобрено, то и весь человек недостоин одобрения.

Еще одно прискажу: все дела, нами видимо совершаемые в семействе, в обществе, по службе, составляют наше поведение. Если осмотримся кругом, не можем не сказать, что в общем поведение наше большею частью исправно. Но так же ли исправно при сем и внут-

реннее, этого утверждать не можем. Глаза окружающих нас сильное имеют давление на наши замыслы. Эти свидетели заставляют нас не давать хода тому худу, которое возникает в сердце: мы воздерживаемся от худа – и поведение наше является исправным. Не будь их, поведение наше оказалось бы совсем в ином виде. Да оно и бывает нередко таковым, коль скоро мы уверены, что чужой глаз не увидит нас. И бывает с некоторыми, что коль скоро внешняя их обстановка изменяется и они могут пожить свободнее, все, что прежде укрываемо было из боязни чужих глаз, вырывается наружу, и прежде исправный человек является и пьяницей, и развратником, и даже грабителем. Все эти дурные позывы не теперь породились. Они были, но ходу не имели, а теперь получили свободу и проявились. Но если все это только внутри, то и весь человек был таков: пьяница, развратник, грабитель, несмотря на не таковую внешность. Рассмотри-ка хорошенько, не принадлежишь ли и ты к такому разряду. Если да, хоть в некоторой степени, то тебе не следует хвалиться и принимать похвалы.

Заключу: если по примеру всего сказанного теперь ты будешь почаще просматривать свою жизнь, то когда враг начнет трубить тебе в уши, как ты хорош, это трубление не найдет внутри тебя отголоска в самочувствии и самоодобрении, а напротив, будет отражаемо всякий раз самыми смиренными и уничиженными о себе мыслями и чувствами.

Никодим Святогорец, преподобный. Невидимая брань. – М., 2001.

Слово о внушениях ненавистника добру демона

Преподобный Ефрем Сирин

Послушайте, отцы и братия; враг часто подущает человека, говоря: «Ты еще молод, удовлетвори своим пожеланиям. Как многие, думаешь ты, наслаждались в мире и не лишены вечных благ? И ты еще молод: ешь, пей, увеселяйся благами мира сего; под старость покаешься. И для чего хочется тебе с такого возраста измождать тело свое?» Потом приходит старость, и этот коварный приводит изречения Священного Писания и говорит: «Воздыхаешь ты, человек, сомневаешься в Божием милосердии, и представляешь себе, что Бог немилостив. А Божие Писание проповедует, что Бог милостив и человеколюбив. Что ж, разве не знает Он, что немощный и слабый ты старец? Известно Ему, что не можешь ты ни поститься, ни ночи проводить во бдении, ни спать на голой земле. Не слышал ли ты, как говорит Он в Евангелии, что и с раннего и со среднего возраста служащие Ему, а также старики, получают равную награду? Ибо сказал Он в Евангелии, что пришедшие в первом, и в третьем, и в шестом, и в девятом, и в одиннадцатом часу, получили равную плату. Вот и пророк Давид пророчествовал: «благословляет боящихся Господа, малых с великими» (Пс. 113, 21).

Такие речи говорит враг знающим Писание, чтобы ни в юности, ни в старости не дать им оплакать грехи свои, а людям простым, подавая меч отчаяния, говорит: «На что ты рассчитываешь, человек? Для чего сам себя обманываешь, говоря, что Бог есть Бог кающихся? Ты блудник, прелюбодей, хищник; ты убивал, крал, лгал, нарушал клятву; какая же тебе надежда на спасение? Ты погиб, поэтому удовлетворяй пожеланиям своим; будущее ты утратил, не лишай себя хотя настоящего».

Таковы речи диавольские; но противно ему слово Христово: «Ты погиб, но можешь спастись; ты был блудником, но можешь уцеломудриться». На вопрос Петров, сколько раз отпускать грех кающемуся брату, Христос говорит: семьдесят седмерицею (Мф. 18, 22), означая сим, что прощение можно получать всегда до неопределенного числа раз. Человек, в чем застигнут будет при конце, – в добром ли, худом ли, в том и судится. Приведи себе на память, брат, как спасались грешники, и не отчаивайся. Представь в уме блаженного Манассию, блудницу, мытаря, разбойника, блудного сына, – и избегнешь вражией прелести. Когда диавол скажет тебе: «Удовлетвори пожеланиям своим»; ты скажи ему: «Есть ли какая польза от нечистых удовольствий, напротив того, не огонь ли вечный доставят они мне?» А когда станет представлять тебе Божие человеколюбие, скажи ему: «Сам знаю, что Бог милостив и человеколюбив; но знаю также, что Он и праведный Судия; известно мне, что тебя и отверженных с тобою не пощадил Он, но осудил на вечный огонь». И если скажет тебе: «Я бесплотен и не обложен немощию, потому Бог не пощадил меня, тебя же пощадит»; то отвечай ему: «Почему же не пощадил прародителя Адама, Еву, Каина, живших во время потопа, и содомлян, и даже ученика Своего? А если не пощадил собственного Своего ученика, то почему пощадит меня? Иди от меня дальше, беглец, оставивший Небо!» Сказав сие, запечатлей себя крестным знамением, и враг бежит от тебя.

Не будем, братия мои, слушаться врага, который подает худые советы на погибель нашу; но будем верить, что есть суд и воздаяние за каждое дело, слово, помышление, движение, представление. Зная все сие, приведем себя в безопасность, чтобы в день страшного суда противники не могли сказать о нас ничего худого; и мы обрели себе покой с боящимися Господа. С ними вместе будем делать доброе, потому что вера без дел мертва есть (Иак. 2, 10), как мертвы и дела без веры. Ибо живущему в роскоши невозможно войти в Царство Божие, по точному Евангельскому слову. «Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством и заботами житейскими» (Лк. 21, 34). Итак, каждый час надобно быть нам в готов-

ности, чтобы позванным внезапно не оказаться неготовыми. И тогда опечалятся за нас посланные нам святые Ангелы, а лукавые бесы воссмеются. Смотрите, чтобы не оказаться нам по имени только христианами, а по нравам язычниками. Христианство есть подражание Христу по мере сил. Если понадеемся на Святое Крещение и вознерадим о прочих заповедях, то мы – неверные. Христос не мало не воспользует нам, пребывающим в пороке и грехе. Ибо слышали мы, что говорит Он в Евангелии: «Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Мф. 7, 21). Смотрите, как благоугодили Богу святые; не сну предаваясь и не возлежа, но «были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления,… скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли» (Евр. 11, 37 и 38).

Посему и мы, возлюбленные и христолюбивые, будем подвизаться, каждый по мере сил, чтобы не оказаться вовсе бесплодными, ибо тогда постигнет нас вечное мучение. Как в нашей воле грешить, поскольку Бог допускает это нашей свободе, так в вашей же воле делать правду, поскольку Бог содействует в этом нашему намерению. Посему возлюбим путь узкий и тесный, потому что идя им, будем царствовать со Христом. Будем же избегать хождения по широкому и пространному пути, который приводит нас к нескончаемому мучению, сверх же всего братия будем делать добро, сколько есть в нас к тому разумения; умертвим плотское мудрование, чтобы не оказаться врагами Божиими. Это сказал Павел, великий Христов апостол (Рим. 8, 7). Будем подавать милостыню. Подадим хлеб и восприимем небо, подадим овол и станем обитателями рая; подадим одежду и наследуем небесное царствие; подадим малое, чтоб восприять многое; дадим произволение и приобретем все; дадим усердие и восприимем силу. Будем плакать здесь, христолюбивые братия, чтоб угасить нескончаемый пламень; потому что живущие весело здесь будут осуждены там; плачущие же здесь будут ублажаемы там; алчущие здесь насытятся там; жаждущие здесь утолят жажду свою там. Будем трезвиться и бодрствовать, по мере сил своих, не будем унывать, ударяя в дверь и умоляя; и непременно отверзет ее Христос Бог наш. Ему подобает слава ныне, и всегда, и во веки веков. Аминь.

Ефрем Сирин, святой. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. Писания духовно-нравственные. – Сергиев Посад, 1907.

Проницательные замечания о тайных недугах души

У многих святых отцов, опытно прошедших все ступени духовной брани, находим очень важные, тонкие, проницательные замечания, раскрывающие разнообразные личины страстей, их прикрытые лукавством ходы и лазейки, без знания которых успех в духовной битве почти невозможен. Или мы должны иметь опытного руководителя, хорошо знающего все эти тонкости и хитросплетения вражеские; или сами, изучая писания святых отцов, должны иметь в виду все эти возможные уловки наших врагов – страстей и демонов, иначе не возможно не впасть в их сети. Так важно в духовной жизни следование святым отцам, постоянное, внимательное обучение этой науке из их аскетических опытов, описанных во многих душеполезных писаниях[101].

Как, черпая воду из источников, иногда неприметно зачерпываем и жабу, так часто, совершая дела добродетели, мы тайно выполняем сплетенные с ними страсти. Например, со страннолюбием сплетается объядение, с любовью – блуд, с рассуждением – коварство, с мудростью – хитрость, с кротостью – тонкое лукавство, медлительность и леность, прекословие, самочиние и непослушание; с молчанием сплетается кичливость учительства, с радостью – возношение, с надеждою – ослабление, с любовью – опять осуждение ближних, с безмолвием – уныние и леность, с чистотою – чувство огорчения, с смиренномудрием – дерзость. Ко всем же сим добродетелям прилипает тщеславие, как отрава[102]. Дух тщеславия радуется, когда видит умножение добродетелей, т. к. дверь тщеславию – умножение трудов. Скверное тщеславие научает нас принимать образ добродетели, которой нет в нас, убеждая, что это необходимо для пользы ближних, как сказано: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела» (Мф. 5, 16). Тщеславие делает гневных кроткими перед людьми. Оно удобно присоединяется к естественным дарованиям и через них нередко низвергает окаянных рабов своих. Гордость часто даже благодарит Бога и в этом благодарении находит себе пищу, так как она поначалу не явно отвергает Бога, но под видом такого благодарения оправдывает свое возношение. Многие из гордых, не зная самих себя, думают, что они достигли бесстрастия, и только при исходе из сего мира усматривают свое убожество. Иногда находящегося среди мира страсти не беспокоят, оттого что он уже вдоволь насытился ими, видя и слыша греховное; или же от того, что бесы намеренно отступают, оставляя духа гордости, который с успехом заменяет собою всех прочих. Но есть и ложное смирение, когда называют себя грешниками, даже может и думают о себе так, – но уничижение от других показывает иное, что внутри-то они о себе высокого мнения. Бесы часто преобразуются в ангела света и в образ святых и мучеников и представляют нам во сне, будто мы к ним приходим, а когда пробудимся, то приводят нас от впечатления сна в радость и возношение. Также от частого псалмопения и во время сна приходят на ум слова псалмов, но иногда и бесы представляют их нашему воображению, чтобы привести нас в гордость. Бесы – пророки во снах: будучи пронырливы, из обстоятельств они заключают о будущем и открывают нам это во сне, чтобы мы, когда виденное исполнится, удивились и думали о себе, что уже стали прозорливыми. Иногда же бес тщеславия внушает одному брату какие-либо помыслы, а другому открывает об этих помыслах и подстрекает объявить ему, что у него на сердце, и через это ублажает его как прозорливца. Иногда страсть тщеславия внушает выказать добродетель воздержания в пище, а страсть объядения понуждает разрешить – и между ними устраивается целая ссора из-за бедного человека.

Монаху, по отречении от мира, бесы часто приносят помыслы, ублажающие тех, кто в миру совершает подвиг сострадательности и милосердия, а его жизнь в монастыре представляют лишенной таких добродетелей и потому ничтожной: через такое ложное смирение влекут его в мир. Или же приходит лукавая мысль: не уходить из мира, но там, находясь среди искушений, но не поддаваясь им, – проводить честное житие, это, мол, подвиг, высший монаше-

ского, и достоин большей награды. Цель же врага – среди соблазнов скорее погубить человека. Когда монах на год или на несколько лет удалится от своих родных, знакомых и приобретет некоторое умиление, благоговение, воздержание, тогда начинают приходить к нему суетные помыслы – идти в свое отечество для назидания тех, кто видел раньше его соблазнительное поведение, чтобы теперь их своим примером учить и спасать, на самом же деле – чтобы он опять впал в те же страсти; такова затея диавола. Также и во сне демоны часто показывают ему его страдающих родных или находящимися в болезнях, чтобы монаха тянуло в мир, чтобы лишить его внимательной жизни. А у иных монашествующих, когда они бывают в городах, и среди молвы возбуждаются слезы умиления, – и это дают им бесы, чтобы они думали, что и там они могут прекрасно молиться и не получать вреда, и чтобы без страха сближались с миром. На безмолвника бесы блуда нападают с особой силой, внушая ему, что он никакой пользы от своей пустыни не получает; но от находящегося в миру монаха они часто отходят, чтобы, видя себя свободным от брани, он предпочел оставаться с мирскими. Послушникам диавол внушает желание безмолвия, крайнего поста, неразвлекаемой молитвы, совершенного нетщеславия, незабвенного памятования смерти, всегдашнего умиления, превосходной чистоты и влекут его перескочить через предлежащие степени, чтобы они искали совершенств прежде времени и через это не получили их в свое время. А пред безмолвствующими обольститель сей ублажает страннолюбие послушников, их служения, братолюбие, служение больным и т. д., чтобы этим и тех сделать нетерпеливыми. Когда кто, живя в общежитии, впадет в искушение, бесы немедленно начинают советовать ему в помыслах идти на безмолвие. Находящихся в повиновении они иногда оскверняют телесными нечистотами, делают их окамененными сердцем и тревожными, наводят сухость и бесплодие, леность к молитве, сонливость, омрачение, чтобы внушить им, будто они никакой пользы не получают от своего повиновения, а наоборот – идут вспять, чтобы этим отторгнуть их от подвига послушания. А тем, которые благодаря своему послушанию исполнились сердечного умиления, стали кроткими, воздержными, усердными, свободными от браней и страстей, ревностными, которые сделались такими чрез покров своего отца, бесы вкладывают мысль, что они уже сильны к безмолвию и могут через него достичь совершенства и бесстрастия. Таким образом, из пристани уводят их в бурное море и погружают на дно. Бесы часто возбраняют нам делать легчайшее и полезное, а между тем побуждают предпринять труднейшее, но познавший себя никогда не бывает поруган, чтобы предпринять дело выше своей силы.

Многообразно и неудобопостижимо лукавство нечистых духов, и не многими видимо, да и теми не вполне, например: отчего бывает, что мы иногда, и наслаждаясь, и насыщаясь, бдим трезвенно, а находясь в посте и злостradании, сильно отягощаемся сном? Отчего в безмолвии чувствуем сердечную сухость, а пребывая с другими – исполняемся умиления? Отчего, будучи голодны, претерпеваем искушения во сне, а насыщаясь, бываем свободны от таких искушений? Отчего в скудости и воздержании бываем мрачны и без умиления; когда же, напротив, пьем вино, тогда бываем радостны и легко приходим в умиление?..

Во время молитв лукавый дух напоминает о нужных делах и всячески старается отвлечь от собеседования с Господом под любым благовидным предлогом: производит дрожание, боль в голове, жар, боль в животе. Как только кончается время молитвы – все это исчезает. Находящегося в блудном искушении волк сей обманывает, производя в душе его бессловесную радость, слезы и утешение, и тот думает, что это благодать, а не тщета и прелесть. При псалмопении иногда происходит сладость не от словес Духа, а от беса блуда. Некоторые от души молятся о своих возлюбленных, будучи движимы духом блуда, а думают, что исполняют долг памяти и закон любви. Склонные к сладострастию часто бывают сострадательны и милостивы, скоры на слезы и ласковы; но пекущиеся о чистоте не бывают таковы.

Иногда бесы отступают от души, чтобы ввести ее в беспечность, и потом внезапно нападают на бедную душу, расхищают ее и до такой степени приучают к порокам, что она после того

уже сама себе наветует и противоборствует. Часто диавол все усилие и старание направляет на то, чтобы монашествующие были боримы противоестественными страстями. Поэтому некоторые из них, бывая в обществе с женским полом и не боримые при этом похотными помыслами, ублажают себя, не разумея того, что где есть большая пагуба, там в меньшей нет нужды. Еще бес плотского сладострастия весьма часто вовсе скрывает себя, наводит на инока крайнее благоговение, производит источники слез, когда он сидит среди женщин или беседует с ними, подстрекает его учить их памятованию о смерти, о последнем суде, хранению целомудрия, чтобы привлечь их к нему как к пастырю, но затем, от близкого знакомства получивши дерзновение и воспламенившись внезапно страстью, он, наконец, подвергается жестокому нападению. Иногда, сидя с женщинами за столом или находясь в их обществе, монах не имеет никакого худого помышления, но когда он после этого, уверенный в себе, мечтающий, что уже имеет «мир и утверждение», приходит в свою келью, то неожиданно падает в грех, уловленный диаволом.

Бывает, что когда мы насытимся, бесы в нас возбуждают умиление, а когда постимся – ожесточают нас, горько насмехаясь над нами, чтобы мы, прельстившись ложными слезами, предались наслаждению. Бесы под видом того, чтобы мы скрывали добродетель поста, понуждают без меры есть и пить, когда к нам приходят другие. Когда бесы видят, что мы, услышав смехотворную речь, хотим скорее отойти от вредного рассказчика, тогда влагают в нас ложносмиренные мысли: «не опечаливай его», – внушают они, или: «не выставляй себя более боголюбивым, чем прочие», и т. д. Но не нужно им верить, а скорее отскочить прочь. До падения нашего бесы представляют нам Бога человеколюбивым, а после падения – жестоким. Иногда во время нашего гнева лукавые бесы скоро отходят от нас, чтобы мы вознерадели об этой вредной страсти; как некоторые говорят: «Я хоть и вспыльчивый, но скоро отхожу», – и, таким образом, болезнь эта может сделаться неисцельной. Также многим из гневливых диавол дает силу усердно упражняться во бдении, посте и безмолвии и под видом покаяния и плача предлагает им вещества, питающие их страсть. Сребролюбие часто начинается под видом подаяния милостыни нищим, а оканчивается ненавистью к ним и т. д.

Между нечистыми духами есть и такие, которые в начале нашей духовной жизни толкуют нам Божественные Писания. Они обыкновенно делают это в сердцах тщеславных и еще более – в обученных внешним наукам, чтобы, обольщая их, мало-помалу ввергнуть, наконец, их в ереси и хулы. Мы можем узнавать сие бесовское богословие, или – лучше сказать – богоборство, по смущению, по нестройной и нечистой радости, бывающей в душе во время сих толкований…

Такие и многие подобные разоблачения демонских козней часто узнаем из писаний свв. отцов Церкви. Вот почему так важно изучение и знание святоотеческой аскетической науки, конечно же – для самого прямого практического пользования ею в нашей жизни. Значит, как глубоко заблуждаются те, кто считает, что изучение отцов, жизнь по их руководствам уже не подходит для нашего времени. Но мы без этого знания более жалки, чем слепой, оказавшийся в густом лесу без проводника. Другое дело, что правильно применить это учение не так просто. Опять же необходима большая осторожность и рассудительность. Святые отцы в своих советах и наставлениях часто как будто противоречат друг другу, говорят и советуют разное, даже противоположное, но это не так. Точно определить и указать путь каждому человеку общими советами невозможно: путь духовной жизни каждого очень индивидуален; но святые отцы определяют нам одни направления, очерчивают границы безопасной местности, указывают пропасти и трясины. Иногда – громкими призывами то к одному направлению, то к иному – они как бы ограждают нам безопасный коридор, предохраняя нас как от одной крайности, так и от другой. Выбор же самого пути, также разных способов этого путешествия остается за каждым идущим – по его особенностям и способностям. Но без этого отцовского опыта мы непременно заплутаем! «Никто так не опасен для нас, как мы сами!»[103].

Лазарь (Абашидзе), архимандрит. О тайных недугах души. – М., 1995.

Глава 5
Свидетельства о явлениях демонов

Случаи явлений демонов человеку

Святые отцы говорят, что хотя Господь Бог и отверг от себя злых духов; но не отобрал от них могущества их, и потому они, кроме тайных козней, известных миру христианскому, являлись, являются и могут являться людям, и, являясь, делали, делают и могут делать людям разные нападения и озлобления. Они являлись и могут являться: в виде ангела светлого, в виде разных людей, в виде различных животных, в виде различных насекомых, в других видах.

Падшие духи являются, прикрываясь личиной лицемерства. Они отчаянные, постоянные, неисправимые злодеи, злодействуют наиболее, принимая вид святых ангелов, пророков, мучеников, апостолов, самого Христа. Они стараются сообразоваться с обстоятельствами, с образом мыслей человека, с его наклонностями, с впечатлениями им полученными. Некоторым подвижникам они представляют груды золота и серебра, также и прочие предметы роскоши и земного великолепия, с целью найти отголосок в душевной страсти корыстолюбия и любоимения, если она таится в душе; другим подвижникам с подобной же целью представляют трапезы с обильными яствами и питиями; иным обширные залы, оглушаемой музыкой, с толпами играющих и танцующих; иным являются в виде женщин, возбуждающих вожделение и собственной красотой и искусственными украшениями. Когда падшие ангелы захотят низложить кого-либо страхом: тогда являются в виде зверей, в виде палачей, в виде тюремной и градской стражи, в виде воинов со сверкающим оружием, с пылающими факелами, – преимущественно же в виде лиц, которые когда-либо возбуждали в подвижниках страх. Иных они старались обольстить пением, будто бы ангельским, – гармонической музыкой, будто бы небесной. Иных покушались ввести в заблуждение гласами и прорицаниями, будто бы божественными. Иным они являлись в виде отсутствующих родственников знакомых, иным являлись в каком-либо виде, свойственном человекам, уговаривая видящих, чтобы они не сомневались в них, не подумали, что они отверженные духи, стараясь уверить, что они человеческие души, которых участь еще не решена, и которые по этой причине блуждают по земле не обретши еще себе пристанища. При этом они сочиняют какую-нибудь интересную сказку, способную возбудить любопытство в легкомысленных и привлечь их доверенность ко лжи, представить ее чистейшей и святой правдой. Последний способ обольщения особенно употребляется духами в наше время. Блуждающим душам доверяют и те, которые не верят существованию злых духов. Злым духам это то и надо: и убийцы тогда именно могут совершать и предпринимать все злодеяния, когда те, против которых направлена их злоба, даже и не верят их существованию[104].

В толковании на 41-й псалом святитель Иоанн Златоуст пишет: «Сколько демонов носится в этом воздухе? Сколько противных властей? Если б только позволил им Бог показать нам их страшный и отвратительный образ, то мы подверглись бы умопомешательству».

Видения духов злобы

Вот пример нападения врага на человека, пожелавшего исправления своей жизни.

«Но едва он вступил туда, как представилось ему адское страшилище, которое, скрежеща на него зубами, грозно вопияло: «Ты хочешь от меня вырваться и бросить меня? Поздно: ты мой!» Отвратительный вид и нестерпимый смрад чудовища так поразили бедного, что он упал без чувств. Через полчаса он опомнился и видит, что около него хлопочет много народа, старавшегося привести его в чувство, тут же вблизи и адское чудовище. Оно, дыша яростью и

невыносимым смрадом, неистовствовало и вопило: «Не уйдешь ты от меня! Видишь, что задумал! Кто тебе сказал что ты спасешься, когда весь мой – по твоим скверным делам?» От страха дворянин трепетал, как осиновый листок молился, крестился и давал Господу обет исправиться и пойти в монахи, если только избавится от чудовища; потом он впал в горячку и две недели пролежал без чувств. И во сне, и наяву чудовище не отступало от него, грозясь задушить, если он обратится ко Христу. Наконец больной попросил, чтоб его исповедали и приобщили Св. Тайн. Священник не замедлил. Едва только началось таинство приобщения, больной увидел, что чудовище, не вынося Божественной силы, как дым исчезло в глазах его»[105].

Здесь мы столкнулись с открытым воздействием духов злобы, в явном, видимом образе. Но чаще действует враг тоньше, употребляет методы совсем другие.

Видения в предсмертные минуты

Появление вообще различных галлюцинаций у людей в предсмертные их минуты есть феномен не особенно редкий и галлюцинации эти во многих случаях получают характер визионерства весьма определенного.

Как образец таких более определенных видений мы можем здесь привести описание одного подобного случая, взятое из хроники первых времен христианства. Описание это касается смерти язычника, некоего Хрисерия, о каковой смерти нам подробно повествует знаменитый апологет времен первохристианства Григорий Двоеслов. Григорий Двоеслов сообщает, что, «приближаясь к кончине, Хрисерий в тот самый час, когда долженствовал выйти из тела, открытыми глазами увидел мерзких и чернейших духов, стоящих перед ним… Он начал трепетать, бледнеть, потеть, ужасным воплем просить об отсрочке и чрезвычайным неистовым криком призывать сына своего Максима (который уже был христианином); называя его по имени, которого я сам (пишет Григорий Двоеслов), бывши монахом, видел монахом, говоря: «Максим! скорее! я не сделал тебе никакого зла; прими меня в веру твою!» Испуганный Максим прибежал тотчас; сошлось плачущее и трепещущее семейство. Они не могли видеть тех духов, от нападения которых Хрисерий мучился страшно, но догадывались о присутствии по смятению, бледности и трепету того, который был ими влеком. Устрашась безобразного вида их, он метался на постели туда и сюда, ложился на левый бок, не мог выносить вида их, оборачивался к стене – там были они. Когда же стесненный до чрезвычайности, он отчаялся уже в возможности послабления себе, начал громко кричать говоря: «Отсрочки! Хотя до утра! Отсрочки! Хотя до утра!» Но, когда он кричал, с этими самыми воплями был исторгнут от жилища своей плоти. О нем (Хрисерии) известно мне потому, – говорит в заключение Григорий Двоеслов, – что он, видел это не для себя, а для нас, чтобы видение было полезно нам, которых еще ожидает Божественное долготерпение. Собственно для него какая была польза в том, что он перед смертью видел мерзких духов и просил отсрочки, тогда как не получил этой отсрочки»[106].

Здесь будет кстати привести высказывания одного из действующих лиц романа Ф. М. Достоевского «Преступление и Наказание» Свидригайлова относительно привидений: «Я согласен, – говорил Свидригайлов, – что привидения являются только больным; но ведь это только доказывает, что привидения могут являться не иначе, как только больным, а не то, что их нет самих по себе. Привидения – это, так сказать, клочки и отрывки других миров, их начало. Здоровому человеку, разумеется, их незачем видеть, потому что здоровый человек есть наиболее земной человек… Ну, а чуть заболел, чуть нарушился нормальный земной порядок в организме, тотчас и начинает сказываться возможность другого мира и чем больше болен, тем и соприкосновений с другим миром больше, так что, когда умрет совсем человек, то прямо и перейдет в другой мир»[107].

О явлении злых духов и образе их явлений

Книги Ветхого и Нового Заветов и церковная история передают много опытов явления злых духов.

1. Известнейшее и самое зловредное для человека явление дьявола, – это то, когда он под видом змея явился к Еве и искусил ее. С тех пор образ змея самый употребительный чувственный образ дьявола. В Священном Писании дьявол часто называется древним змием, там говорится, что адский дракон будет сражаться с женою, под видом которой представляется Церковь, и что он будет поражен Архангелом Михаилом и свержется им с высоты небесной. Из книги Ветхого Завета известно, что в этом образе он был почитаем язычниками. В Вавилоне, например, воздавали божеское поклонение живому дракону, которого Даниил умертвил, дав ему проглотить состав из разных ядовитых веществ. У язычников был род гаданий посредством змей, который назывался у них офиомантиею.

Египтяне, греки и римляне почитали змей и смотрели на них, как на что-то божественное. Воздавали гадам божеское почитание.

Блаженный Августин замечает, что ни одно животное не употреблялось так часто при волхвованиях, как змея, как бы в наказание за то, что она соблазнила первого человека. Впрочем, более обыкновенный вид, в каком демон являлся людям и искушал их, – это образ человеческий: вероятно в таком виде явился он Иисусу в пустыне (Мф. 4) и искушал Его. Почти во всех тех явлениях дьявола, которые в таком бесчисленном множестве передаются нам житиями святых, он имел человеческий образ.

Для того, чтобы представить фактические доказательства действительности явлений дьявола и несколько примеров на то, в каком именно виде и зачем являлся он, представляем несколько фактов его явления, заимствованных из жизнеописаний святых.

2. Святой священномученик Киприан, который до своего обращения в христианство был волшебником и имел непосредственные сношения с демонами, сам рассказывает о себе следующее: «Поверьте мне, – говорит он, – я видел самого дьявола, свидание с ним я вымолил у него многими жертвоприношениями; встретившись с ним, я обнимал и лобызал его и наслаждался беседами его и почетнейших его служителей».

3. Незадолго до нашествия персов на греческую империю, во второй киликийской епархии, в городе Аданне с экономом соборной церкви этого города, Феофилом, случилось такое происшествие.

Феофил отличался и всем известен был безукоризненно-честным и в высшей степени деятельным выполнением своих обязанностей по должности и своими христианскими добродетелями. Он был глазом и десницею своего епископа. Он был отцом для сирот, питателем для вдов, щедрым подателем для нищих, заступником для обижаемых, помощником для беспомощных, и потому пользовался всеобщей любовью и уважением. И когда епископ Аданны умер, то все единодушно желали, чтобы епископом стал Феофил, и обратились с просьбой об этом к киликийскому первопрестольному архиерею. Архиерей разделил общее желание. Но Феофил, по чувству христианского смирения и по слишком высокому уважению к епископскому сану, решительно отказался от принятия на себя этого сана. Напрасны были все просьбы к нему об этом со стороны всего народа, клира и первопрестольного архиерея. Феофил остался при своем решении. Епископом назначили другого, а Феофил остался при прежней экономской должности. Несмотря на безукоризненно-честную жизнь Феофила, нашлись люди, которые, по внушению духа злобы и зависти, начали клеветать на Феофила пред епископом и обвинять его в самых непотребных вещах. Епископ, сам хорошо зная Феофила, как человека в высшей степени благочестивого и добродетельного, сначала долго не верил клевете и обвинениям. Но так как они не прекращались, а все более и более усиливались, то епископ мало-

помалу стал верить им и решился, наконец, удалить Феофила от экономской должности под тем предлогом, чтобы дать ему покой от продолжительных тяжелых трудов. Феофил беспрекословно повиновался. Теперь зависть и злоба демона приняли другое направление. Прежде он действовал чрез других людей, теперь он начал всеми силами действовать на душу самого Феофила. Демон стал возбуждать и развивать в нем такую мысль, что он подвержен епископом совершенно несправедливому унижению, что за его труды и добродетели ему заплатили оскорблением и пренебрежением. Мало-помалу эта мысль развилась в Феофиле до такой степени, что он, наконец, вообразил, что он всеми в высшей степени унижен, оскорблен, поруган, и в связи с этим скоро его душою овладело непреодолимое желание как можно более возвыситься среди людей. Он сильно возжелал теперь на первых порах, по крайней мере, получить свою прежнюю должность. Властолюбие до того овладело Феофилом, что он решился, наконец, для выполнения своих честолюбивых желаний, искать помощи у волшебства и бесовской силы. И вот, он отправляется к известнейшему в то время волхву и чародею, открывает ему свои желания и со слезами просит у него помощи, обещая должное вознаграждение. Волхв с радостью соглашается помочь несчастному и, обнадежив его; велит ему прийти к себе в следующую ночь. Феофил ушел обрадованный, и в следующую полночь опять является к чародею. Волхв ведет его на ипподром, т. е. на места конских ресталищ, и говорит ему: «Если ты увидишь какое-нибудь видение, или услышишь какой-нибудь голос, не пугайся и не совершай крестного знамения». Феофил соглашался на все, и тотчас пред их глазами возникло такое привидение: они увидели множество странных лиц, разодетых в разные светлые платья и со свечами в руках. Это был сонм демонов; они славословили своего князя-сатану, который с гордостью и надменностью восседал среди них. Волхв взял Феофила за руку, ввел его в сборище и предстал с ним пред князем демонов. Сатана спросил волхва: «Зачем ты привел к нам этого человека?» Волхв отвечал: «Я привел к тебе его, господин мой, потому что он очень сильно обижен своим епископом и просит твоей помощи». Сатана сказал на это: «Как я помогу человеку, который есть раб своего Бога? Если же он согласен сделаться моим рабом и поступить в число моих слуг, в таком случае я ему так помогу, что он получит власть большую той, какую он имел прежде, и даже той, какую имеет епископ». – «Слышишь, что говорит князь»? – сказал волхв Феофилу. «Слышу, – отвечал Феофил, – и сделаю все, что только прикажет он мне», – и с этими словами он повергся к ногам бесовского князя и начал лобызать его ноги. Тогда дьявол сказал, обращаясь к Феофилу: «Пусть этот человек отречется от Сына Марии и от Нее Самой, потому что я Их глубоко ненавижу. И пусть это отречение он напишет своею собственной рукой и отдаст эту рукопись мне, и тогда пусть требует от меня всего, чего ему угодно; я все исполню». «Я согласен сделать все, что бы ты ни повелел, – сказал Феофил, – лишь бы я получил то, чего желаю». Услышавши это, сатана простер свои бесовские руки и начал обнимать и лобызать Феофила, говоря при этом: «Радуйся, мой искренний и верный друг!» Потом Феофил произнес отречение от Христа и Его Пречистой Матери, написал это отречение на заранее приготовленной для этого волхвом бумаге, запечатал ее и отдал князю тьмы. И, дружески обнявшись и облобызавшись, новые друзья расстались. Сатана со своей свитой сделался невидим, а Феофил и волхв с радостью отправились домой.

На другой день после этого происшествия епископ, нужно полагать по внушению от Бога, а не от дьявола, раскаялся в том, что он отставил от экономской должности Феофила, призвал его к себе и снова возвел его на эту должность и при этом вручил ему власть во всех церковных делах вдвое большую той, какою он владел прежде. Епископ потом даже публично пред целым клиром и народом просил у Феофила прощение за сделанное ему им оскорбление. И весь почет и уважение от всех, какими пользовался Феофил прежде, не только опять возвратились к нему, но сделались еще несравненно больше прежнего. Честолюбие Феофила было удовлетворено; он был успокоен. Но недолго продолжалось это гибельное спокойствие. Милосердный Господь не дал погибнуть грешнику до конца. Скоро Он возбудил в его сердце рас-

каяние. Вскоре Феофил ясно сознал и глубоко почувствовал все несчастие своего положения. Раскаяние его было слишком глубоко и искренне; день и ночь проводил он в слезах о своем беспредельном оскорблении Господа и Пречистой Его Матери, о своем глубочайшем падении. И как ни велика была его виновность пред Богом, мысль о беспредельном милосердии Божием, Который не желает, чтобы кто погиб, но чтобы пришел к покаянию, внушала ему надежду на помилование и дерзновение обратиться к Премилосердному с молитвою о прощении и спасении. И вот, Феофил оставляет все свои занятия по службе и решается все свои силы и все время употребить на исходатайствование себе прощения у Господа. Для этой цели он проводит в одной церкви Божией Матери пред иконою Пресвятой Девы сорок дней и сорок ночей в постоянном глубоком сокрушении о своей греховности, в строжайшем посте и постоянной слезной молитве о своем помиловании. Наконец, по прошествии сорока дней, в полночь, когда Феофил по обыкновению молился, является к нему Божия Матерь и говорит ему: «Зачем же ты так бесстыдно обращаешься, взываешь и молишься ко Мне, чтобы Я помогла тебе? Ведь ты же отрекся от Сына Моего и от Меня! Как же я стану молиться за тебя к Сыну и Богу Моему, когда ты отдался дьяволу и дал ему в этом рукописание, – когда ты раб дьявола? И Я Сама не могу терпеть оскорблений Сыну Моему и Богу. Я могу простить тебя в том, в чем ты согрешил против Меня, – но озлоблений и оскорблений, которые вы делаете Сыну Моему, вторично распиная Его таким образом, я не могу видеть и слышать. От совершивших такие озлобления и оскорбления потребны многие подвиги и глубокое сердечное сокрушение, для того, чтобы они были помилованы Господом, поскольку Он хотя премилосерд, но вместе есть и Судия праведный, воздающий каждому по делам его». Феофил, ободренный явлением Богоматери, выразил пред Ней все свое глубочайшее сокрушение, все свое искреннейшее раскаяние, – и принес к Ней пламенную, слезную молитву о заступлении за него пред Господом и исходатайствовании ему помилования. Увидев искреннее и глубокое раскаяние Феофила, Матерь Божия повелела ему произнести православное исповедание веры. Феофил с искренним чувством исполнил это повеление. После этого Богородица обещала ему помолиться за него пред Господом, и скрылась. Феофил по-прежнему продолжал непрестанно сокрушаться и молиться. Чрез три дня опять является к нему Матерь Божия с радостным лицом и светлыми очами – и возвещает ему, что его раскаяние благоугодно Господу, что молитва его услышана, и что ему даруется Богом помилование под тем только условием, чтобы он впредь до конца своей жизни оставался верным Богу. Феофил высказал искреннейшее благодарение к Премилосердному Господу и к Его Пречистой Матери и искреннейшее желание и готовность во все дни живота своего быть преданным Господу, и молил Матерь Божию о том, чтобы ему было возвращено данное им демону рукописание.

Богородица сделалась невидима. Чрез три дня, в продолжение которых Феофил по-прежнему пребывал в посте и непрестанной молитве, когда он, наконец, слишком удрученный подвигом покаяния уснул, то в сонном видении увидел, что Матерь Божия несет к нему это рукописание. От радости он проснулся и, действительно, увидел, что рукописание это лежало на его груди. После этого Феофил частью от перенесенных им духовных трудов, частью от необыкновенной радости впал в какое-то полумертвое состояние. Придя в сознание, он принес достодолжное благодарение Богу и Премилосердной Заступнице рода христианского, и потом, для большего очищения себя, пожелал совершить публичную исповедь. Для этой цели он во время богослужения явился к архиерею, рассказал ему всю историю своего падения и спасения и просил его огласить эту историю во всеуслышание, для общего назидания. Просьба его была исполнена. Вся история была оглашена пред всем народом, и епископ потом произнес подобающую этому случаю речь. В продолжение всего этого Феофил лежал у ног епископа и плакал. Потом Феофил был приобщен Святых Тайн, и весь народ принес хвалу и благодарение Господу Богу. Остальное краткое время своей жизни Феофил провел в подвигах молитвы и воздержания.

Григорий (Дьяченко), священник. Духовный мир. – М., 2006.

Рассказы об искушении ко греху людей от дьявола

1. Был некто Валент, родом из Палестины, по духу гордый. Этот Валент долго жил в пустыне. Много изнурял он свою плоть и по жизни был великим подвижником, но потом, обольщенный духом самомнения и гордости, впал в крайнее высокомерие, так что сделался игралищем бесов. Однажды глубоким вечером, когда уже было темно, он плел корзины и уронил шило на пол. Долго он не находил его, как вдруг, по бесовскому наваждению, появился в келье зажженный светильник, с ним он нашел потерянное шило. Это дало пищу его надменности. В упоении гордости подвижник еще более возмечтал о себе, так что стал, наконец, презирать и сами Тайны Христовы. Диавол же, уверившись, что Валент совершенно предался его обману, принял на себя вид Спасителя и ночью пришел к нему, окруженный сонмом демонов в образе ангелов с зажженными светильниками. И вот появился огненный круг, и в средине его Валент увидел как бы Спасителя. Один из демонов, в образе ангела, подошел к нему и сказал: «Ты благоугодил Христу своими подвигами, и он пришел видеть тебя. Итак, ничего другого не делай, а только, встав вдали и увидев Его, стоящего среди всего сонма, поклонись ему, потом иди в свою келью». Валент вышел и, увидев множество духов со светильниками, поклонился диаволу. Обольщенный до того простер свое безумие, что, придя на другой день в церковь, сказал при всей братии: «Я не имею нужды в Приобщении Святых Тайн, сегодня я видел Христа». Тогда святые отцы, связав его цепями, в течение года вылечили его, истребив его гордость молитвами и суровой жизнью (Лавсаик).

2. Рассказывал о себе один из фиваидских старцев, что он – сын идольского жреца. Будучи ребенком, он сиживал в храме и видел своего отца, приносившего жертву идолам. Однажды, после того как отец вышел из храма, сын вошел тайно в храм и увидел там сатану. Тот сидел на троне, многочисленное воинство предстояло ему. И вот! Приходит один из его князей, поклоняется ему. Сатана спрашивает его: «Откуда ты?» Князь отвечает: «Я был в такой-то стране, возбудил там войну и большое смятение, произвел кровопролитие и пришел возвестить об этом тебе». Сатана спросил: «За какое время ты это сделал?» – «За тридцать дней». Сатана велел бить его бичами, сказав: «Только-то и всего, что ты сделал за такое продолжительное время!» Тут другой пришел и поклонился ему. Сатана спросил: «Откуда ты?» Демон отвечал: «Я был в море, воздвиг бурю, потопил корабли, умертвил множество людей и пришел возвестить тебе об этом». Сатана спросил: «За какое время ты это сделал?» Он отвечал: «В двадцать дней». Сатана повелел и этого бить бичами, сказав: «Почему ты за столько дней сделал так мало?» И третий пришел и поклонился ему. И этого он спросил: «Ты откуда?» Демон отвечал: «Я был в таком-то городе. Там праздновалась свадьба, я возбудил ссору и произвел большое кровопролитие, убил самого жениха и пришел возвестить тебе об этом». Сатана спросил: «За сколько дней ты это сделал?» Демон отвечал: «За десять». Сатана повелел и этого, как действовавшего неревностно, бить бичами. И еще один демон пришел поклониться ему. Сатана спросил: «Откуда?» Демон отвечал: «Из пустыни. Исполнилось сорок лет, как я борюсь там с одним из монахов и едва одержал над ним победу: вверг его этой ночью в любодеяние». Сатана, услышав это, встал с трона, начал целовать демона, снял царский венец, который был на его голове, возложил на голову демона и посадил его возле себя на престоле: «Ты совершил великое и славное дело». Увидав и услыхав это, сын жреца сказал сам себе: «Монашеский чин, должно быть, имеет великое значение». Он принял христианство и вступил в монашество. (Еп. Игнатий. Отечник. С. 479. № 82).

3. Однажды преподобный Нифонт видел, что дьявол подошел к человеку, который в поле занимался работою, пошептал ему что-то на ухо, чего рабочий совсем не заметил, и отошел прочь; потом подошел к другому, невдалеке работающему, человеку и этому что-то сказал на ухо; оба эти работника, оставив свою работу, сошлись вместе и разговорились; прежде гово-

рили спокойно и ласково, потом забранились, а наконец, жестоко поссорились (Четьи-Минеи, 23 декабря).

4. Св. Никита, епископ Новгородский, был родом киевлянин и с юных лет вступил в печерскую обитель. Стремясь к высшим подвигам, он вскоре решился сделаться затворником, несмотря на все внушения настоятеля о преждевременности такого многотрудного дела для молодого инока. И действительно, он подвергся в затворе горькому искушению. По внушению от дьявола, явившегося ему в образе ангела света, Никита совершенно перестал молиться Богу, весь предался чтению книг ветхозаветных, начал принимать к себе приходящих, давать им советы, изрекать предсказания, и чрез то приобретать себе суетную славу. Никто не в состоянии был состязаться с ним в знании книг Ветхого Завета, а Евангелия и прочих книг новозаветных он не только не читал, но никогда не хотел ни видеть, ни слышать. Совокупные молитвы отцов печерских, среди которых были игумен Никон, Матвей прозорливец, Исаакий святой, Григорий чудотворец, Пимен постник и летописец Нестор, освободили несчастного инока от обаяний искусителя. И Никита, покинув затвор и внезапно лишившись всех знаний, которыми тщеславился, начал снова учиться в обители и грамоте, и иноческой жизни. На этот раз он пошел путем истинного смирения, воздержания и послушания, и мало-помалу достиг того, что превзошел всех своей добродетелью. За высокую добродетель подвижник возведен был в сан епископа Новгородского (в 1096 г.), и в течение 11 лет не переставал служить образцом благочестия для своей паствы. Господь удостоил Своего угодника еще при жизни дара чудотворений: двукратно он спасал Новгород от бедствий, – однажды своею молитвою свел дождь с небес во время продолжительной засухи: в другой раз молитвою же остановил страшный пожар, истреблявший город.

5. Однажды бес, придя ночью в келью препод. Макария Александрийского (ум. в 394 или 395 г.), сказал ему: «Встань, авва Макарий, и пойдем в церковь к богослужению». Макарий же, будучи исполнен благодати Божией, уразумел искушение дьявола и отвечал ему: «О, лжец и ненавистник добра! Какое может быть с твоей стороны участие в богослужении и что может быть у тебя общего с собором святых?» Дьявол сказал: «Разве ты не знаешь, Макарий, что без нас не бывает ни одной службы церковной и ни одного монашеского собрания; иди же и увидишь дела наши». Старец отвечал: «Да запретит тебе Господь, бес нечистый». И, обратившись к молитве, просил Господа, дабы явил ему, правда ли то, что, хвалясь, говорил дьявол. Когда наступило время полуночного богослужения, он пошел в церковь, прося в себе Бога, дабы открыл и показал ему, правда ли говоренное дьяволом. И вот, видит по всей церкви как бы неких малых отроков в образе эфиопов, быстро обходящих церковь и летающих. В монастыре том был обычай: один брат читал псалмы, а прочие сидели и слушали, – и вот, рядом с каждым сидели те эфиопы и посмеивались над ними. Кому пальцами своими дотрагивались до глаз, тот сейчас начинал дремать, а кому клали палец на уста, тот тотчас пробуждался; пред иными ходили в женском подобии, а пред другими делали иное. И что представляли пред кем, тот о том и размышлял в себе. Но от некоторых, как только начинали делать что-либо подобное, тотчас некоей силой были прогоняемы и удаляемы, и более не могли ни стоять, пред ними, ни даже пройти мимо. А у некоторых немощных братьев, не внимающих молитв, насмехаясь, сидели на шее и на плечах. Преподобный Макарий, увидев это, вздохнул из глубины сердца и сказал: «Воззри, Господи, и не смолчи, воскресни, Боже, дабы разошлись враги Твои и убежали от лица Твоего, ибо душа наша полна поругания». По окончании службы, преп. Макарий, призывая по одиночке каждого брата, спрашивал, о чем тот думал во время богослужения, и каждый открывал свои помышления. Оказалось, что каждый думал о том, что, насмехаясь, представлял пред ним бес. (Четьи-Минеи, 19 января).

6. Один юный инок, подвизавшийся в монастыре, желал жить в отшельничестве и выпросил у настоятеля уйти в отдаленное место пустыни для безысходного жительства. Бог благословил намерение инока и явил ему особое знамение, указавшее ему самое место такого житель-

ства: когда на пути будущий отшельник, изнемогши, заснул вместе с сопровождающими его монахами, прилетел орел и, ударяя крыльями, разбудил их; потом орел отлетел от них и сел в виду их на земле. Сопровождающие монахи сказали молодому иноку: «Вот Ангел твой, вставай и последуй за ним». Он встал, простился с братиями, последовал за орлом и прошел до того места, на котором сидел орел. Тогда орел поднялся, пролетел дальше и опять сел, и инок последовал за ним; и снова орел поднялся и отлетел недалеко, а брат шел за ним. Это продолжалось в течение трех часов. Наконец, орел свернул направо в сторону и уже более не показывался. Инок последовал за ним и увидел три пальмовых дерева, источник воды и малую пещеру. Он сказал сам себе: «Вот место, которое приготовил мне Господь». И начал молодой инок безмолвствовать здесь, употребляя в пищу финики, а в питие воду из источника; прожил он тут шесть лет отшельником, никого не видя. Но вот, приходит, к нему дьявол в образе мирского молодого человека и начал рассматривать его с головы до ног. Брат спросил его: «Что ты так смотришь на меня?» Тот сказал: «Разве ты не узнаешь меня? я сосед отца твоего». И назвал имя отца и матери и сестры отшельника. Потом сказал: «Мать и сестра твои умерли уже более трех лет тому назад, – а отец умер только недавно, сделав тебя наследником своим; перед смертью отец просил всех отыскать тебя, чтобы ты пришел домой, принял имущество и роздал его нищим за душу свою и отца; многие отправились отыскивать тебя, но не нашли, а я, придя по делам своим, узнал тебя; не медли, пойди и исполни волю отца твоего». Отшельник отвечал: «Мне не следует возвращаться в мир. Но дьявол разными обольстительными внушениями склонил отшельника оставить келью, проводил до города, где жил отец, и тут оставил его. Инок входит в родительский дом с уверенностью, что отца уже нет в живых, и вот, сам отец выходит ему навстречу, жив и здоров. Сначала отец не мог узнать своего сына, а сын постыдился объяснить истинную причину, почему он оставил келью, а сказал, что этому причиною была его сыновняя любовь и привязанность к отцу… Так и остался он в мире, окончательно изменив своим иноческим обетам. (Из «Отечника»).

Рассказы о победе христиан над искушением от дьявола

1. Один из святых подвижников рассказывает: «Между отшельниками был один почтенный старец. Скорбя от искушений демонских, я однажды пришел к нему за советом. Он был болен и лежал; я после приветствия сел подле и сказал ему: «Помолись за меня, отче; меня весьма мучат демонские искушения». Он, открыв глаза свои, посмотрел на меня пристально и сказал: «Сын мой, ты молод; Бог не пошлет на тебя искушений». Я сказал ему: «Так, я молод, но несу такие искушения, какие несут возмужалые». Он сказал на это: «Так Бог хочет умудрить тебя». Я сказал: «Как Он умудрит меня? Я каждый день вкушаю смерть». Он сказал: «Молчи, Бог любит тебя, Он дает тебе благодать Свою». Потом прибавил: «Знай, сын мой, что я тридцать лет боролся с демонами, и в течение двадцати лет совершенно был без помощи; но, когда после того миновало пять лет, начал я обретать покой; с течением времени он увеличивался; по прошествии семи и с наступлением восьмого года, еще более увеличился. Когда же проходил тридцатый и уже приблизился к концу, покой усилился так, что я не знаю и меры ему. И присовокупил: «Когда я желаю встать на службу, то могу только славословить. Впрочем, если и три дня стою, то бываю в таком восторге с Богом, что ни мало не чувствую усталости»[108].

2. «Вот что со мною было однажды, – говорит св. преп. Феодосий Печерский, – я стоял в келье на молитве и пел обычные псалмы. Вдруг предо мною стал черный пес, так что не мог я поклониться. Так как он долго стоял предо мною и мешал мне, то я хотел ударить его, и он стал невидим. Тогда объял меня страх и трепет, так что я хотел бежать с того места. Но Господь помог мне; опомнившись от ужаса, я начал прилежно молиться Богу, делать частые земные поклоны и преклонять колена. Тогда страх оставил меня, и с того времени я уже не боялся того, что являлось пред глазами моими»[109].

3. Однажды в образе не только ангела света, но даже в образе Самого Иисуса Христа, явился дьявол преподобному Пахомию Великому и сказал: «Радуйся, старец, столько мне угодивший! Я – Христос и пришел к тебе, как к другу Своему». Изумился преп. Пахомий и, не робко смотря на привидение, начал рассуждать: «Христово пришествие к человеку сопровождается радостью; сердце не чувствует никакого страха, все помышления тотчас исчезают; ум делается очами серафимскими и весь вперяется в зрение славы Господней; душа забывает время; человек делается тогда бесплотным, а я теперь смущаюсь, боюсь… Нет, это не Христос!» Потом, оградивши себя крестным знамением, с дерзновением сказал: «Отойди от меня, дух злобы! Будь проклято лукавство всех твоих начинаний». Мгновенно призрак исчез, а храмина исполнилась смрада, по воздуху шумел ветер.

Григорий (Дьяченко), священник. Духовный мир. – М., 2006.

Атаки темной силы на христианских подвижников

В романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» в разговоре Ивана Карамазова с джентельменом-приживальщиком обращает на себя внимание следующее место этого разговора: «Цель моя благородна, – говорит, между прочим, Карамазову его докучливый гость, – я в тебя только крохотное семячко веры брошу, а из него выростет дуб, да еще такой дуб, что ты, сидя на дубе-то, в «отцы пустынники и в жены непорочные пожелаешь вступить»… Когда же на эту реплику Карамазов спрашивает гостя, искушал ли он когда-нибудь вот эдаких-то, вот, что акриды-то едят, да по семнадцати лет в голой пустыне молятся, гость отвечает, что он только это и делает. «Весь мир и миры забудешь, – говорит он, – а к одному эдакому прилепишься, потому что бриллиант-то уж очень драгоценен; одна, ведь, такая душа стоит иной раз целого созвездия. У нас, ведь, своя арифметика. – Победа-то драгоценна!»

Разговор этот, взятый у Достоевского, очень характерен. Он определяет отношение темной силы к христианским подвижникам. Здесь Достоевский своим гением постигает самую психологию этой силы.

По поводу этих слов паразита-приживальщика, написанных Достоевским, мы должны сказать, что, если есть возможность человеку понять демона или злого духа, то путь для этого один, и это есть тот путь, которым только и обладает человек для постижения какой бы то ни было психической субстанции. Это – путь аналогии с другими психическими субстанциями и с самим собою. Для данного же случая, это есть путь аналогии с людьми, являющими собою, как говорит Шопенгауэр, «диаволов в человеческом образе».

Но вот в своей борьбе с диаволом были подвижники и подвижники: были такие гиганты в подвиге, как Антоний и Макарий Великий, как Сергий Радонежский и Серафим Саровский, с которыми темная сила, посягавшая на них открыто, ничего сделать не могла. С другой стороны были иноки, близкие к падению и даже такие, которые падали под воздействием этой силы.

Относительно первого типа подвижников св. Симеон Новый Богослов, идеализируя их мощную силу, говорит так: «Миродержитель, господствующий над миром злобою своею, властитель земного, начальник тьмы, лукавый диавол, царствующий над всеми водами морскими и играющий миром, как иной играет малою птичкою, держимою в руках, не посмеет и со всем воинством своим и со всею силою своею приблизиться к такому человеку и прикоснуться даже к пяте ноги его, а не только смело взглянуть на него. Ибо блистание вина и лучи солнца сильно сияют на лице того, кто пьет его, проходят во внутренности его и передаются рукам, ногам и всем членам его, и делают его всего огнем сильным во всех частях его, чтобы опалить врагов, приближающихся к нему. И бывает он любимцем Света, другом Солнца и возлюбленным ему сыном в силу чистого и светлого вина того, изливающегося в него подобно лучам солнца и света»[110]…

Конечно, погасить такие светильники христианства, какими, например, для народа русского являлись Серафим Саровский и Сергий Радонежский, это было бы для темной силы успехом чрезвычайным в смысле причинения человечеству зла. Ведь, те положительные качества, которыми еще держится русский народ, были всеяны этими великими святыми и подобными им. И надо отдать справедливость Ф. М. Достоевскому, что он глубоко понимал психологию темной силы, влагая ей такия речи, как речь «паразита-приживальщика», которую мы привели выше.

О неудачных попытках диавола к воздействию на подобных подвижников мы и будем сейчас говорить, перейдя потом к случаю, когда темной силе удалось нанести губительный удар – более слабому подвижнику.

Из числа воздействий этой силы на подвижников – наиболее интересными по своей внутренней психологии представляются те атаки темной силы, которые она предпринимала против

подвижника на почве духовной его гордости, а именно, когда подвижник воображал, что он близок к совершенству, когда он забывал то основное правило подвижнической жизни, что если в человеке не будет крайнего смирения, смирения всем сердцем, всею душою и телом, то он Царствия Божия не наследует[111], ибо только глубокое смирение может искоренить в человеке его самоуслаждение сознанием, что он праведник, может спасти его от навязчивых ассоциаций горделивой человеческой мысли – ассоциаций, убивающих святость души. Только смирение может уничтожить злую самость человека, к которой обыкновенно и «подстревает» темная сила.

Прежде, чем начать нашу беседу о случаях открытого соприкосновения подвижников со злою силою, скажем несколько слов об особом даре подвижников, именуемом прозорливостью или духовным зрением в отличие от другого психического зрения, которое называется ясновидением и которое по существу своему есть зрение чувственное, ибо астральная среда, на которую оно распространяется, признается также средою чувственно ощущаемой, хотя и гораздо более тонкою, чем физический мир.

Замечательно, что те подвижники, которые обладали высшею степенью смирения, как, например, св. Антоний Великий, обладали и даром прозорливости, даром интуиции угадывать зло, какую бы оно тонкую и благовидную форму на себя ни принимало. Смирение – это была та великая сила, которая и возводила человека на высшую ступень проникновенного познания. По словам подвижника св. Исаака Сирина только «смиренно-мудрый есть источник тайн нового века»[112].

И, вот, подвижники достигали того, что получали дар видеть духов не только чувственно, но и духовно, не столько через ясновидение, сколько через особую интуицию, которая называлась у них духовным зрением.

Эти роды зрения отличаются друг от друга. Раскрытие духовного зрения представляет совершенно иную способность, чем раскрытие какого либо чувственного восприятия из мира астрального. Если человек, ведущий аскетическую жизнь – будь то жизнь индусского йога или христианского инока, – начинает видеть астральные явления, то это совсем не связано с развитием его истинной духовности и святости. Точно также от своей способности к такому ясновидению человек не делается сам духовнее и выше; способность к ясновидению получали даже люди порочной жизни. Духовное видение, наоборот, не есть внешнее зрение; это есть особое проникновение, которым человек мгновенно постигает истину.

Когда человек достигает высшей духовности, то все перед ним делается открыто; делается открыто все и в низшем мире, в мире злой силы. «Истинного Христова подвижника вводит в видение Сам Бог, – говорит епископ Игнатий Брянчанинов. – Такое состояние доставляется Духом Святым. Подвижник ощущает чистым сердцем своим козни вражеские; видящий же духов только чувственно, легко может быть обманут ими в свое повреждение и погибель»[113]. «Чувственное видение без духовного, – говорит тот же епископ, – не доставляет должного понятия о духах, доставляет одно поверхностное понятие о них, может доставить понятия самые ошибочные».

Одним из могущественнейших святых, открыто боровшихся с темною силою, был подвижник первохристианства св. Антоний Великий, который обладал как ясновидением, так и духовным зрением. О случаях его столкновений с диаволом мы имеем определенные указания, которые были нам даны защитником веры, св. Афанасием Великим. Со св. Антонием Афанасий был лично дружен и относительно этого подвижника он является литературным первоисточником. Он составил подробное жизнеописание Антония; там он много говорит о сверхъестественной власти Антония над демонами, которых Антоний видел воочию, благодаря своему ясновидению, и постигал, благодаря своему духовному зрению. У таких подвижников, каким был Антоний, внутренняя невидимая борьба с демонами усиливаясь, переходила

в подвиг необыкновенный и чрезвычайный, переходила в борьбу открытую, которая сводилась на прямое единоборство с мистическим злом, на единоборство открытое, ничем не прикрашенное. Демоны являлись подвижнику наяву в самых устрашающих видах, которые Антония нисколько не пугали и он им даже наносил удары. «Так, однажды, – рассказывал Антоний, – явился с многочисленным сопровождением демон весьма высокий ростом и осмелился сказать: я – Божья сила, я – Промысл; чего хочешь, все дарую тебе. Тогда дунул я на него, произнеся имя Христово, занес руку ударить его и, как показалось, ударил, и при имени Христовом тотчас исчез великан этот со всеми его демонами»[114].

Нельзя не признать, что это краткое сказание Антония чрезвычайно величественно; оно характеризует титаническую силу Антония. И эта титаническая сила сказывается особенно ярко, если мы сопоставим с ней несчастные потуги Ивана Карамазова избавиться от докучливых приставаний темной силы, мучившей Карамазова в образе «джентельмена-приживальщика».

А, вот, другая мистическая картина, которая представилась однажды прозорливому Антонию, и которая выразила перед ним власть темной силы над людьми.

Эта мистическая картина так грандиозна и так оригинальна, что невозможно предположить, чтобы она могла быть выдумана воображением человеческим. Рассказал ее простец Антоний[115] своему другу Афанасию, как он эту картину пережил, а Афанасий этот рассказ записал.

Картина эта принадлежит к числу тех мистических первоисточников, которые потом воодушевляли поэтов, подобных Данте, в их творчестве, воодушевляли поэтов, подражавших при помощи своего воображения мистическому проникновению. Но то у поэтов было и есть плод воображения человеческого. Здесь же видение Антония есть озарение человека, постигающего истину. Это, как бы, блеск молнии, осветивший действительность.

Послушаем, что об этом пишет св. Афанасий. «Однажды, – читаем мы в житии св. Антония, – Антоний вел разговор с пришедшими к нему о состоянии души по смерти и о том, где будет её местопребывание. В следующую ночь зовет его некто свыше, говоря: встань, Антоний, выйди и посмотри.

Антоний выходит и, возведя взор, видит, что стоит кто-то высокий, безобразный и страшный, и касается главою облаков и что восходят еще некие, как бы окрыленные, и первый простирает к последним руки, и одним преграждает путь, другие же перелетают через него и, миновав его, безбедно возносятся вверх; на последних великан сей скрежещет зубами… Отверзся ум Антония и уразумел он, что это есть прохождение душ, – что стоящий великан есть враг, завидующий верным, и он подпавших власти его удерживает и возбраняет им идти далее; но не может задержать непокорившихся ему, потому что они проходят выше его…»[116]

Та великая эпоха первохристианства, к которой принадлежал св. Антоний, эпоха, когда христиане были гонимы язычеством и когда сияло незримым светом мученичество христианское, когда борьба со злом была обострена до высшей степени – эпоха эта была замечательна тем, что мистическая темная сила осознавалаеь христианами непрестанно. Борьба с демонами в первые века христианства была действительною с ними войной. Об этой борьбе и дает нам определенные указания св. Афанасий.

Вот, как Афанасий характеризует в этом отношении свое время: «Издавна демоны, – говорит он, – сеяли раздор и войны между людьми, чтобы они, занятые взаимной борьбой, не обратили своей ненависти против них. Теперь их (демонов) опасения сбылись; ученики Христа живут в мире между собою, но зато их вражда обратилась против диавола. Ныне христиане нравами и добродетельною жизнью ополчаются против демонов и преследуют их и смеются над вождем их, диаволом, потому что в юности они целомудренны, в искушениях воздержаны, в

трудах терпеливы, оскорбляемые переносят обиды, лишаемые пренебрегают этим и, что всего удивительнее, презирают смерть и делаются Христовыми мучениками»[117].

Наряду с этим св. Антоний внушал постоянно монахам, что боязнь демонов не прилична христианину. Бессилие демонов для Антония было в то время ясно уже из того, что демоны не могли воспрепятствовать возраставшему тогда распространению христианства, которое завоевывалось непрестанными подвигами и мученичеством во имя Иисуса Христа. Самые явления демонов с целью устрашить праведника служили Антонию неопровержимым доказательством их слабости.

Указывая на это обстоятельство, проф. И. В. Попов в своем исследовании об Афанасии не без основания замечает, «что действительная сила не кричит о себе».

Это и подтверждается тем, что мы видим теперь, когда нравственная жизнь человека находится в умалении и когда мистическая темная сила торжествует. Теперь, как мы в этом убеждаемся, эта сила действительно умеет себя скрывать и замалчивать.

Из других примеров прямого соприкосновения подвижника со злою силою в первые века христианства, весьма интересным представляется описание столкновения с этой силой св. Мартина Турского. Мартин, епископ Турский, жил во 2-й половине IV века.

Подвижническая жизнь св. Антония влияла на многих его современников. Сведения об его подвигах передавались из уст в уста. Это было время перелома язычества в христианство. У св. Антония было много последователей.

И, вот, сказания о подвигах Антония дошли до некоего Мартина, итальянца родом из города Тицино (ныне Павия). У него зародилось стремление к христианству и подвигу, хотя он и избрал себе сначала военное поприще. Он был офицером римских войск, стоявших в Галлии.

С годами стремление к христианству у Мартина усиливалось. Наконец он решил принять крещение и сделаться христианином. Он бросил военную службу и отправился на родину к отцу своему в Италию, чтобы и его обратить ко Христу.

Как видно из жизнеописания Мартина, из него потом и выработался выдающийся подвижник. В этом жизнеописании, как оно изложено в Четьи-Минеях, мы между прочим имеем два рассказа об особых случаях, когда Мартина явно атаковала темная сила. Об этих случаях мы и сообщим в настоящей книге.

Мы упомянули, что Мартин, оставив службу в Галлии, двинулся в дальний путь на родину, чтобы увидеть своего отца.

Путешествие это было тяжелое. На перевале через Альпы Мартин попал к разбойникам, но христианство спасло его. Мартин, воодушевленный учением Христа, повлиял Христовым именем и на разбойников. Одного из них он даже обратил в христианство; его отпустили. Наконец, миновав Альпы, Мартин вступил в пределы Италии. Мартин был в глубоком христианском настроении. Он верил в свою будущую миссию.

Но, здесь – в Италии у него произошла первая знаменательная встреча с темной силой. Выписываем эту встречу, как она изложена в Четьи-Минеях.

В хронике говорится, что «продолжая свой путь среди многих испытаний и трудностей, Мартин встретил крайне отвратительного и страшного по виду человека, который спросил его, куда он идет». «Я намереваюсь идти, – отвечал Мартин, – куда призывает меня Господь».

«Хорошо, – сказал незнакомец, – но помни, что куда бы ты ни пошел и что бы ты ни предпринимал, я всегда буду твоим противником»…

«Господь со мною, – отвечал Мартин, – я не боюсь того, что может человек сделать мне»…

После этих слов произошло нечто, поразившее Мартина: собеседник его внезапно исчез. «Тогда, – говорится в хронике, – Мартину ясно стало, что то был диавол, принявший образ человеческий»[118].

Прошло несколько лет. Мартин был уже настоятелем одного монастыря, который он сам основал. Слава о Мартине распространилась. Все считали Мартина за святого. Обольщение духовной гордостью начинало грозить ему… И, вот, темная сила опять атаковала Мартина.

Хроника говорит, что сатана попытался обмануть и прельстить святого принятием вида ангела светлого. Однажды он предстал Мартину во время молитвы, предшествуемый и окруженный пурпуровым светом, облаченный в царскую одежду, украшенный короной из жемчуга и золота, в сандалиях, покрытых золотом, с веселым и радостным видом. При виде этого необыкновенного явления, Мартин пришел в сильное смущение и оба они долго хранили молчание. Наконец дух сказал:

«Узнаешь ли, Мартин, кого ты ныне видишь. Я – Христос. Прежде, нежели снова явиться для своего второго пришествия, я восхотел открыться тебе».

Святой молчал. Он не дал ответа.

«Почему же сомневаешься веровать в видение? Я – Христос», – продолжал говорить демон.

Тогда Мартин, сказал:

«Господь мой – Иисус Христос не обещал, что он явится в пурпуре и блистательной короне»…

Диавол исчез, как дым[119].

Видение это характерно. Ковы злой силы разбились о смирение Мартина, не возомнившего до признания себя достойным такого посещения Христа. Обольстительные чары не увлекли Мартина, не затуманили его прозорливость. Подделка была обнаружена.

Но не всегда атаки горделивого духа кончались так у подвижников. Иногда подделки темной силы и удавались и тогда подвижники падали. Приведем другую, похожую на этот случай, атаку злой силы, атаку, кончившуюся печально, кончившуюся падением подвижника.

Перенесемся в другой мир, в другую христианскую среду и в другие времена подвижничества. Перед нами Киевские пещеры в эпоху XI века. Там спасается Исаакий-Печерский, один из горячих подвижников своего времени.

Исаакий жил одиноко в маленькой пещере; одевался в власяницу и козлиную кожу. Через день съедал просфору и это была вся его пища; такой образ жизни он вел семь лет. Можно лишь удивляться крепости его натуры, это переносившей.

Исаакий был редким подвижником по усердию к молитве; в ней он ощущал великую радость… При такой своей жизни, нетрудно было ему увлечься признанием себя за человека, приблизившегося к Богу.

И, вот, что произошло среди его молитвенных подвигов.

Однажды, повествуется в хронике[120], когда настал вечер, Исаакий начал по обыкновению класть поклоны и петь до полночи псалмы. Утрудившись, он погасил свечу и сел на своем месте. Вдруг, внезапно, засиял в пещере яркий свет… и пришли к нему, как говорится в хронике, два беса в образе прекрасных юношей; – лица их сияли, как солнце и они сказали ему: «Исаакий, мы ангелы, а вот идет к тебе Христос с прочими ангелами».

Встав, Исаакий увидал множество сияющих бесов… Один из них сиял ярче всех и от лица его исходили лучи, и сказали они святому.

«Исаакий, это – Христос, припади и поклонись ему»…

Видение это обольстило Исаакия… И вот тогда с Исаакием произошло совсем не то, что мы читали в жизнеописании св. Мартина. Исаакий поклонился ложному Христу и принял в себя не Христа, но злого духа. Восприятие это оказалось для него гибельным. Обольщенный Исаакий потерял равновесие души своей. С этой минуты темная сила охватила подвижника. Началась его душевная болезнь, от которой он потом долго не мог избавиться.

«Бесы тогда подняли громкий крик, – читаем мы в хронике, – и вопили: «Ты наш, Исаакий». И, посадив его, они стали сами садиться около него и видел Исаакий, что вся келья и

весь проход пещерный были полны бесов. И сказал один из бесов – мнимый Христос: возьмите дудки, тимпаны и гусли и ударяйте. Пусть Исаакий пляшет для нас».

И тотчас, – говорит хроника, – ударили в дудки, тимпаны и гусли и, взяв Исаакия, стали с ним скакать и плясать много часов, и, обессилив его, оставили едва живым»…

Продолжение этой истории с Исаакием оказалось плачевным. Исаакий после описанного видения был душевно больным в течение трех лет. Сам св. Феодосий Печерский молился над ним день и ночь. Наконец, разум к нему стал возвращаться и понемногу восстановился. Тогда Исаакий опять затворился в пещере. Но бесы ему уже не могли сделать вреда, говорится в хронике, ибо он знал их. В хронике повествуется, что они стремились его устрашить, являясь в образе диких зверей, иногда «как змеи, как жабы, мыши и всякие гады, но ничего не могли сделать ему и говорили: «Исаакий, ты победил нас!» И с тех пор не было ему досаждения от бесов, как сам он поведал».

Эти три аналогичных феномена заставляют нас придти к заключению, что тут не было случайных галлюцинаций, а что здесь было нечто планомерное, что здесь было воздействие особой силы, вовлекавшей святых в тождественный обман, и эта сила была во всех этих случаях одна и та же. Она имела одну цель – цель прельстить подвижника образом ложного божества; причем эта цель в одном случае была даже достигнута. Здесь во всех трех событиях мы видим известную общность действия этой силы. Между тем, явление всякой болезненной галлюцинации, как и явление всякой фантасмагории, исключает представление о какой-либо планомерности, или какой-либо разумной цели, стоящей за галлюцинацией. В таких галлюцинациях мы видим обыкновенно болезненное отражение какого-нибудь факта из жизни больного.

Поэтому мы и не сомневаемся в том, что описанные выше три случая из жизни святых представляют собой факты действительных видений подвижниками злой мистической силы, имевшей известную цель воздействия на них.

Теперь скажем несколько слов о другой стороне предмета.

При видениях темной силы образы ее, запечатлевающиеся в мозгу человека, получают у каждого свой особый стиль, ибо образы эти проходят через призму известной индивидуальности лица. Вообще надо сказать, что всякое подобное видение является результатом взаимодействия двух факторов: с одной стороны здесь реагирует на человека влияющая на него темная сила, с другой – образ самого видения зависит от того, какой человек это видит и как именно он это воздействие на себя злой силы воспринимает.

Применяя эти соображения к данным фактам, мы находим, что в описанных выше трех аналогичных событиях воздействия темной силы на человека подвижники реагировали на эти воздействия различно.

Так, злая сила, явившаяся в виде Христа, представилась бывшему римскому легионеру Мартину, облаченною в царские одежды того времени – «в сандалиях, покрытых золотом».

Ложный Христос, которого увидал русский подвижник XI века Исаакий, представился ему окруженным сонмом бесов, от которых он отличался своим более светозарным видом.

Наконец, демон, явившийся св. Антонию, назвавший себя Божией силой, явил собою особый образ; он, как сообщает св. Афанасий, отличался от окружавших его духов своим громадным ростом.

Но во всех этих случаях устремление мистической темной силы было одно – прельстить подвижника именем Божиим.

И результат видений оказался разный, в зависимости от индивидуальности каждого подвижника.

Мы видим, что такой великий прозорливец, как св. Антоний, мгновенно отгадал, кто к нему пришел, и Антоний посягнул даже на то, чтобы ударить демона.

Затем св. Мартин, менее прозорливый, чем св. Антоний, был сначала поражен видением, заколебался, но духовная интуиция его взяла свое. Он все-таки угадал, кто его искушает и не поддался соблазну.

Наконец, Исаакий оказался слабее всех; он поддался искушению. И, вот, последовал результат для него гибельный; он впал в душевную болезнь, в болезнь, называемую у подвижников «прелестью».

По тому примеру, который мы привели из жизни св. Исаакия Печерского, мы можем судить, какой опасности подвергались подвижники, обладавшие только даром ясновидения, но не обладавшие духовным зрением, мы видим, как в этом случае жестоко их могла обмануть темная сила.

Поэтому в поучениях святых отцов, касающихся вопроса об искушениях вражеских, мы ветречаем предупреждения молодым монахам не увлекаться различными видениями, могущими вовлечь их в «прелесть диавольскую».

«Берегись сетей вражеских, – говорит подвижник V века Нил Синайский, – ибо бывает, когда молишься часто и безмятежно, вдруг предстанет тебе какой-либо образ странный и чуждый. Это враги делают для того, чтобы ввести тебя в самомнение, внушив мысль, что тут Божество»[121].

Подвижник XI века Симеон Новый Богослов говорит: «Другие прельстились, приняв диавола, преобразившегося и явившегося им в виде Ангела света, а они того не распознали и остались неисправленными до конца, не хотят слушать совета ни от какого брата. Иные из таких сами себя лишили жизни, быв подвинуты на то диаволом, иные бросились в пропасть, иные удавились. И кто может пересказать, говорит Симеон, разные прелести, какими прельщает их диавол, когда они неисчислимы»[122].

Наконец, подвижник XIV века Григорий Синаит говорит следующее: «Когда, делая свое дело (т. е. во время молитвы), увидишь свет или огнь вне или внутри, или лик какой, не принимай того, чтобы не потерпеть вреда. И сам от себя не строй воображений, и, которые сами строятся – не внимай тем и уму не позволяй запечатлевать их в себе. Ибо все сие, со вне будучи впечатляемо и воображаемо, служит к прельщению души. Все приходящее в душу, говорят отцы, чувственное ли то, или духовное, коль скоро сомневается в нем сердце не приемля его, не от Бога есть, но послано от врага. Когда также увидишь ум свой во вне или в высоту влекомым от некоей невидимой силы, не верь сему и не попускай уму влекому быть, но тотчас понуди его на дело его (т. е. на молитву)… Что от Бога, то само собой приходит, говорит св. Исаак, тогда как ты и времени того не знаешь. Хотя и враг внутрь чресл покушается призрачно представлять духовное, но время, опыт и чувство обыкновенно обнаруживают его перед теми, которым не безызвестны его злые козни. Гортань брашна (питие) различает, говорит Писание, так и вкус духовный все ясно показывает, как оно есть, не подвергаясь прельщению»[123].

Этих выписок из трудов подвижников достаточно, чтобы судить, с какой осторожностью они относились к разного рода видениям, которые являлись к ним в их подвижнической жизни. В этих случаях – для указаний молодым инокам в их прохождении подвига и служило, так называемое, старчество.

Яркие примеры видений демонов имеются в жизнеописании св. Сергия Радонежского.

В свои молодые годы (ему было тогда 23 года) Сергий жил в глухом лесу, где им была построена убогая келья и маленькая церковь. Приехал к Сергию из другого монастыря игумен Митрофан, постриг Сергия в монашество, пробыл с ним некоторое время и затем оставил Сергия в этом лесу совершенно одного спасаться. Здесь в одиночестве и начались видения Сергия.

«Однажды ночью, – читаем мы в Четьи-Минеях, – когда подвижник молился в церкви, бесы, как бы целым воинством, грозно приблизились к нему и со страшной яростью кричали:

«Уйди с этого места, уйди, иначе ты погибнешь лютою смертью».

«Они грозили разорить до основания церковь и келью подвижника, а его самого убить»…

Другой раз, когда отшельник в келье читал ночью правило, вдруг из леса поднялся шум; бесы в множестве окружили келью Сергия и с угрозами кричали ему:

«Уйди же отсюда, зачем ты пришел в лесную глушь и чего ты ищешь? Не надейся более жить здесь, сам видишь – это место пусто и непроходимо и разве ты не боишься умереть с голоду, или погибнуть от руки разбойников?»[124].

Эти видения не устрашили Сергия и он твердо шел по своему подвижническому пути.

По прошествии некоторого времени, – говорит далее хроника, – бесы снова стали восставать на Сергия. Обращаясь в змей или зверей, они являлись к нему в келью или окружали в лесу, когда преподобный рубил дрова, и пытались отвлечь мысль его от молитвы. Тогда блаженный, – говорит хроника, – обращался с молитвою к Господу, просил избавить его от диавольского наваждения и бесы тотчас исчезали, как дым[125].

По мнению проф. В. Ф. Чижа, написавшего исследование «Психология наших праведников», сведения о таких видениях Сергия представляются весьма правдоподобными[126].

Теперь перейдем к видениям демонов ближайшего нам по времени подвижника св. Серафима Саровского.

Серафим Саровский, также как и Сергий, жил в одиночестве в глухом лесу и, вот, какие нападали на него, как говорится в Четьи-Минеях, «страхования». Злой дух стремился устрашить подвижника, то испуская за дверями, как будто, вой дикого зверя, то представляя, что как будто скопище народа ломит дверь его кельи, выбивает косяки, бросает в старца обрубок дерева и т. п. По временам и днем, но особенно ночью во время молитвы, Серафиму вдруг казалось, что келья его разваливается и со всех сторон врываются с яростным ревом страшные звери; иногда перед ним появлялись открытые гробы с восстающими из них мертвецами…

Однажды на вопрос одного мирянина Серафиму, видал-ли он злых духов, Серафим отвечал: «Они гнусны… Как на свет Ангела взглянуть грешному невозможно, так и бесов видеть ужасно, потому что они гнусны»[127]…

Из сведений, которые мы привели в настоящей главе, мы можем заключить, до чего видения злой силы у подвижников были разнообразны. Мы видим, как различно эта сила отпечатывалась в сознании подвижников, проходя через призму их ясновидения. Но что замечательно, – духовная интуиция подвижников почти всегда давала возможность им угадывать, с кем они имели дело.

Что же касается различных образов злой силы, то богатство в разнообразии её форм было поразительное. Богатство это совмещало в себе и единство силы и её множественность и красоту и отвратительное. Обобщить эти проявления злой силы в определенную охватывающую все феномены внешнюю схему диавола представляется невозможным.

С одной стороны – это гады и звери, с другой, это – такой грандиозный облик, как тот великан до облаков, которого видел св. Антоний. С одной стороны, – это существа «гнусные», по выражению Серафима, с другой – существа эти являются в образах величественных, подделанных под Христа, как, например, тот демон, который явился Мартину Турскому в царственной одежде, украшенной короною из жемчуга и золота…

Интересно, как св. Антоний пытается охарактеризовать те видения демонов, которые были у подвижников его эпохи (IV век нашей эры).

«Когда демоны, – говорит св. Антоний, – не возмогут обольстить сердце подвижника явно нечистыми пожеланиями, то опять нападают, но иным образом: устраивают разные привидения, чтобы устрашить его; для чего претворяются в разные виды и принимают на себя образы – жен, зверей, пресмыкающихся, великанов и множества воинов»[128]…

Как можно заключить из всего вышеизложенного, разнообразие проявлений темной силы в этих видениях необыкновенно богато.

Лодыженский М. В. Мистическая трилогия. Темная сила. – СПб., 1914.

О чувственном видении духов

При размножении человечества в его настоящем состоянии падения, тело приносит душе весьма сходное служение с тем служением, которое исполняют пелены для новорожденного тела. Обернутое пеленами тело младенца получает правильность, без пелен члены его, по мягкости своей, могли бы получить уродливые формы: так и душа, облеченная в тело, закрытая и отделенная им от мира духов, постепенно образует себя изучением закона Божия, или, что то же, изучением христианства, и стяжает способность различать добро от зла[129].

Тогда даруется ей духовное видение духов и, если то окажется сообразным с целями руководствующего ею Бога, – чувственное, так как обман и обольщение для нее уже гораздо менее опасны, а опытность и знание полезны. При разлучении души от тела видимой смертью мы снова вступаем в разряд и общество духов. Из этого видно, что для благополучного вступления в мир духов, необходимо благовременное образование себя законом Божиим, что именно для этого образования и предоставлено нам некоторое время, определяемое каждому человеку Богом для странствования по земле. Это странствование называется земной жизнью.

Человек делается способным видеть духов при некотором изменении чувств, которое совершается неприметным и необъяснимым для человека образом. Он только замечает в себе, что внезапно начал видеть то, чего доселе не видел и чего не видят другие, – слышать то, чего доселе не слышал. Для испытавших на себе такое изменение чувств, оно очень просто и естественно, хотя необъяснимо для себя и для других; для неиспытавших – оно странно и непонятно. Так всем известно, что люди способны погружаться в сон; но что за явление – сон, каким образом, незаметно для себя, мы переходим из состояния бодрости в состояние усыпления и самозабвения – это остается для нас тайной. Изменение чувств, при котором человек входит в чувственное общение с существами невидимого мира, называется в Священном Писании отверзением чувств. «И открыл Господь, – говорит Писание, – глаза Валааму, и увидел он Ангела Господня, стоящего на дороге с обнаженным мечом в руке»[130]. Окруженный врагами, пророк Елисей, чтобы успокоить устрашенного слугу своего, молился «и говорил: Господи! открой ему глаза, чтоб он увидел. И открыл Господь глаза слуге, и он увидел, и вот, вся гора наполнена конями и колесницами огненными кругом Елисея. Когда пошли к нему Сирияне, Елисей помолился Господу и сказал: порази их слепотою. И Он поразил их слепотою по слову Елисея. … И привел их в Самарию. Когда они пришли в Самарию, Елисей сказал: Господи! открой глаза им, чтобы они видели. И открыл Господь глаза их, и увидели»[131].

Когда два ученика шли с Господом по дороге из Иерусалима в Эммаус, то «глаза их были удержаны, так что они не узнали Его», повествует Евангелист. Когда же они пришли на ночлег: тогда, при преломлении хлеба, открылись у них глаза, и они узнали Его[132]. Из приведенных мест Священного Писания явствует, что телесные чувства служат как бы дверями и вратами во внутреннюю клеть, где пребывает душа, что эти врата отворяются и затворяются по мановению Бога. Премудро и милосердно пребывают эти врата постоянно заключенными в падших человеках, чтоб проклятые враги наши, падшие духи, не вторгались к нам и не губили нас. Эта мера тем необходимее, что мы, по падении, находимся в области падших духов, отвержены ими, порабощены ими. Не имея возможности ворваться к нам, они извне подают нам знать о себе, принося различные греховные помыслы и мечтания, ими привлекая легковерную душу в общение с собою. Непозволительно человеку устранять смотрение Божие, и собственными средствами, по попущению Божию, а не по воле Божией, отверзать свои чувства и входить в явное общение с духами. Но и это случается. Очевидно, что собственными средствами можно достигнуть общения только с падшими духами. Святым Ангелам несвойственно принимать участие в деле, несогласном с волей Божией, в деле неблагоугодном Богу. Чем влекутся

человеки к вступлению в открытое общение с духами? Легкомысленные и незнающие деятельного христианства увлекаются любопытством, незнанием, неверием, не понимая, что, вступив в такое общение, они могут нанести себе величайший вред; люди, предавшиеся греховности и отступившие от Бога, вступают в это общение по самым порочным побуждениям и для самых порочных целей.

То, что совершается с нами по Промыслу Божию, всегда преисполнено величайшей премудрости и благости, совершается по существенной надобности для существенной пользы нашей, отнюдь не для удовлетворения нашему любопытству, или какому другому мелочному, недостойному Бога, нашему побуждению. По этой причине обыкновенный порядок и ход нарушаются весьма редко; весьма редко вводится человек в чувственное видение духов. Богу благоугодно, чтоб служитель Его пребывал постоянно в величайшем благоговении пред Ним, в безусловной покорности к Нему, в безусловной преданности Его святейшей воле. Всякое нарушение этих отношений неблагоприятно Богу, и налагает на нас печать гнева Божия[133]. Легкомысленно покушающиеся нарушить порядок, установленный Богом, и вторгнуться самовольно в то, что Богом сокрыто от нас, признаются искусителями Бога, и изгоняются от лица Его во тьму кромешную, в которой не светит Свет Божий.

По смотрению Божию являются духи только во время крайней нужды, с целью спасения и исправления человеков; являются таким образом, что явление их не может иметь вредных последствий. <…> Только совершеннейшим христианам, преимущественно из иноков, сподобившихся прозреть душевными очами, был открыт мир духов; но таких христиан и в самые цветущие времена иночества было очень мало, по свидетельству Макария Великого[134]. Свойство всех видений, посылаемых Богом, замечает святой Иоанн Лествичник, заключается в том, что они приносят душе смирение и умиление, исполняют ее страха Божия, сознание своих греховности и ничтожества. Напротив того, видения, в которые мы вторгаемся произвольно, в противность воле Божией, вводят нас в высокоумие, в самомнение, доставляют радость, которая ничто иное, как непонимаемое нами удовлетворение наших тщеславия и самомнения[135]. Демоны, являясь наиболее в виде Ангелов, стараются польстить человеку похвалою, потешить его любопытство и тщеславие; затем они удобно ввергают его в самообольщение и наносят ему сильнейший, более или менее явный, душевный вред.

Мысль, что в чувственном видении духов заключается что-либо особенно важное, ошибочна. Чувственное видение, без духовного, не доставляет должного понятия о духах, доставляет одно поверхностное понятие о них, очень удобно может доставить понятия самые ошибочные, и их-то наиболее и доставляет неопытным и зараженным тщеславием и самомнением. Духовного видения духов достигают одни истинные христиане, а к чувственному наиболее способны люди самой порочной жизни. Кто видит духов и находится в чувственном общении с ними? Волхвы, отрекшиеся от Бога и признавшие богом сатану (Святой апостол Павел определил так значение волхва; исполненный всякого коварства и всякого злодеяния, сын диавола, враг всякой правды (Деян. 13, 10). При чтении Четьи-Миней можно получить достаточное понятие о волхвах); люди предавшиеся страстям и, для удовлетворения их, пребегшие к волхвам, при посредстве их вступившие в явное общение с падшими духами, что совершается под непременным условием отречения от Христа[136]; люди, истощенные пьянством и развратной жизнью; подвижники, впадшие в самомнение и гордость; весьма немногие способны к нему по естественному сложению; весьма немногим являются духи по поводу какого-либо особенного обстоятельства в жизни. В последних двух случаях человек не подлежит порицанию, но должен приложить все тщание, чтоб выйти из этого положения, как весьма опасного. В наше время многие позволяют себе входить в общение с падшими духами посредством магнитизма, причем падшие духи обыкновенно являются в виде светлых ангелов, обольщают и обманывают различными интересными сказками, перемешивая правду с ложью, – всегда причиняют

крайнее душевное и даже умственное расстройство. Употребление магнетизма есть отрасль волхования. При нем нет явного отречения от Бога, но несомненно имеется отречение прикрытое, так как в настоящее время вообще диавол очень прикрывает свои сети, более заботясь об уничтожении существенного, нежели наружного. Оставя без всякого внимания постановления Божии, не справясь тщательно, угодно ли Богу, сообразно ли воле Божией предпринимаемое, легкомысленный испытатель таинственного слепо вверяется действию магнитизма, без всякой предосторожности вступает в общение с духами, верит им и вверяется, действует под их наставлением. Что это, как не отступление от Бога? <…>

Видение чувственными очами духов приносит всегда больший или меньший вред тем человекам, которые не имеют духовного видения. Здесь, на земле, образы истины перемешаны с образами лжи[137], как в стране, в которой перемешано добро со злом, как в стране изгнания падших ангелов и падших человеков. В эту страну низшел Богочеловек для спасения человеков; в эту страну прежде вочеловечения Бога-Слова святые Ангелы нисходили к человекам, как к существам падшим, но получившим обетование спасения; в эту страну, по вочеловечении Бога-Слова, нисходят святые Ангелы для вспоможения человекам, израбатывающим свое спасение: но в этой же стране постоянно жительствуют и человеки, произвольно пребывающие в своем падении, и падшие ангелы, закосневшие и утвердившиеся в своем падении, во вражде к Богу. Как человеки, возлюбившие свое падение, свою греховность, употребляют все меры, чтоб привлечь всех человеков в свое направление: так в особенности заботятся об этом падшие духи. Они совершают дело погубления человеков с несравненно большим успехом, чем злонамереннейшие человеки. Повреждение человеков заключается в смешении в них добра со злом; повреждение падших духов заключается в полном преобладании зла, при совершенном отсутствии добра. Способности падших духов далеко превосходнее способностей падших человеков, которые связаны в своих начинаниях самою тяжестью и дебелостью своего тела. Демоны свободно и быстро обтекают вселенную, свободно совершают и такие дела, которые вовсе невозможны для человеков[138]. Человеки должны, поневоле удовлетвориться той опытностью во зле, которую они стяжают во время краткой земной жизни; их злые намерения уничтожаются сами собою в тот час, когда они поневоле оставляют поприще земной жизни, будучи востребованы на суд Божий и в вечность. Демонам, напротив того, предоставлено пребывать на земле со времени их окончательного падения[139] до кончины мира: всякий легко может представить себе, какую опытность в творении зла стяжали они в такое продолжительное время, при их способностях и постоянной злонамеренности, нисколько не растворенной никаким благим стремлением, или увлечением. Если они и притворяются благонамеренными, то это единственно с целью вернее успеть в злом намерении. Для благонамеренности они вообще неспособны. Видящий чувственно духов, легко может быть обманут в свое повреждение и погибель. Если же он, при видении духов, окажет доверенность к ним, или легковерие, то он непременно будет обманут, непременно будет увлечен, непременно будет запечатлен непонятной для неопытных печатью обольщения, печатью страшного повреждения в своем духе, причем часто теряется возможность исправления и спасения. Со многими, с весьма многими это случалось. Случилось это не только с язычниками, которых жрецы были по большей части в открытом общении с демонами; случилось это не только со многими христианами, незнающими тайн христианства, и по какому-нибудь обстоятельству вступившими в общение с духами: случилось это со многими подвижниками и иноками, нестяжавшими духовного видения духов и увидевшими их чувственно.

Одним только христианским подвижничеством доставляется правильный, законный вход в мир духов. Все прочие средства незаконны, и должны быть отвергнуты, как непотребные и пагубные. Истинного Христова подвижника вводит в видение Сам Бог. Когда руководит Бог, тогда отделяются призраки истины, в которые облекается ложь от истины; тогда даруется

подвижнику, во-первых, духовное видение духов, подробно и с точностью обнаруживающее пред ними свойства этих духов. Уже после этого даруется некоторым подвижникам чувственное видение духов, которым пополняются познания о них, доставленные видением духовным. Злые духи связываются в своих действиях по отношению к подвижнику Христовой властью и премудростью руководящего им Бога, и, несмотря на то, дышат особеннейшей злобою на служителя Божия, они не могут причинить ему того зла, какое бы желали. Наносимые ими напасти содействуют его преуспеянию[140].

Подробное, существенно нужное учение о духах злобы излагает преподобный Антоний Великий в поучении, которое он произнес ученикам своим. Учение это Великий заимствовал из собственных святых опытов, из обильно-благодатного состояния своего; свидетельствуется оно Священным Писанием. Антоний имел видение духов и чувственно и духовное. По самоумерщвлению, по глубоко-безмолвной жизни, по житию на небесех (Фил. 3, 20), куда возводил его обитавший в нем Святый Дух, Антоний, находясь еще в теле, уже как-бы принадлежал к духам[141]. Постоянно находился он то в общении со святыми Ангелами, то в борьбе с демонами. Чувственное видение духов есть принадлежность отшельнической жизни; с общежительными иноками бесы сражаются наиболее невидимо, принося им греховные помыслы, мечтания, ощущения, очень редко являясь чувственно. Антоний Великий, достаточно обучив Павла Препростого иноческой жизни, устроил для него отшельническую келью в значительном расстоянии от себя, и ввел в нее святого ученика своего, сказав ему при этом: «Вот! благодатию Христа, даровавшего помощь, ты изучился монашеской жизни: отныне пребывай наедине, чтоб стяжать опытность в борьбе с демонами»[142].

«Писание заповедует, – говорил Антоний Великий, – чтобы мы больше всего хранили свое сердце (Прит. 4, 23). Врагов имеем страшных и коварных, то есть лукавых демонов, с ними предлежит нам сражение, как говорит апостол: потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной[143]. Великое множество их находится в объемлющем нас воздухе; они – недалеко от нас; господствует между ними великое несогласие. О природе и разнообразии их много могут сказать другие, превосходящие нас в духовном преуспеянии, а нам настоит особенная нужда знать употребляемые ими против нас козни»[144].

«Во-первых, мы должны быть убеждены в том, что демоны называются демонами не потому, чтоб они были созданы в настоящем устроении. Бог не создал ничего такого, что само по себе, было бы злым. Демоны созданы благими. Впоследствии, отпадши от небесной мудрости, низверженные на землю, они обольстили язычников привидениями. Пламенея ненавистью к нам, христианам, они употребляют все средства к возбранению нам доступа на Небеса, чтоб мы не взошли туда, откуда они ниспали. Нужна усиленная молитва, нужен великий подвиг, чтоб те, которым они являются, получив действием Духа благодать рассуждения, могли узнавать их. Некоторые из них менее злобны, другие более злобны; но у всех – одно стремление: разными способами устроить для нас падение и погибель. Многообразна их хитрость; многообразны приемы к приготовлению козней. Конечно, блаженный апостол с последователями своими знал это с точностью. Нам не безызвестны его умыслы (сатаны)[145]. Мы должны друг друга наставлять, заимствуя познание из тех искушений, которым подверглись от демонов; почему и я, как стяжавший некоторое опытное знание о духах, сообщаю вам, чадам моим».

«Если демоны увидят что кто-либо из христиан, в особенности из монахов, начинает подвизаться и преуспевать: то приступают к нему, и тотчас же начинают полагать препятствия на пути его. Препятствия эти суть греховные помышления. Не должно приходить в смущение и недоумения от приносимых им внушений: они немедленно уничтожаются молитвами, постами и верою в Господа. Но будучи отражены, демоны не престают от брани: злохитро и коварно приступают они снова. Не успев обольстить сердце тайным действием при посредстве вожде-

лений, они подступают иным путем, и покушаются привести в испуг пустыми привидениями, принимая различные образы, то женщин, то зверей, то гадов, то величайших исполинов, то множества воинов. Но и этих привидений, показанных ими, не должно страшиться: не имея никакого значения, они мгновенно исчезают, если кто потщится оградить себя верою и знамением креста. Впрочем, они дерзки и крайне бесстыдны: побежденные при одном способе борьбы, прибегают к другому. Они представляют себя одаренными пророчеством, способными предсказывать будущее. Они вытягиваются привидением в такую высоту роста, при великом объеме в ширину, что представляются прикасающимися к крышам домов. Так действуют они с тою целью, чтоб обольстить дивами тех, кого не могли обольстить помыслами. Если же и при этом покушении они найдут душу укрепленную верою и надеждою: то, наконец, приводят с собою своего начальника».

Антоний говорил, что он часто видел диавола таким, каким открыл его Господь Иову в следующих словах: Очи его – видение денницы. Из пасти его выходят пламенники, выскакивают огненные искры; из ноздрей его выходит дым, как из кипящего горшка или котла. Дыхание его раскаляет угли, и из пасти его выходит пламя[146].

«Являясь таким, князь демонов велеречивый и состарившийся во зле, старается, как я сказал, навести ужас, в чем обличает его Господь, говоря опять Иову: Меч, коснувшийся его, не устоит, ни копье, ни дротик, ни латы. Он кипятит пучину, как котел, и море претворяет в кипящую мазь; оставляет за собою светящуюся стезю; бездна кажется сединою[147]; чрез пророка: погонюсь, настигну[148]; чрез другого пророка: и рука моя захватила богатство народов, как гнезда; и как забирают оставленные в них яйца, так забрал я всю землю[149]. Таким образом, демоны хвастают и обещают сделать то и другое, чтоб обмануть подвижников благочестия. Нам, верующим, не должно страшиться их приведений, не должно внимать их провозглашениям. Лгут они всегда, никогда не говорят ничего справедливого. Хотя диавол дерзко высказывал о себе так многое; однако Господь извлек его как змея на уде, возложил на него узду, как на рабочий скот, заковал в железный обруч, как беглого раба, продел в ноздри и губы его кольцо. Он связан Господом подобно воробью, и предан нам в игралище. Вместе с ним низвержены его сообщники, демоны, как скорпионы и змеи, с попранием нам, христианам. Доказательством этого служит то, что мы самым образом жительства нашего боремся с диаволом, – и тот, кто похвалялся иссушить море и охватить вселенную, уже не может противостоять нашему подвижничеству, не может воспретить мне, говорящему против него. Не будем обращать никакого внимания на слова его, потому что он постоянно ложен! Не будем страшиться его привидений, не имеющих, всеконечно, никакого значения! Показываемый демонами свет – не истинный: скорее он – предзнаменование и предызображение приготовленного им огня: они являются человекам в том пламени, в котором будут гореть. Точно – они являются, но исчезнут тотчас, не повредив никому из верующих, в самой же вещи явив только образ огня, в который они будут ввергнуты. Не должно страшиться их ни по какому поводу: благодать Христова соделала все покушения их против нас тщетными».

Великий египетский отшельник описывает велеречие, необыкновенные обещания, провозглашенные демонами с целью обольстить и обмануть человеков, также чудовищные привидения, представленные демонами, их неимоверные и тщетные угрозы. Разнообразными средствами демоны стараются увлечь человеков в повиновение себе, являясь им чувственно. Внимательный делатель заповедей Христовых может усмотреть точно такое же действие бесов, когда они невидимо приближаются к душе, стараются подействовать на нее помыслами и мечтаниями. Желая склонить человека к сладострастию, они представляют ему в воображении животные соблазнительные образы и многочисленные средства к удовлетворению плотского вожделения. Желая обольстить тщеславием, представляют в обольстительной картине земное преуспеяние. Желая оковать сребролюбием, – представляют продолжительную и тягостную

старость, также предлоги, на которых зиждется этот порок. Словом сказать: они обольщают и угрожают, – всеми средствами стараются украсть веру в Бога, отвлечь под свое водительство. С теми, кто покорится бесам, они поступают жестоко, поступают как злейшие враги, предлагавшие все с одним намерением, с намерением нанести всевозможный вред. Склонившегося на искания славы иногда поражают бессилием сразу после сказанного повиновения лести, – иногда как будто удовлетворяют в течение продолжительного времени с тем, чтоб ввергнуть в затруднительное положение, в гибельную пропасть. Когда оставит человека десница Божия за его постоянное и намеренное порабощение страсти: тогда демоны повергают его во все виды уничижения. Так поступают они и со сребролюбцем и со сластолюбцем. Они обольщают греховным наслаждением, чтоб излить в повинующегося им свою смертную горечь; они обольщают обилием благ, чтоб человек, отрекшись от упования на Бога, хранящего человека от нашествия бедствий и в нашествия бедствий, уклонился к мерам сохранения себя, предлагаемым демонам, и впал в бедствия, самые запутанные, неисходные.

«Демоны – лукавы; они способны принимать разные образы и виды. Часто представляются поющими псалмы, пребывая при этом невидимыми, и вспоминают слова Писания. Очень часто, когда мы читаем, они тотчас повторяют прочитанное, подобно эху. Когда спим, – они возбуждают нас на молитву, чтоб не дать нам вовсе успокоиться сном. Иногда, приняв вид монахов, как бы самых благочестивых, вступают в разговор, чтоб обмануть привидением одежды и образа, и обманутых увлечь, когда желают. Их никак не должно слушать, возбуждают ли они к молитве, увещевают ли, чтоб мы вовсе ничего не вкушали, обвиняют ли и обличают нас во грехах, которые знают за нами. Они делают это не с целью благочестия или добродетели, но с тем, чтоб привести простейших в отчаяние. Они представляют подвижническую жизнь бесполезной, внушая отвращение к монашеской жизни, как невыносимо-тягостной; они действуют с целью поставить всевозможные препятствия этой жизни».

«Пророк, посланный Богом, объявляет о бедственном состоянии демонов, говоря: Горе тебе, который подаешь ближнему твоему питье с примесью злобы твоей[150]. Такие внушения и помыслы наветуют путь, ведущий ко спасению. Когда демоны говорили правду – говорили они правду, когда говорили: «Ты еси Святый Божий» (Лк. 4, 41) – Господь заключал им уста, и повелевал молчать, чтоб они не примесили лукавства своего к правде, и чтоб научить нас решительному недоверию к демонам, хотя бы они и говорили правду. Неприлично нам, имеющим Священное Писание и свободу, дарованную Спасителем, научаться от диавола, который не сохранил собственного чина и изменился по разуму, ниспадши от духовного к плотскому. По этой причине, когда диавол покушается говорить, Писание воспрещает ему это следующими словами: Грешнику же говорит Бог: «что ты проповедуешь уставы Мои и берешь завет Мой в уста твои»[151]. Чтоб обмануть простейших, они прибегают ко всевозможным средствам, ко всевозможному притворству, многословят, шумят, приводят в смятение, производят стук, непомерно хохочут, свищут. Если не будет на них никакого внимания то они, наконец, начинают плакать и рыдать, как побежденные».

«Господь, как Бог, заключал уста демонов; нам же, наученными святыми, подобает подражать им, уподобляться им мужеством. Они, увидев что-либо такое, восклицали: Буду обуздывать уста мои, доколе нечестивый предо мною. Я был нем и безгласен, и молчал [даже] о добром. И опять: А я, как глухой, не слышу, и как немой, который не открывает уст своих. И стал я, как человек, который не слышит и не имеет в устах своих ответа[152]. Почему мы должны даже не внимать демонам, как чуждым нам, не слушать их ни в чем, хотя бы они возбуждали к молитве, хотя бы поучали посту. Напротив того будем твердо держаться постановлений нашего жительства, чтоб не быть обманутыми их действиями, которые все преисполнены злохитрости и злонамеренности. Нечего страшиться их, чтоб они представлялись нападающими, хотя бы угрожали смертью: они немощны, могут только угрожать, не могут сделать ничего более».

Благоразумное и осторожное поведение, предписываемое по отношению к демонам при чувственном явлении их, должно быть строго наблюдаемо и тогда, когда они действуют одними помыслами. Действуя помыслами, они стараются, как и при чувственном явлении, осквернить и извратить всякую добродетель своею примесью, чтоб поколебать и ниспровергнуть подвижника, чтоб поколебать и ниспровергнуть в нем нравственные понятия, понятия, на которых зиждется истинно благочестивое жительство. Демоны внушают иноку возложить на себя неумеренный пост, неумеренное бдение, обременительное молитвенное правило, излишнюю скудость в одежде, излишнюю ревность к телесным трудам, чтоб ввести в высокоумие, или, истощив силы и здоровье, сделать неспособными к благочестивому подвигу. Богоугодную печаль плачущего о грехах они стараются усилить, и превратить в печаль погибельную, примесив к раскаянию во грехах безнадежие в получении прощения; от безнадежия приводят к отчаянию. Выставляя любовь к ближнему в благовидный предлог, они научают часто выходить из кельи для посещения братий, и в свою келью непрестанно принимать и приглашать посетителей. Этим отторгают от плача и прочих душеполезнейших занятий, возможных не иначе, как на лоне уединения и безмолвия; этим вовлекают в рассеяность, от которой помрачается ум, и побеждение соблазнами делается очень удобным. В исповедание истинной веры, в это основание спасения человеков, демоны стараются ввергнуть свою примесь и святую Веру превратить в зловерие или ересь – этим уничтожив все значение Веры. Что такое – ересь? Ересь есть примесь к откровенному Богопознанию учения, заимствованного из плотского мудрования, общего отступникам духам и отступникам человекам. Откровенное Богопознание преподано Самим Богом; оно не терпит никакой примеси; оно вполне отвергается как прямым отрицанием, так и примесью. Такая примесь – отрицание прикрытое.

«Сказав доселе кратко об этом предмете, не остановлюсь сказать подробнее: такое поведание возведет вас к строжайшей бдительности над собою. С пришествием Господа на землю, пал враг, силы его сокрушились. Как низверженный тиран, не могущий сделать ничего, он никак не может оставаться спокойным, и, по крайней мере, угрожает словами. Каждый из вас должен знать это; каждый из вас, на основании этого знания, может презирать демонов. Если б они были связаны такими телами, какими связаны мы, то без сомнения могли бы сказать: «мы не находим людей, потому что они скрываются; если бы мы находили их, то вредили бы им; также мы могли бы, замкнувши двери, скрываться от них, подобно тому, как они скрываются от нас». Но положение их совсем не таково: они могут входить при запертых дверях, могут, как они, так и начальник их диавол, свободно действовать в бездушном пространстве, – готовы к нанесению зла и вреда; диавол, как сказал Господь, человекоубийца был искони[153]. Несмотря на это, мы живем, даже в противодействии ему установили наше жительство: из этого явствует, что демоны лишились всякой силы. Место не служит препятствием для их showоднодейства; нет у них залога, чтоб они щадили нас по причине любви к ним, чтоб заботиться об исправлении нашем. Напротив того они – злонамеренны, и ни в чем столько не стараются, как о том, чтоб наносить вред подвижникам добродетели и благочестия. Не делают они ничего только по той причине, что ничего не могут сделать, могут только угрожать; они не могут воздержаться от зла, жаждут нанести нам всякий вред, имея к этому всецело направленную волю. Вот, мы собрались, и говорим против них; они знают, что соответственно нашему преуспеянию они приходят в изнеможение. Наверно они не допускали бы жить никому из христиан, если бы имели на то власть: благочестивая жизнь по Богу мерзостна для грешника. Не имея никакой силы, они терзаются при виде, что не могут выполнить никакого замысла своего. Утвердимся в мысли, что отнюдь не должно страшиться их. Если бы они имели какую-либо власть; то не приступали бы с шумом, в разных привидениях, не устраивали бы ковов[154], изменяя образы: было бы достаточно одного из них, чтоб исполнить желаемое им и возможное для него. Имеющий власть убить, приступает не в пустом привидении, не приводит в ужас шумом и мятежом, но действует свободно по власти своей. Напротив того демоны, не имея никакой силы, разыг-

рывают как бы театральное представление, изменяя вид свой и приводя детей в ужас шумом и безобразными личинами своими: по этому самому они заслуживают презрения, как немощные. Истинный Ангел, посланный Господом против ассириян, не нуждался ни в шуме, ни в поразительной обстановке, ни в стуке, ни в плескании руками: спокойно действуя по данной власти, он убил в течении самого скорого времени сто восемьдесят пять тысяч воинов[155]. Не имеющие же никакой силы – каковы демоны – стараются лишь привести в ужас суетными привидениями».

«Может быть кто-нибудь, на основании повести об Иове, спросит в опровержение сказанному: почему же диавол, вооружившись на этого праведного мужа, возмог сделать все: и отнял имущество, и убил детей, самого поразил смрадною проказою?[156] Да ведает вопрошающий, что это совершилось не силой диавола, но силой Бога, Который предал Иова диаволу для искушения. Диавол, и именно потому, что сам ничего не мог сделать, просил позволения сделать сделанное им. Это событие служит основанием большего презрения к врагу, который хотя и желал, но не имеет возможности действовать и против одного праведного человека: если б имел, то не просил бы. Но он просил, просил не однажды, просил дважды: этим обличается его немощь и бессилие. Не удивительно, что он ничего не мог сделать Иову, когда не мог нанести вреда стадам его, без соизволения на то Бога. Даже над свиньями он не имел никакой власти: потому что демоны просили Господа, как написано в Евангелии, говоря: повели нам идти в стадо свиное[157]. Если они не имеют власти над свиньями: тем менее над человеками, сотворенными по подобию Божию».

«Должно страшиться одного Бога: демонов должно презирать и нисколько не бояться. Чем настойчивее они действуют против нас, тем ревностнее мы должны принадлежать подвижничеству. Великое оружие против них – чистая жизнь и вера в Бога. Несомненно, что они боятся пощений, бдений, молитв, кротости, сердечного безмолвия, презрения денег и суетной славы, смирения, любви к нищим, милости, благости, более всего благочестия во Христе (под благочестием во Христе разумеется строгое православие, соединенное строгим жительством по заповедям Евангелия), когда видят эти добродетели в подвижниках. По этой причине они употребляют все усилия, чтоб кто либо не попрал их: они знают благодать, которую Спаситель дал против них верующим. Се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью»[158].

«Итак, если демоны будут предсказывать будущее, – никто да не внимает им. Часто они предвозвещают за несколько дней пришествие братий, – и в самом деле братия приходят. Это делают демоны не для чего иного, как только для того, чтоб внушить доверенность к себе тем, которые внимают им, чтоб подчинить их постепенно своему влиянию, и погубить. По этой причине не должно внимать им, должно отвергать слова их, когда они говорят, потому мы нисколько не нуждаемся в них. Что удивительного в том, что они, имея тела, более легкие, нежели каковы тела человеческие[159], и увидев кого-либо отправившегося в дорогу, приходят прежде и возвещают о нем? Таким образом, едущие на лошадях могут предупреждать пешеходов: в этом отношении они нисколько не достойны удивления. Они ничего не знают такого, что еще не совершилось. Они же, увидев что-либо, извещают об этом, перебегая поспешно. Так многим возвещают они то, что делается между нами, то есть, что мы сошлись, что сговариваемся против них, прежде нежели кто-либо из нас, вышедши отсюда, мог пересказать об этом. Конечно – всякий проворный мальчик мог бы сделать это, предупредив идущего медленно. Сказанное мною надо так понимать. Если кто собирается в дорогу из Фиваиды или из какой другой страны: то они не знают, пойдет ли он, или не пойдет. Когда же увидят, что он пошел: то бегут вперед, и предвозвещают пришествие его, и он по прошествии немногих дней точно приходит. Случается же отправившимися в путь возвратиться назад: тогда демоны оказываются солгавшими».

«Таким же образом они нередко болтают о прибыли воды в реке: увидев, что пошли большие дожди в Эфиопии, и, заключая из этого, что река выступит из берегов, они, прежде нежели вода дойдет до Египта, поспешно прибегают и возвещают о наступающем наводнении. Это могли бы возвещать и человеки, если бы имели ту способность к быстрому движению, какую имеют демоны. Каким образом телохранитель Давида[160], взошедши на высокое место, скорее усматривал приходящего человека, нежели тот, который стоял внизу; также каким образом тот из вестников, который предупредил прочих приходом, прежде их возвестил не о том, что еще не совершилось, но о том, что начало совершаться: таким образом, и демоны предупреждают возвещением, единственно с целью обмана. Между тем, если по Промыслу Божию обстоятельства сложатся иначе, вода не прибудет, или путешественники не придут, тогда демоны окажутся солгавшими, а поверившие им – обманутыми».

«Так начались в древности оракулы (прорицалища) язычников; так язычники издревле обмануты демонами. Но обману положен конец. Пришел Господь, низверг демонов и ухищрения их. Ничего не знают они сами по себе, но, как тати [воры], сказывают то, что увидят у других. Правильнее сказать: они не столько предсказывают, сколько предугадывают. По этой причине, если бы они когда сказали и правду: то и тогда не заслуживают удивления. Опытные и искусные врачи, изучив какую либо болезнь во многих больных, очень часто предсказывают о последствиях ее; и также кормчие и земледельцы, постоянно наблюдающие за состоянием воздуха, предсказывают ясную и пасмурную погоду: но приписывают эти предсказания отнюдь не Божественному откровению, а опытности и наглядности. По этой причине никто да не удивляется, если демоны, может быть, на основании подобной сметливости, скажут что-либо справедливое; никто да не подчинится влиянию их вниманием к ним. Какая может быть польза для слышащих, если они за несколько дней узнают имеющее случиться? Или какая нужда знать это, если и удастся узнать справедливо? Не доставляет такое знание никакого преуспеяния в добродетели, не служит свидетельством святости. Никто из нас не призывается к суду за незнание будущего; никто из получивших это знание не признается блаженным, каждый даст ответ на суде в том, сохранил ли он веру, исполнял ли в точности заповеди».

«Не для того подъемлем мы многие труды, не для того проводим жизнь в подвигах, чтоб предузнавать будущее, но чтобы благоугодить Богу добродетелями. Должно прилежать молитве не для того, чтоб получить предведение будущего; не в этом заключается награда подвижничества: нам должно просить Господа, чтоб Он помог нам одержать победу над диаволом. Если же мы желаем непременно стяжать предуведение будущего: то стяжаем для этого чистоту ума. Имею убеждение, что душа, очистившись и возшедши в состояние естественное (состоянием естественным святые отцы называют то состояние, в котором человеки сотворены, состояние падения они называют нижеестественным), соделывается прозорливою, и, действием Божественного откровения, может видеть дальше и более сокровенное, нежели сколько видит диавол. Таков был ум Елисея, который видел поступки Гиезия[161], совершенные вдалеке, также видел небесное воинство, посланное в защиту ему» (Елисею)[162].

«Итак, если демоны придут к вам ночью, и начнут говорить о будущем, поведая о себе: мы – ангелы, то не верьте им. Они лгут. Если они будут восхвалять ваше жительство, и вас называть блаженными, то не слушайте их, даже не глядите на них, но немедленно знаменуйте себя и жилище ваше крестным знамением, обращайтесь к молитве, и увидите – они исчезнут. Они робки, и чрезвычайно боятся знамения крестного: потому что Спаситель крестом лишил их силы, и предал на позор. Если они будут действовать настойчиво и бесстыдно, скача и изменяя образы гнусных личин своих, – не пугайтесь, не придите в ужас, не вверяйтесь им, как бы благим. Очень скоро можно отличить, благодатью Божией, присутствие благих духов от присутствия злых. Явление святых духов не производит смущения в душе. Не возопиет и не возвысит голоса своего, и не даст услышать его на улицах[163]: он столько приятен, столько благ,

что от зрения его является в душе веселие, радость, восторг. Это от того, что святым Ангелам соприсутствует Господь, Который – наша радость, и сила Бога Отца. Помышления души пребывают в спокойствии, чуждыми смущения; объемлет ее желание Божественных, будущих благ; она желала бы навсегда пребыть в них, и отойти отсюда со святыми Ангелами. Если же кто, как человек, устрашится явления святых Ангелов: то они немедленно отъемлют страх этот своей благостью. Так поступил Гавриил относительно Захарии[164]; так поступил Ангел, явившийся женам в гробе Господа[165], и тот, который сказал пастырям, упоминаемым в Евангелии: не бойтеся[166]. Страх в видевших родится не от возмущения души, но от присутствия и созерцания превосходного достоинства существ. Таковы признаки видения святых Ангелов».

«Напротив того нашествие и привидение злых духов сопровождается шумом, стукотней, звуками и криком, подобно тому беспорядку, который производят неблаговоспитанные юноши и разбойники. От присутствия их является в душе страх, в мыслях смущение и недоумение, тоска, отвращение от подвига, леность, уныние, воспоминание о родственниках, боязнь смерти, потом греховные вожделения, охлаждение ревности к добродетелям, нравственное расстройство. Итак, если вы увидите кого-либо явившегося, и вас обымет страх, но страх этот немедленно отнимется, и его заступят неизреченные радость, веселие, извещение, обновление души, мир помыслов и прочее вышеупомянутое, крепость души и любовь к Богу; то будьте спокойны и молитесь; радость и такое состояние души служит признаком присутствия святых духов. Так Авраам, увидев Господа, возрадовался[167]; так Иоанн, взыграся от радости, когда Богоматерь Мария произнесла приветствие. Если же предстанет вам какое бы то ни было явление, сопровождаемое шумом, стукотней и обстановкой по обычаю мира, с устрашением смерти и при вышеперечисленных признаках, – знайте, что пришли духи лукавые».

«И следующее да служит для вас знамением их. Если страх не будет отступать от души, то это – признак присутствия врагов. Демоны никак не отъемлют страха, как отъяли страх Архангел Гавриил, явившись Марии и Захарии, и Ангел, явившийся женам в гробе Господнем. Напротив того демоны, увидев, что человек испугался их, усиливают привидение, чтоб поразить большим испугом, и наругаться, извлекши поклонение себе. Приступив, они говорят испуганным: простритесь, и воздайте поклонение. Таким образом, они обманули язычников, и признаны ими за богов. Господь не попускает нам быть обманутыми демонами. Когда диавол приступил к Господу с подобными привидениями: то Господь запретил ему следующими словами: иди за Мною, сатано, писано бо есть: Господу Богу твоему поклонишися, и Тому единому послужиши. Посему мы должны более и более презирать этого лукавого, принимающего на себя различные виды. Сказанное диаволу Господом, сказано ради нас, чтоб демоны, слыша от нас эти слова, сокрушались силою Господа, Который запретил им этими словами».

«Не должно тщеславиться благодатною силою изгнания бесов, не должно превозноситься благодатным даром исцеления болезней. Не заслуживает удивления тот, кто изгоняет бесов, ни презрения тот, кто не изгоняет. Желающий правильно рассуждать об иноке, да исследуем образ подвига его. Совершение знамений есть дело Спасителя, а не наше: почему Он и сказал ученикам Своим: Тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах[168].

То, что имена наши написаны на небесах, служит свидетельством нашей добродетели и богоугодной жизни, а сила изгнания бесов есть дар Спасителя. По этой причине славившимся чудотворением, а не добродетелию, и говорившим: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас[169].

Не ведает Господь путей, которыми идут нечестивые. Должно непрестанно молиться, как я уже сказал, о получении дара рассуждения духов, чтоб не вверяться всякому духу (1 Ин. 4, 1), как научает нас Писание».

«Теперь хотел было я замолчать, и уже более не продолжать беседы; но, чтоб вы не подумали, что сказанное мною сказано наобум, и уверились, что я поведал из знания, приобретенного опытами, соделываюсь как бы несмысленным[170], продолжая слово. Господь, слышащий произносимое мною, знает чистоту сердечного намерения моего, что я не ради себя, а ради любви вашей и вашего назидания, начинаю поведание об известных мне по опыту демонских кознодействиях. Сколько раз демоны называли меня блаженным, а я проклинал их во имя Господа! Сколько раз они предвозвещали мне прибыль воды в реке, а я отвечал им: какое вам дело до этого? Однажды они приступили ко мне грозно, в подобии воинов, вооруженных разным оружием, намереваясь изрубить меня. В другой раз они, приняв вид лошадей, зверей и змей, наполнили дом мой. Тогда я повторял изречение Псалма: Иные колесницами, иные конями, а мы именем Господа Бога нашего хвалимся[171]. В то время, как я молился таким образом, Господь прогнал их. Однажды, в ночное время, они пришли ко мне, произведя привидение света и говоря: Антоний! мы пришли к тебе, и принесли свет; я, закрыв глаза, начал молиться, и немедленно угас свет нечестивых. Через несколько месяцев они пришли, воспевая псалмы и произнося изречения из Священного Писания; а я, как глухой, не слышу[172]. Случилось, что они поколебали мое жилище; я, не смутившись, пребывал в молитве. После этого они опять приходили, со стукотней, свистом и плясанием; но увидя, что я молюсь и лежа совершаю умом псалмопение, они тотчас начали плакать и рыдать, как лишившиеся сил, а я возсылал славословие Господу, обуздавшему и извратившему их дерзость и свирепство».

«Однажды демон явился мне в привидении необыкновенной величины и осмелился сказать: я – Божия сила, я – Божие провидение: могу даровать тебе благо; чего ты хочешь? Но я, призвав имя Христа, дунул на него, и покусился подвергнуть его побоям; на самом деле представилось мне, что я подверг его побоям! Человек, при видении духов – так как это состояние находится вне обычного порядка – не может тотчас дать себе верного отчета, совершается ли видимое им на самом деле, или это только видение. Деян. (12, 9). Тотчас этот великан, со всеми его демонами, исчез. – Однажды, в то время как я постился, диавол пришел ко мне, приняв на себя образ монаха; он как бы держал в руках хлебы, и сделал мне следующее предложение: Прекрати великое пощение твое и вкуси пищи: потому что ты – человек, и подвергаешься опасности впасть в болезнь. Поняв лукавство его, я встал на молитву: не вынесши этого, он исчез, и в подобии дыма проник сквозь дверь. Сколько раз диавол представлял мне в пустыне привидение золота с тем, чтоб я хотя прикоснулся к нему, или поглядел на него! Но я прибегал к оружию псалмопения, и привидение пропадало. Многократно они жестоко били меня и покрывали ранами; но я восклицал: Ничто не отлучит меня от любви Христовой![173] Тогда они кидались друг на друга, и поражали друг друга. Но я укрощал и прогонял их: совершал это Господь, сказавший: Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию[174]. Чада мои! помня изречение апостола, преобразив сия на себе[175], чтоб вы научились не упадать духом, протекая поприще подвижничества, и не устрашиться привидений диавола и его демонов».

«Поведал я это, как несмысленный, выслушайте же и следующее, чтоб проводить вам жительство без страха и преткновения. Веруйте моему нелживому сказанию. Однажды кто-то постучался в дверь моего уединенного жилища. Я вышел: предо мною стоял исполин высочайшего роста. Я спросил его: кто ты? Я – сатана, отвечал он. Опять спросил я: для чего ты пришел сюда? Он отвечал: Напрасно обвиняют меня монахи и все христиане! напрасно не престают ни на час проклинать меня. Я сказал ему: они делают это потому, что ты преследуешь их, и не даешь им спокойствия. Не я, возразил он на это, но они сами смущают себя, а я окончательно потерял всю силу. Неужели они не читают: У врага совсем не стало оружия, и города Ты разрушил[176]. В моем владении не осталось никакого места, ни страны, ни города. Повсюду принято христианство, а ныне и пустыни наполнились монахами. Пусть они наблюдают за собою, и не обвиняют меня напрасно. Тогда, удивившись благодати Господа, я сказал демону: Ты –

ложь, всегда пребываешь ложью, и никогда не говоришь правды. Но ныне невольно сказал ты правду: потому что Христос пришествием Своим расслабил тебя, низверг и обнажил. Демон, услышав имя Спасителя, и не терпя огня, исходящего из этого имени, исчез».

«Если сам диавол сознается, что он не имеет никакой силы; то, всеконечно, достоин презрения нашего он, достойны презрения и демоны его. Враг со псами своими прибегает к ковнодейству, а мы, зная немощь его, должны презирать его. Не будем утруждать ума нашего размышлением, не будем рассматривать причин к испугу, не попустим себе усвоить помыслов боязни, говоря: Как бы демон, напавши на меня, не ниспроверг! как бы он меня не поднял, и потом не ударил о землю! или как бы внезапным нападением не перепугал меня! Никак не допустим себе таких помыслов; не попустим себе тоски, как бы долженствующие погибнуть. Напротив того, будем более и более утверждаться верою, исполняясь радости, как долженствующие наследовать спасение, содержа в памяти, что с нами Господь, обративший в бегство и сокрушивший демонов. Также будем помышлять и непрестанно памятствовать, что доколе Господь находится с нами, дотоле враги не могут причинить нам никакого зла. Когда они придут к нам: то поступают относительно нас соответственно тому, какими найдут нас, и приноровляют свои привидения к помышлениям, которыми тогда мы будем объяты. Если они найдут нас в страхе и смущении: то вторгаются в это состояние наше, подобно ворам, нашедшим какое-либо место, никем не охраняемое. Что помышляем мы сами – то они стараются представить в преувеличенном виде. Если они увидят, что мы испугались и вострепетали: то они соответственно нашему состоянию испуга представляют привидения и страхования, и несчастная душа подвергается наказанию на самом деле за свое внутреннее состояние. Если же они найдут нас радующимися о Господе, размышляющих о будущих благах, утвержденными в мысли, что все – в деснице Божией, что демоны вполне немощны по отношению к христианам, что они ни в чем не имеют ни малейшей власти; если, говорю, они найдут душу огражденною таким оружием, то со стыдом отступают от нее. Враг нашел так вооруженным Иова, и отступил от него; Иуду же он нашел без этого оружия, и увлек в порабощение себе. Если хотим презирать врага, то да пребываем тщательно в Божественных помышлениях, да пребывает душа постоянно в радости, производимой надеждою на Бога. Тогда будем вменять позорищные представления демонов за дым; будем видеть, что они более бежат от нас, нежели преследуют нас: потому что, как я выше сказал, они – чрезвычайно трусливы; их постоянно содержит в трепете ожидаемый ими, приготовленный для них огнь геенны».

«И следующее нужно знать вам для вашей безопасности. Когда представится какое-либо видение, не допусти себе испуга, но каково бы то ни было это видение, мужественно спроси его, во-первых: Кто ты и откуда? Если то будет явление святых: то они успокоят тебя, и страх твой обратят в радость. Если же явление – диавольское, то оно, встретив в душе твердость, немедленно придет в колебание: потому что вопрос: Кто ты и откуда? служит признаком неустрашимой души. Сделав такой вопрос, Иисус Навин удостоверился в истине[177], а от Даниила не скрылся Ангел»[178].

Те из подвижников, которые не стяжали дара рассуждения духов, не осмотрели в себе своего падения, не поняли, что Христос для христианина – все, что должно отвергнуть самое добро падшего естества и отречься души своей, которые по этой причине способны к самомнению в большей или в меньшей степени, – подверглись великим бедствиям и самой погибели от чувственного явления духов, последовавшего по поводу изнурения плоти телесными подвигами и вкравшегося в душу самомнения. Когда духи пленят или уловят человека в тайне сердца и ума его: тогда они удобно действуют снаружи. Человек вверяется лжи, думая, что он доверяет чистейшей истине. Преподобный Исаак Сирский повествует: «Некто Асинас, уроженец города Едеса, сочинитель многих трилогий, которые поются и доныне, проводил высокое (по-видимому) жительство. Он безрассудно наложил на себя труднейшие подвиги с (тайною) мыслью получить известность. Его прельстил диавол: он вывел его из кельи, поставил на вер-

шине горы, именуемой Сторий, и, предварительно получив его согласие, показал ему образ колесницы и коней, причем сказал: Бог послал меня взять тебя в рай, как Илию. Асинас вдался в обольщение по младенцеумию своему, и взошел на колесницу: тогда разрушилась вся эта мечта, он низринулся с большой высоты, упал на землю, и умер смертью достойной плача и вместе смеха»[179].

Очевидно, Асинас погиб по недостатку духовного знания о падших духах, о таинстве искупления человечества Богочеловеком. При этом познании нет места в человеке самомнению, на котором были основаны казнь и обольщение. Страшному бедствию и по той же причине подверглись два киево-печерские затворника, святые Исаакий и Никита: первому явился демон в виде Христа, второму – в виде Ангела[180]. Вполне справедливы слова святого апостола Петра: противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить[181]. Пожирает он немощных и младенцев по духовному разуму; не стыдится нападать и на великих угодников Божиих, надеясь и их обмануть и низложить в минуты душевного дремания или недостаточного бодрствования над собою. Средство, которое диавол употребил столь удачно против Асинаса, он хотел употребить для сокрушения преподобного Симеона Столпника. У Асинаса он извлек предварительное согласие; Столпника он хотел уловить внезапностью, – погубить, отняв и время и возможность к рассмотрению приготовленного обмана. Он преобразился в светлого Ангела, – предстал с колесницею и конями огненными Симеону, стоявшему на возвышенном столпе. «Услышь, Симеон! – сказал он. – Бог неба и земли послал меня к тебе, как видишь, с колесницею и конями, чтоб взять тебя на небо, как Илию: ты достоин такой чести за святость жития твоего. Уже настал час твой, в который ты должен пожать плоды трудов твоих, и принять венец доброты от руки Господа. Иди не медля, раб Господа, да видишь Творца твоего, да поклонишься Творцу твоему, создавшему тебя по образу Своему. Да узрят тебя Ангелы и Архангелы, пророки, апостолы, мученики, желающие тебя видеть». Когда искуситель говорил это и этому подобное – бесы многоглаголивы и велеречивы – преподобный не понял, что имеет дело с обольстителем. В характере святого была особенная простота и наклонность к беспрекословному повиновению, как это легко можно усмотреть при внимательном чтении его жизнеописания. Симеон сказал в ответ, обратясь к Богу: «Господи! меня ли грешного Ты хочешь взять на небо?» С этими словами он поднял ногу, чтоб вступить в колесницу, а рукою сотворил на себе крестное знамение, от которого диавол, и колесница с конями мгновенно исчезли[182]. Само собою разумеется, что, по причине этого искушения, Симеон еще более погрузился в смирение, еще более убоялся самомнения, которое, таясь в самой малой степени, едва не погубило его. Если святые находились в такой опасности быть обманутыми лукавыми духами: то для нас эта опасность еще страшнее. Если святые не всегда узнавали демонов, являвшихся им в виде святых и Самого Христа: то как возможно нам думать о себе, что мы безошибочно узнаем их? Одно средство спасения от духов заключается в том, чтоб решительно отказываться от видений их и от общения с ними, признавая себя к таким видению и общению неспособными.

Святые наставники христианского подвижничества, просвещенные и наученные Святым Духом, постигая благодетельную и богомудрую причину, по которой души человеческие во время пребывания своего на земле прикрыты телами, как бы завесами и покровами, заповедуют благочестивым подвижникам не вверяться никакому образу или видению, если они внезапно представятся, не входить с ними в беседу, не обращать на них внимания. Они заповедуют при таких явлениях ограждать себя знамением креста, закрывать глаза и, в решительном сознании своего недостоинства и неспособности к видению святых духов, молить Бога, чтоб Он покрыл нас от всех козней и обольщений, злохитро расставляемых человекам духами злобы, зараженными неисцельною ненавистью к человекам. Падшие духи так ненавидят род человеческий, что, если бы им было попущено невидимо удерживающею их десницею Божиею, то они истребили бы нас мгновенно[183]. Учение о вышесказанной осторожности и о спаситель-

ной недоверчивости к явлениям духов принято всею Церковью: оно есть одно из ее нравственных преданий, которое чада ее должны хранить тщательно и неупустительно. Святые Игнатий и Каллист Ксанфопулы говорят: «Никогда не прими, еслиб ты увидел что либо чувственно или умом внутри или вне тебя, хотя бы то был вид как бы Христа, или Ангела, или какого Святого, или мечтание света; но пребывай не веруя этому и негодуя об этом»[184]. В Прологе читаем о сем следующее наставление: «Некоторому монаху явился диавол, преобразившись в светлого Ангела, и сказал ему: Я – Гавриил; послан Богом к тебе». Монах отвечал: «Смотри: не к другому ли кому ты послан: потому что я, живя во грехах, недостоин видеть Ангела». Посрамленный этим ответом, демон тотчас исчез. По этой причине и говорят старцы: если и в самом деле явится кому Ангел не прими его, но смирись, говоря: я, живя во грехах, недостоин видеть Ангела. Некоторый старец говорил о себе: Пребывая и подвизаясь в келье моей, я видел бесов наяву, но не обращал на них никакого внимания. Дивол, видя, что он побежден, пришел однажды к старцу (преобразившись и в великом свете), говоря: я – Христос. Старец, увидев его, зажал глаза и сказал: я недостоин видеть Христа, Который Сам сказал: многие придут под именем Моим, и будут говорить: «Я Христос», и многих прельстят[185]. Диавол, услышав это, исчез; старец же прославил Бога. Сказали старцы: никак не желай видеть чувственно Христа или Ангела, чтоб тебе окончательно не сойти с ума, приняв волка вместо пастыря и воздав поклонение врагам твоим, бесам. Начало обольщения ума – тщеславие: увлекаемый им подвижник покушается образами и подобиями представить себе Божество. И это тебе должно знать, что иногда бесы разделяются на части: сперва одни приходят в своем виде, потом другие – в виде Ангелов, как бы в помощь тебе» (апреля в 22 день).

Преподобный Григорий Синаит в наставлениях своих безмолвнику говорит: «Хочу, чтоб ты имел точное понятие о прелести, чтоб тебе охраниться от нее, чтоб ты, в неведении, устремившись (ко лжи, прикрытой личиной добра), не получил величайшего вреда, и не погубил души твоей. Самовластие человека (свободная воля) удобно преклоняется к общению с сопротивными (с падшими духами), особливо самовластие не имеющих духовного знания (разума), как находящихся под постоянным влиянием их (духов). Бесы близки к новоначальным и самочинным, окружают их, распростирая сети помыслов, рвы падений и мечтаний пагубу: ибо град их (ум и сердце новоначальных и самочинных) находится в обладании варваров. И не должно удивляться, если кто прельстился, или сошел с ума, принял или принимает прелесть, или видит что противное истине, или говорит неподобающее от неопытности и неразумия. Не удивительно, если кто новоначальный обманут обольщением и по многих трудах: ибо это случалось со многими древними и нынешними подвижниками… Ты никак не прими, если увидишь что чувственно или умом, вне или внутри себя, будет ли то образ Христа или ангела, или какого святого, или если возмечтается и изобразится воображением в уме свет: ибо и самому уму свойственна по естеству мечтательность, и он удобно составляет образы, какие желает, что обычно невнимающим себе строго, и чем они наносят вред самим себе. Часто попущенное Богом для доставления венца многих повредило: ибо Богу благоугодно, чтоб самовластие наше было испытано, куда оно преклонится. Если кто будет принимать без вопрошения знающих то, что он увидит умом или чувственно, тот удобно прельщается, или склонен к прелести как легковерный. Немалого труда потребно, чтоб достигнуть точно истины и соделаться чистым от всего, противного благодати: ибо диавол обыкновенно показывает прелесть свою новоначальным во образе истины, преобразуя свои злохитрости как бы в нечто духовное. Почему, желающий достигнуть чистой молитвы в безмолвии, должен шествовать во многом трепете и плаче, всегда плакать о своих грехах, печалясь и боясь, чтоб ему не отпасть от Бога, не подвергнуться отлучению в этом или будущем веке. Диавол, когда увидит кого живущего плачевно, не пребывает там, боясь смирения, доставляемого плачем. Если же кто, водясь самомнением, мечтает достигнуть в нечто высокое, и стяжал ревность, исходящую от сатаны, а не истинную: того сатана удобно опутывает своими сетями, как своего слугу. По этой причине великое оружие –

совокуплять с молитвою и плач… Жительствующие же дерзостно и водящиеся своими разумениями, удобно повреждаются… Человек нуждается во многом рассуждении (т. е. в духовном разуме), чтоб стяжать различение добра от зла. Не вдавайся скоро и легкомысленно явлениям, но, пребывая тяжек, удерживай доброе по многом испытании, а лукавое отвергай: ибо ты обязан испытывать и рассуждать, и тогда уже веровать (тому, что окажется достойным веры). Знай, что действия благодати явственны. Их подать диавол, хотя и преобразуется, не может; не может подать ни кротости, ни тихости, ни смирения, ни ненавидения мира, не утоляет сластей и страстей, что все действие благодати. Действия же, истекающие от диавола, есть дмение[186], высокоумие, страхование и все виды злобы. От действия (производимого на душу твою) можешь познать воссиявший свет в душе твоей, от Бога ли он, или от сатаны»[187].

Вообще и помыслы, и сердечные ощущения, и чувственные явления бесовские познаются по плодам их, по производимому ими действию в душе, как и Спаситель сказал: «По плодам их узнаете их»[188]. Смущение, недоумение суть верные признаки помыслов, ощущений и явлений бесовских. Но и по этим признакам может познать искусителя только обучивший в течении долгого времени чувства своего духа к различению добра от зла[189]. Преподобного Елезара Анзорского посетил однажды (как бы) святой апостол Павел и сообщил ему некоторое таинственное учение. На другой день предстало преподобному точно такое же явление. «Я плюнул ему в лице» – пишет Елезар в своих записках – «и сказал ему: поди прочь, обольститель, с обольщениями твоими! потому что я ощутил его сердцем моим». Вот образец действия чувств, обученных различению добра и зла! Точно также обличил преподобный Пахомий Великий диавола, представшего ему в образе Христа (житие преподобного Пахомия Великого, мая в 15 день). Но для неопытных и новоначальных единственное средство к избежанию обмана, повреждения и погибели заключается в решительном отречении от всякого видения, по совершенной неспособности к правильному суждению о нем.

Какая причина ужасного лицемерства духов, лицемерства ужасного и по началу и по последствиям? Причина – очевидна. Всего яснее можем рассмотреть ее в самих себе: потому что человек участвует в падении отверженных ангелов, и если последует злым внушениям, приносимым ими, возникающим из падшего естества, то делается подобным демону. В числе свойств нашего падения мы замечаем сопутствующее всем беззакониям человеческим желание скрыть преступление и оправдать себя. Так поступали Адам и Ева по нарушении заповеди Божией (Бытие 3); так поступил первенец их Каин по убиении брата своего, Авеля (Бытие 4). Чем дальше человек от исправления и добродетели, тем сильнее и утонченнее в нем стремление прикрывать себя лицемерством. Намеренные, отчаянные злодеи обыкновенно бывают вместе и бессовестнейшими лицемерами. Закрытые личиною лицемерия, закрытые личиною добродетели и святости, они приготовляют и совершают величайшие злодеяния. Чем искуснее сочинена личина, тем удачнее выполняется злодеяние. Личиною лицемерства прикрываются и падшие ангелы. Они – отчаянные, постоянные, неисправимые злодеи злодействуют, наиболее принимая вид светлых ангелов, пророков, мучеников, апостолов, Самого Христа. Они стараются сообразоваться с обстоятельствами, с образом мыслей человека, с наклонностями, с впечатлениями, ими полученными. Некоторым подвижникам они представляют груды золота и серебра, так же и прочие предметы роскоши и земного великолепия, с целью найти отголосок мечте в душевной страсти корыстолюбия и любоимения, если она таится в душе; другим подвижникам с подобной же целью представляют трапезы с обильными яствами и питиями; иным обширные залы, оглашаемые музыкою, с толпами играющих и танцующих; иным являются в виде женщин, возбуждающих вожделение и собственною красотою и искусственными украшениями. Когда падшие ангелы захотят низложить кого-либо страхом: тогда являются в виде зверей, в виде палачей, в виде тюремной и градской стражи, в виде воинов со сверкающим оружием, с пылающими факелами, – преимущественно же в виде лиц, которые когда-либо

возбуждали в подвижниках страх. Иных они старались обольстить пением, будто бы ангельским, – гармоническою музыкою, будто бы небесною. Иных покушались ввести в заблуждение гласами и прорицаниями, как бы божественными. Иным они являлись в виде отсутствующих родственников и знакомых; иным являлись в каком-либо виде, свойственном человекам, уговаривая видящих, чтоб они не сомневались в них, не подумали, что они – отверженные духи, стараясь уверить, что они человеческие души, которых участь еще не решена, и которые по этой причине блуждают по земле, не обретши себе пристанища; при этом, они сочиняют какую-нибудь интересную сказку, способную возбудить любопытство в легкомысленных и привлечь их доверенность ко лжи, представив ее чистейшею и святою правдою. Последний способ обольщения особенно употребляется духами в наше время. Блуждающим душам доверяют и те, которые не верят в существование злых духов. Злым духам это-то и надо: тати и убийцы тогда именно могут совершать и предпринимать все злодеяния, когда те, против которых направлена их злоба, даже не верят их существованию. «Отсюду, – говорит преподобный Макарий Великий, – вражия козни, обманы и злоковарные действия весьма осмотрительно примечать должно. Ибо яко же Дух Святый чрез Павла всем вся бывает [для всех сделался всем], да вся приобрящет[190], тако и лукавый дух чрез злобу всем вся старается быти, да всех низведет в пагубу»[191].

Человек произвольно отверг общение с Богом и святыми Ангелами, произвольно вступил в общение со злыми духами, в один разряд с ними, в разряд существ отверженных Богом, враждебных Богу, подчинился злым духам. Спасение падшему человеку даровано туне Богом; но предоставлено на произвол принять или отвергнуть это спасение. Ему дана возможность, дана благодатная сила исторгнуться из разряда падших духов, свергнуть иго их; но предоставлено на произвол и оставаться в прежнем состоянии общения с ними, порабощения им. Для человеков неизбежны или плен или борьба. Благочестивый подвиг есть ничто иное, как деятельное принятие спасения, как явление нашего произволения, показываемое и доказываемое самым опытом, самою жизнью. Весьма естественно, что падшие духи стараются удержать нас в своем плене и общении, когда мы захотим расторгнуть общение, освободиться из плена; а нам необходимо доказать наше искреннее желание свергнуть их иго приведением в действие всех зависящих от нас средств к тому. Вступая подвижничеством в мир духов для приобретения свободы, мы встречаемся, во-первых, с духами падшими. Хотя втайне руководит нас, вспомоществует нам и поборствует за нас Божественная благодать, данная нам при Святом Крещении, без которого борьба с духами и освобождение из плена их невозможны; однако сначала мы бываем окружены ими, и, находясь по причине падения в общении с ними, должно насильственно для себя и для них исторгнуться из этого общения. По причине падения нашего естества в нас перемешаны добрые и правильные помышления и ощущения с помышлениями злыми и ложными. По причине смешения со вторыми и первые непотребны. Падшие духи стараются удержать нас в состоянии нашего падения, в котором мы по необходимости находимся в порабощении у них, и потому приносят нам греховные помышления и мечтания такие, которым сочувствует и которыми наслаждается наше падшее естество, или такие, в которых зло, отвергаемое даже падшим естеством, прикрыто личиною добра и истины. Действуя таким образом, чрез помыслы и мечтания, духи действуют точно также, когда начнут являться чувственно. Общий порядок иноческого христианского подвижничества состоит в том, что инока, по вступлении его в подвиг, встречают и окружают падшие духи, сперва действуют против него помыслами и мечтаниями, а потом и чувственным образом. Это ясно видно из жизнеописаний Антония, Макария, Пахомия Великих, Марка Фраческого, Марии Египетской, Андрея Христа ради юродивого, Иоанна Многострадального и всех прочих святых подвижников. Сперва они должны были бороться с помышлениями, мечтаниями и ощущениями явно греховными и прикрыто греховными; уже по прошествии долгого времени, после многих и постоянных усилий, ниспосылались им помышления и ощущения святые. Когда они достигли чувствен-

ного видения духов, то сперва встретили их полчища ангелов отверженных, а потом уже, после лютой борьбы, приближались к ним и входили в общение с ними святые Ангелы, как с отвергшими деятельно первое общение и деятельно показавшими способность ко второму общению. Этот порядок в подвижничестве явил над Собою Господь Иисус Христос, Спаситель наш, восприявший все наши немощи, кроме греха: сперва предстал Ему в пустыне искуситель диавол, потом, уже по побеждении диавола Господом, святые Ангелы приступили к Господу и служили Ему[192], говорит Евангелие.

Юным инокам, нестяжавшим достаточного познания духов из невидимой брани с ними в помыслах и ощущениях, опытные наставники монашества воспрещали усиленный подвиг поста, бдения, затвора, при каковых подвигах духи скоро начинают являться чувственно, и удобно могут обмануть подвижника к его повреждению и погибели[193]. К открытой борьбе с бесами способны весьма немногие, даже из иноков, способны из них те, которые стяжали о духах подробное познание в невидимой брани с ними, обучили сердечные чувства различению добра от зла при посредстве духовного ощущения, которых подвиг осенен Божественною благодатию[194]. Единственно правильный вход к чувственному видению духов – христианское преуспеяние и совершенство. Вводит в это видение тех, которые должны взойти в него, Сам Бог. Вторгающийся в чувственное видение духов самопроизвольно, поступает неправильно, незаконно, в противность воле Божией: невозможно такому избежать обмана и следующих за обманом самообольщения и повреждения. Само намерение его имеет своим началом обман и самообольщение.

Игнатий (Брянчанинов), святитель. Слово чувственном и духовном видении духов. – СПб., 1886.

Глава 6
Вселение и изгнание бесов

Вселение бесов: вымысел или реальность?

Иисус спросил его: как тебе имя?
Он сказал: легион, – потому что много бесов вошло в него (Лк. 8, 30)

Неужели действительно существуют бесы, и неужели возможно, чтобы человек сделался жилищем бесов?

Задавать такой вопрос в наше время кажется совершенно излишним, ибо вся жуткая современность убеждает нас в очевидности этого. Ничем другим, как только массовым беснованием, нельзя объяснить того подлинного ужаса, который сейчас происходит повсюду, начиная с нашей несчастной Родины – России и кончая странами так называемого «свободного мира», где это беснование порой лишь маскируется, принимая более «культурную» внешность и формы.

Но для нас, верующих христиан, достаточно и того, что рассказывает нам об этом евангельское чтение от Луки в главе 8.

Здесь живо повествуется о том, как Господь Иисус Христос избавил одного несчастного человека от множества живших в нем бесов.

Этот несчастный, одержимый целым легионом бесов, дошел до такого страшного состояния, что потерял облик человеческий. Он и в одежду не одевался, и жил не в доме, как все люди, а в гробах, т. е. в гробовых пещерах, где хоронили умерших. Много раз связывали его железными цепями, но он разрывал их и убегал, гонимый бесами, в пустыню.

Господь Иисус Христос, пришедший на землю для того, чтобы освободить людей от власти бесов, единым словом Своим повелел бесам выйти их этого человека, и он сделался после этого совершенно нормальным и здоровым, как и прочие люди. В благодарность Господу, он пошел по всему городу, проповедуя о том великом благодеянии, которое сделал ему Господь.

Итак, это евангельское чтение убеждает нас, во-первых, в том, что существуют бесы – духи зла, и, во-вторых, что эти бесы могут вселиться в человека и сделать его своей жалкой игрушкой, причиняя ему страшные страдания, лишая его облика человеческого и делая его страшилищем для других людей.

Неужели и теперь возможно это?

Современная действительность красноречиво свидетельствует о том, что это вполне возможно. Но, дабы оградить себя от этого, необходимо знать, как и когда это случается.

Как только человек оставляет Бога, отходит от Церкви, забывает молиться, хотя бы это было на мгновение, бесы тотчас же получают свободный доступ в его душу и начинают в ней хозяйничать по-свойски.

Вот почему, основное требование, которое постоянно предъявлял Господь Иисус Христос Своим последователям, это – требование непрестанного духовного бодрствования.

«Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение» (Мф. 26, 41) неоднократно повторял Он Своим ученикам.

«Бдите и молитесь!», то есть: будьте внимательны к себе, к своей душе, не допускайте себя ни на один миг забывать о Боге и прерывать свое молитвенное общение с Ним, ибо бес этого только и ждет, чтобы вселиться в твою душу и овладеть ею.

«Непрестанно молитесь!» – учит и св. апостол Павел (1 Фес. 5, 17).

И действительно: потому именно так много зла в мире, и особенно в наше зловещее время, что люди забывают Бога, и душами их овладевают бесы. Они научают человека всякому злу, а человек послушно исполняет их веления, хотя думает, что исполняет свою волю.

«Что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? умоляю Тебя, не мучь меня» (Лк. 8, 28) – так кричал гадаринский бесноватый, увидев Иисуса Христа. Но разве Иисус Христос пришел мучить его? Не пришел ли Он, наоборот, чтобы избавить этого несчастного от мучившего его беса?

Но в этом-то отчаянном вопле как раз и заключается разгадка ужасной тайны вселения беса в человеческую душу. Коль скоро человек, по неосмотрительности, допустил в свою душу беса, бес всецело овладевает им и так пленяет его «я», что человеку кажется, будто он сам все делает, а в действительности всеми поступками его руководит поселившийся в нем и пленивший его бес. Воля такого человека порабощена: она – в плену у беса, а то и целого легиона бесов. Поэтому-то человек и начинает отождествлять себя с живущим в нем бесом. Все, что приятно бесу, ему приятно; все, что враждебно и мучительно бесу, и ему враждебно и мучительно. Вот почему, увидя своего Спасителя, несчастный человек, вместо того, чтобы радоваться, отчаянно вопит: «Что Тебе до меня? Умоляю Тебя, не мучь меня!» Спаситель ему страшен, потому что Он страшен живущему в нем бесу. Нечистый бес испытывает муку, ощущая приближение к себе Сына Божьего, пришедшего разрушить его власть и козни, – мучается вместе с ним и человек, волей которого он овладел, подчинив ее себе.

Но что нам далеко ходить! Вышеизложенный пример из евангельской истории – это всего лишь яркая картина того ужаса, который и поныне встречается на каждом шагу, а особенно с того времени, когда целые несметные легионы бесов овладели нашей несчастной Родиной – Россией, залив ее кровью и слезами, а теперь овладевают постепенно и другими странами мира, готовя и им ту же страшную участь кровавого беснования.

Овладевают бесы человеком через так называемые греховные страсти, и, в особенности – через главный душевный недуг – гордыню, или самолюбие, которая является родоначальником-отцом всех прочих страстей и которая сама по себе уже роднит человека с бесом. От гордыни, или самолюбия, рождаются восемь основных страстей: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, гордость и тщеславие. Эти восемь страстей имеют бесчисленное множество разветвлений – скверных исчадий своих. На всех этих страстях и играют бесы, как бы на струнах музыкального инструмента, или, попросту говоря, каждая такая страсть и есть бес в человеке.

«Гордость – демон», так говорит об этом наш великий праведник св. Иоанн Кронштадтский: «злоба – тот же демон; зависть – тот же демон; мерзость блудная – тот же демон; насильная хула – тот же демон; насильное сомнение в истине – демон; уныние – демон; различны страсти, а действует во всех один сатана; различны страсти, а вместе – лай сатанинский на различные лады, и человек бывает одно, один дух с сатаной».

И вот что примечательно! Каждый одержимый страстью, как бы эта страсть его ни мучила и ни терзала, относится с самой крайней враждебностью ко всему, что противится, что враждебно, так или иначе, его страсти.

Злобный, гневливый человек ненавидит тихих и кротких, блудник не выносит чистых и целомудренных, сребролюбец пылает раздражением на щедрых и милостивых к нуждающимся.

И все одержимые страстями самыми большими врагами своими, личными врагами, считают своих обличителей и даже тех, кто, так или иначе, искренно стараются помочь им избавиться от держащей их страсти, указывая на губительность ее, уговаривают, увещевают, вразумляют их, а особенно, конечно, если они, видя безнадежность своих усилий, принимают решительные меры к их отрезвлению и возвращению на путь нормальной, психически здоровой жизни.

Одержимые той или иной страстью благоволят только к тем, кто потакает им, кто хвалит их и льстит им. Таких они считают своими лучшими друзьями и готовы сделать для них все на свете.

Но попробуйте только обличить закоренелого развратника-блудника и показать ему всю пагубность его нечистой страсти – как он возненавидит вас!

Попробуйте обуздать самопревозношение самохвала-гордеца, упивающегося тщеславием, или злобного раздражительного гневливца – они сразу станут видеть в вас смертельного врага!

Вот в чем ужас такого бедственного состояния, когда человек, одержимый страстью, не видит, что душа его находится в порабощении у беса или даже у целого легиона бесов, а потому он даже не желает освободиться, отождествляя себя с поработившими его бесами всецело!

Одними человеческими силами тут уже ничего не сделать: против бесов нужна благодатная сила Божья, которая одна только может изгнать бесов из одержимого ими несчастного человека и освободить его от страсти.

Но как нужно всегда, во всякое время, бдительно бодрствовать над собой, над своим внутренним состоянием, чтобы не дойти до такого ужаса. Ведь всякий одержимый страстями легко может дойти до того, что потеряет человеческий облик, как описанный в Евангелии Гадаринский бесноватый. А если и не дойдет до этого, то все же становится тираном-мучителем и для самого себя, и для окружающих, ибо «страсти», по выражению св. праведного Иоанна Кронштадтского, «это – тайные змеи, постоянно грызущие сердце человека и никогда не дающие ему покоя».

Все, что происходит в настоящее время в мире, невозможно объяснить иначе, как массовым беснованием. И не только в обыденной повседневной жизни, где воцарился невероятный бесстыдный разврат и совершаются самые чудовищные преступления, о чем постоянно сообщает пресса, но и в политической и в государственной и даже церковной и религиозной жизни всех вероисповеданий. Сам человек не мог бы дойти до того отвратительного ужаса, который то и дело приходится теперь наблюдать и слышать, до таких мерзких, гнусных извращений и изуверств.

Картина жизни современного мира – это лучшее доказательство, для каждого сомневающегося, того, что существуют духи зла, или бесы, и что они способны вселяться в человеческие души и делать их своими орудиями в неистовой борьбе с Богом и Евангельской Истиной.

А между тем сколь высоко, по учению Слова Божьего, наше предназначение!

«Ибо мы соработники у Бога, [а] вы Божия нива, Божие строение» – так пишет св. апостол Павел христианам (1 Кор. 3, 9).

И наш великий пастырь св. Иоанн Кронштадтский говорит, подтверждая ту же истину: «Кто построил себе дом, тот, по всему праву, и жить должен в нем. Мы – домы нашего Создателя: Он нас создал для Себя; Он и жить должен в нас, а не дьявол – этот убийца, вор, хищник, этот обманщик».

Вот почему Св. Церковь учит нас каждое молитвенное правило, каждое богослужебное чинопоследование начинать молитвенным обращением к Святому Духу, которое заканчивается словами:

«Приди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша!» – Аминь.

Аверкий (Таушев), архиепископ. Современность в свете Слова Божия. Слова и речи. – Джорданвилль, 1975.

Доказательства одержимости злыми духами

Бесноватые, или одержимые злым духом, бывают двух родов: на одних из них злой дух влияет только извне; другими же он владеет внутренним образом, владеет всем их существом, заставляет их изрыгать богохульства, говорить на языках, которым они совершенно не учились, открывает им разные сокровенные вещи, знакомит их с разными темными предметами философии и теологии.

Возможность и действительность бесноватости не подлежит никакому сомнению, она ясно утверждается как Святым Писанием, так и учением Церкви. Святое Писание с одной стороны сообщает нам много фактов бесноватости, с другой передает, что Сам Иисус Христос и его апостолы признавали бесноватых действительно одержимыми злыми духами.

Саул был одержим злым духом[195]; злой дух от времени до времени возбуждал в нем тоску, гнев и зависть в отношении к Давиду; или даже, если Саул приходил в гнев по каким-нибудь естественным причинам, демон овладевал им и приводил его в ярость. Бесноватые, о которых говорится в Евангелии[196], что они громко кричали, что Иисус есть Христос, что Он прежде времени пришел их мучить, что Он Сын Божий, представляют очевидно несомненный пример одержимых злым духом.

Сара, дочь Рагуила, которая была одержима демоном Асмодеем, который умертвил семь первых ее мужей (Тов. 3, 8), те люди, о которых повествует Евангелие, что они были заражены неисцелимыми недугами и болезнями, которые испускали изо рта пену, неистовствовали, избегали человеческого общества, которые были так сильны и страшны, что их нужно было связывать цепями для того, чтобы предохранить других от их нападений, – все это очевидно были одержимые злым духом.

Спаситель, в доказательство своего небесного посланничества, указывает на исцеление Им бесноватых. Он опровергает фарисеев, которые говорили, будто Он изгоняет бесов силою вельзевуловой; Он доказывает, что изгоняет их силой Божией[197]. Он говорит с демонами, жившими в бесноватых, угрожает им, повелевает им молчать. Все это очевидно доказывает, что Иисус Христос смотрел на бесноватых, как на действительно одержимых злыми духами. Подобно своему Божественному Учителю, апостолы и первенствующие христиане также смотрели на них, как на одержимых злыми духами.

Когда семьдесят учеников христовых, возвратившись со своей апостольской деятельности, отдавали Иисусу Христу отчет в своих трудах, они между прочим, сказали Ему, что и самые бесы им повинуются[198]. По воскресении Своем, Иисус Христос обещает своим ученикам, что они во имя Его будут творить чудеса, изгонять бесов и получат дар пророчества[199]. Все это и исполнилось буквально. Сами враги христиан, иудеи и язычники, так как они сами были очевидцами чудесных изгнаний демонов из бесноватых, совершаемых Иисусом Христом, его апостолами и вообще христианами, не отвергали действительности этих изгнаний, а только объясняли их по своему; одни приписывали их силе князя бесовского, другие – силе магии, силе известных трав.

Св. отцы Церкви первых веков, св. Иустин, Тертуллиан, Лактанций, св. Киприан и другие говорят, об изгнании христианами демонов из бесноватых с такой уверенностью и положительностью, что не остается никакого места для сомнения в действительности того, о чем они говорят[200]. Они ссылаются на своих собственных врагов, как на свидетелей защищаемого ими дела, и с твердой уверенностью вызывают их на то, чтобы в их собственном присутствии совершать опыты того, как сила веры христовой изгоняет злых духов из бесноватых, принуждает их к открытию их настоящего имени, к сознанию того, что язычники в своих храмах поклоняются только одним демонам.

Послушаем относительно этого предмета просвещенных писателей тех времен, когда еще совершалась борьба христианства с язычеством и когда между христианами часто бродили одержимые злым духом.

Арновий говорит: «Был ли когда-нибудь смертный подобный Иисусу? Нужно только произнести Его имя, и злые духи бегут, прорицатели замолкают, пророки – жрецы немеют, и все искусство хитрых магиков посрамляется»[201].

Св. Киприан писал к римскому градоначальнику Димитрию. «Приидите, посмотрите и послушайте, что такое делается в нашем присутствии с богами, которых вы чтите заклинаемые и изгоняемые силой божественного слова, они принуждены бывают оставлять одержимых ими людей, поражаемые божественной силой, с жалобными воплями, человеческим голосом возвещают они истину будущего суда, о котором учит наша вера. Придите и убедитесь сами в справедливости наших слов, вы увидите, что духи, которым вы так рабски удивляетесь, которых вы так рабски чтите, – дрожащие, плененные, связанные лежат у ног наших. Особенно ясно вы увидите ваше заблуждение, когда увидите, как ваши боги, изгоняемые силой нашего повеления, в вашем собственном присутствии, против своей собственной воли, будут сознаваться в своем собственном обмане и лжи»[202].

Кто хочет убедиться в истине сказанного, говорит св. Афанасий, тот пусть только при обольщеньях демонских, при ложных прорицаниях и чудесах магии совершить крестное знамение или произнесет имя Иисуса, и он тотчас увидит, что демоны разбегутся, оракулы умолкнут, чудеса магии и волшебства прекратятся[203].

«Приведите, – говорит Тертуллиан в одном сочинении против язычников, – приведите на судилище какого-нибудь действительно одержимого злым духом, и демон, по требованию всякого христианина, также публично сознается, что он злой дух, как прежде публично выдавал себя за Бога, или приведите на судилище кого-нибудь из тех ваших людей, которые говорят будто они действуют только одной божественной силой, которые под влиянием смрадных жертвоприношений приходят в экстаз и от времени до времени слышат слова, которые они во все горло провозглашают, как оракульские изречения… Возможны ли еще более ясные доказательства, более твердые доводы?»[204]

Сколько уверенности, сколько убеждения в этой торжественной речи! Как многочисленны и общеизвестны, должны быть случаи, когда христиане, являясь публично перед почитателями той силы, которая производила языческие чудеса, вынуждали ее к сознанию в своем ничтожестве? Какую, таким образом, победу над древней магией одерживали христиане еще прежде, чем своей собственной смертью доказывали, что имя их Бога, побеждает все волшебные силы ада!

Всегдашнее существование в Церкви заклинательных молитв против бесноватых, составляет новое доказательство действительного существования бесноватых; оно доказывает что Церковь и ее служители всегда признавали действительность бесноватости, так как они всегда употребляли против нее эти молитвы.

Бесноватые, которые были исцеляемы Иисусом Христом и христианами, были действительно одержимые злым духом, которые могли быть исцеляемы только силой Божественной, именем Иисуса Христа, силой заклинаний.

Нужно строго отличать действительных бесноватых от мнимых, равно как и действительных врачей от обманщиков. Бывают и такие бесноватые, которые только притворяются бесноватыми, для того, чтобы таким образом возбуждать к себе сострадание и получить подаяния. Бывают и такие заклинатели, которые только злоупотребляют именем Христовым с целью обмана; возможны и бывают и такие обманщики, которые подговаривают других притворяться бесноватыми с той целью, чтобы посредством мнимого исцеления их приобрести себе славу.

Некоторые думают, что злые духи по самой своей природе не могут действовать как на материю вообще, так следовательно и в частности на тела человеческие, и что следовательно бесноватость, как действительное обладание злого духа телом человеческим, невозможна.

Неверна та мысль, будто дух не может действовать на материю. Как же не может, когда мы постоянно имеем перед глазами очевидный факт такого действия? Ведь дух же человеческий действует на тело, выражает в нем свои движения, владеет, управляет им? Значит, духовная природа вообще может действовать на материю, следовательно, может действовать на нее и злой дух. Нам непонятен образ этого действия, но возможность и действительность известного акта и образ его совершения, совершенно различные вещи. И отвергать возможность и действительность известного факта на одном только основании, что мы не понимаем образа его совершения, было бы, конечно, слишком нелепо. Мало ли чего мы не понимаем из того, действительность чего не подлежит никакому сомнению? Разве мы понимаем образ внутреннего благодатного действия Духа Божия на душу человека? И, однако, признаем это действие несомненным фактом.

Также точно несправедлива и другая мысль, будто Иисус Христос и апостолы сами не признавали ни влияния злых духов вообще, ни существования людей, одержимых злыми духами, что будто они говорили об этом влиянии и об этих людях, как действительно существующем факте, только относительно к народным представлениям. Эта мысль прямо противоречит цели проповеди Иисуса Христа и апостолов. Ее цель была искоренить в людях заблуждения и научить их истине. Конечно, они имели цель главным образом научить людей таким истинам и искоренить в них такие заблуждения, которые имеют своим предметом нравственно-религиозную область человеческой природы и жизни. Но вопрос об отношении к человеку злых духов, о влиянии их на него прямо и непосредственно относится к этой области и есть один из самых главных и самых важных ее вопросов. Следовательно допустить, чтобы Иисус Христос и апостолы не только оставили без всякого внимания в людях какие-нибудь заблуждения относительно этого отношения и влияния, но даже утвердили эти заблуждения, в своей собственной проповеди и своем собственном учении признавали их за истинные понятия, совершенно невозможно, потому что это значило бы допустить со стороны их действие совершенно несогласное с их целью, положительно враждебное их цели. Следовательно, совершенно невозможное дело, чтобы они не только оставили без опровержения, но даже со своей стороны выдали за истину народное убеждение как вообще во влиянии злого духа на человека.

Также и так называемые бесноватые (одержимые злыми духами), невозможное дело, чтобы они не опровергли это, если бы сами не разделяли этого убеждения, если бы они признавали его ложным. И значит, если Христос и апостолы говорят об этом влиянии и об этих людях, как о действительно существующем факте, то слова их необходимо понимать в этом случае буквально, и необходимо признать, что они действительно сами признавали действительность этого влияния и действительное существование таких людей.

Знаменитый в свое время доктор медицины Фернель доказывает, что бесноватость совершенно неизлечима одними естественными медицинскими средствами, что от нее могут спасти только духовно-религиозные меры, влияние церковного заклинания[205]. Мнение, очевидно говорящее в пользу защищаемой нами истины и как взгляд самой науки, составляет очень важное доказательство.

Церковная история представляет бесчисленное множество примеров людей действительно одержимых злым духом. Кальмет представляет несколько подробных рассказов о бесноватых из истории Римско-Католической Церкви, которые хотя и не авторизованы нашей Православной Церковью, но вполне вероятны, и с точки зрения нашей Церкви имеют на своей стороне то значение, что представляется верованием всей западной Церкви.

Надворный советник и медик императрицы Марии Терезии[206], доктор де-Гаен, умер в 1770 году. В области литературы он снискал себе громкое имя больше ученого и искусного

из современных ему европейских медиков. Но он в главе, исключительно посвященной изучению ложных беснующихся, предлагает следующий ряд рассуждений: «Я посвятил себя изучению таких болезней, веря в возможность бесноватости. Нельзя допустить ни малейшего сомнения на счет доказательств, представляемых о бесноватости Евангелием, правдивой историей Церкви и учением святых отцов, как это с очевидной ясностью доказывает знаменитый Свитен, в своем трактате об эпилепсии»[207].

Андрей Цезальнин, знаменитый философ и медик, сообщая ученому комитету города Пизы, результат своих практических наблюдений, говорит, что все человеческие болезни могут происходить от действия злых духов[208].

Иоанн Фернель, блеск и слава французской медицины, не колеблясь, заявляет, что над миром видимым мы должны допустить существование другого мира, влияющего на первый. Что касается до болезней, причины которых заключаются в сверхъестественном, то они имеют сходные черты с теми, которые происходят от причин естественных. Но исключительный их характер состоит в том, что они не уступают медицине. Одно божественное слово над ними властвует; и когда они обрушиваются на наше тело, то демон, их причиняющий, производит в своей жертве удивительнейшие действия[209].

Фернель приобрел бессмертие не только через произведения свои по части медицины, но и через свою гениальность в математике[210]. Между тем Фернель допускает действие злых духов на человека; он верит, что приверженцы демона могут, посредством волхований, привлекать падших духов на тела своих врагов, и что эти демоны причиняют важные расстройства. Он заявляет, что одержимые бесом походят часто на обыкновенных бешеных, но имеют привилегию видеть будущее и отгадывать тайны…

Амвросий Паре (его по справедливости называют отцом французской хирургии), этот человек, не делающий шага без опыта, говорит: «Демоны преобразуются во всякую фигуру… действия их сверхъестественны: непостижимы… их невозможно истолковать и найти им причины… одержимые бесом производят разные явления; но спешу оговориться, что явления эти производят они через неизвестную галлюцинацию. Добавим, что главное искусство демонов состоит в омрачении нашего зрения».

Фортунад Фидель был отцом судебной медицины. Во второй главе своего сочинения, посвященного этому предмету, он говорит: «Я вполне убежден, что некоторые болезни, совершенно отличные от других, происходят от демонской силы. Чудесность в подобных случаях, очевидна. Одержимые бесом получают рвоту такими вещами, которых они никогда не проглатывали, которые не составляют предметы пищи. Они, не зная языков, говорят по-гречески и по латыни… читают диссертации о науках, которые им неизвестны… но скажем, что этого рода болезни имеют такой характер, по которому их легко различить[211].

Павел Закхиас, этот великий ученый так рассуждает об одержании бесом и о телесных страданиях, производимых демонами. Он отрицает те причины, по которым некоторые отвергают влияние духов на человека.

Фридрих Гофман, знаменитый практик и профессор университета в Галле, считается по своим достоинствам и знанию в числе лучших авторов по части медицины. В своем трактате о власти демонов над телом человека, этот ученый указал некоторые характеристические черты, позволяющие распознавать болезни беснующихся. Согласно его теории ни крики, ни конвульсии, ни судороги не служат признаком бесноватости. Гофман настаивает на том, что при бесноватости, к обыкновенным припадкам должны присоединяться: мания богохульства и похабства, знание и открытие тайн, или происшествий, совершающихся на дальнем расстоянии, способность говорить на неизвестных языках, развитие чрезмерной, нечеловеческой силы, неестественная рвота… таковы некоторые признаки бесноватости, указываемые этим ученым.

Христианская Церковь также имеет в среде своей многих знаменитых людей, признающих, подобно ученейшим докторам медицины, влияние злых духов на человека. Америка, погруженная в тысячи ересей, допускает ту же веру в это влияние устами знаменитейших своих ученых. И доктрина эта так еще сильна, что от одного конца Европы до другого заставляет отзываться о себе таких людей, одно имя которых составляет авторитет от южного до северного полюса ученого мира.

Святой Димитрий Ростовский, говорит, что «страхования бесовские нужно вменять в ничто; бесов нужно бояться так, как малых щенков, которые лают, но не кусают»[212].

Евстратий (Голованский Иоанн Антонович). Явления злых духов в прошедшее и настоящее время. – Киев, 1871.

Признаки беснования

В наше время, время отступления от христианства и все усиливающегося увлечения оккультизмом, все большее и большее количество людей начинает подпадать под насилие злых духов. Правда, психиатры стесняются признавать существование бесов и, как правило, беснование относят к категории естественных психических заболеваний. Но верующему человеку надо понимать, что никакие лекарства и психотерапевтические средства не могут прогнать злых духов. Здесь необходима сила Божия.

Вот отличительные признаки беснования, которые отличают его от естественных психических заболеваний.

Отвращение ко всему священному и имеющему отношение к Богу: Святому Причастию, кресту, Библии, святой воде, иконе, просфоре, ладану, молитве и т. д. Причем бесноватые чувствуют присутствие священного предмета даже тогда, когда оно скрыто от их взора: оно раздражает их, делает больными и даже приводит в состояние буйства.

Изменение голоса. Этот симптом не наблюдается при обычных нервных заболеваниях. Так как речь контролируется мозгом, над которым демоны не имеют полного контроля, а лишь над голосовыми связками, то и слова, которые исходят из уст бесноватого, звучат неестественно.

Ясновидение. Демоны не знают будущего, как и Ангелы не знают его: оно известно лишь Господу Богу. Однако демоны знают прошлое и видят настоящее в большой мере, чем обычные люди. Будучи духами, они могут почти мгновенно сообщить ясновидящему то, что происходит где-то далеко, даже в другой части света, так что слушателям может показаться, будто ясновидящий знает будущее. Когда ясновидящий предсказывает будущее, это всегда лишь догадки. Демоны, имея большой житейский опыт и зная гораздо больше людей, иногда способны довольно удачно предвидеть, что случится. Конечно, часто они ошибаются. Кроме того, иногда их предсказания исполняются не потому, что именно так суждено было случиться, а потому, что сам человек, внушив себе что-то, относящееся к его будущему, начинает сам подсознательно к этому стремиться и этим содействует осуществлению предсказанного.

Внезапное излечение. Психиатру может потребоваться несколько лет, чтобы вылечить своего душевнобольного пациента. Освобождение же от беса происходит мгновенно, после чего все признаки беснования исчезают, и человек становится нормальным.

Внезапное переселение. Есть опасность, что злой дух, обитавший в бесноватом, может внезапно переселиться или в того, кто пытается его изгнать, или в членов его семьи. Этот симптом отличен от опасности «заражения», которому подвергаются доктора и психиатры. Известно, что люди, имеющие постоянное дело с душевнобольными, могут сами начать обнаруживать разные психические ненормальности. При этом сам больной не получает никакого облегчения от того, что его врач «заразился». В случаях же бесовского переселения бывший бесноватый полностью освобождается от беснования, а другой человек так же внезапно подпадает под действие этого духа.

Хотя Господь Иисус Христос дал Своим ученикам мощные средства для изгнания бесов, однако не каждому человеку следует браться за это дело. Из Новозаветного Писания явствует один разительный факт в отношении нечистых духов, а именно, что они совершенно не могут устоять перед именем Христовым: Господь Иисус Христос имеет над ними абсолютную и неотвратимую власть. Еще при земной жизни Спасителя апостолы обратили внимание на то, что какой-то человек изгонял бесов именем Христовым. Смущенные, они рассказали об этом Христу и просили разрешения запретить незнакомцу пользоваться Его именем. Но Господь ответил им: «Не запрещайте, ибо кто не против вас, тот за вас» (Лк. 9, 50). Очевидно, этот незнакомец искренне верил во Христа, хотя и держался обособленно.

Однако опасно обычному человеку вступать в борьбу с нечистыми духами, даже имея оружие имени Христова. Книга Деяний повествует о том огромном впечатлении, которое производило на всех совершение апостолами чудес именем Христовым и, в частности, изгнания бесов. И вот, сыновья некоего иудейского священника Скевы, сами не христиане, а занимавшиеся заклинаниями ради дохода, захотели попробовать новый метод, которым пользовались апостолы. И вот они стали призывать имя Христово, чтобы изгнать злого духа из какого-то бесноватого. Вдруг бесноватый сказал им: «Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто?» И тут же бросился на заклинателей и, одолев их, взял над ними такую силу, что они нагие и избитые выбежали из того дома (Деян. 19, 14–17).

Из этого случая следует заключить, что имя Христово надо призывать с большой верой и благоговением – ради спасения человека, а не для практических целей или из тщеславия. При этом чрезвычайно важно самому быть защищенным силой Христовой, которая приходит от христианского образа жизни. Вообще дело изгнания бесов лучше всего предоставить людям, уполномоченным на это Церковью – священникам, епископам, духовным старцам. Здесь всякий личный энтузиазм и дерзновение чрезвычайно опасны. Дьявол очень опасный и коварный враг. Человек, самонадеянно вступающий с ним в открытую борьбу, может очень дорого поплатиться за свое легкомыслие.

Александр (Милеант), епископ. У порога геенны огненной. Свято-Троицкая Православная Миссия, 2000.

Рассказы о бесоодержимости в прошлом

Вселение беса в Нововасильевске

В 1870 году в Нововасильевске Вердянского уезда Таврической губернии, жила Екатерина Лаврентьевна Мазаева, – моя бабушка, родная мать моей матери, сообщает некто Г. Мамонтов.

Мне очень часто случалось бывать у ней, а иногда гостить по неделе и больше. Бабушка имела у себя служанку Дуню. Эта Дуня и есть героиня моего рассказа.

Дуня была одержима злым духом. Я называю его злым духом, как все очевидцы называли кого-то постороннего, пребывающего в Дуне, так как голос был слышен помимо ее воли; она не открывала рта, незаметно было ни движения лица, ни гортани, голос выходил как бы из внутренних частей ее организма, и выговор был мордовский, между тем как Дуня говорила чисто русским языком. Злой дух именовал себя «Свирид Степанович» и любил разговаривать со всеми. Свирид Степанович требовал от Дуни, чтобы она его кормила тем, что ему нравится, но Дуня отличалась честностью и никогда, не спросившись моей бабушки, ничего не брала и постоянно отказывала Свириду Степановичу. Тогда он начинал волноваться, Дуня падала, корчась в сильных судорогах, кричала, охала.

Присутствующие при этом спрашивают: «Что ты, Дуня? Что с тобой?»

«Я не Дуня, я Свирид Степанович».

Я сам спрашивал его: «Кто ты такой, Свирид Степанович?» он отвечал: «Я из мордвин[213], шел я в Киев молиться и поссорился с моим товарищем по путешествию. При этом, не имея воды для питья, я рассердился на свою жизнь и покончил с собою – повесился на сосне. После смерти мне много лет пришлось скитаться; меня ни в какое общество «духов» не приняли, и вот один благодетель посадил меня в Дуню, а она меня обижает, не дает мне того, что мне хочется; ей бабушка не запрещает кормить меня тем, что мне нравится, а она стыдится брать. Так вот я ей задам!» (Передаю, как он говорил). Затем начинались корчи, крик, стоны.

Иногда бывали и прорицания. Устами Дуни говорилось, что делается на больших расстояниях. Я помню, как однажды, когда Свирид Степанович разбунтовался и раскричался, бабушка подошла и спрашивает: «Ты что кричишь, Свирид Степанович? Замолчи!» Он отвечает: «А как мне молчать, когда сегодня умер твой родной брат, который живет в Новоголке, что недалеко от Александрополя за Кавказом, он болел три недели. Во время поездки в Тифлис, простудился и о его смерти сегодня написали вам письмо, которое получите через две недели». И действительно, через две недели бабушка получила письмо, которым сообщили ей о смерти ее родного брата и о том, что, в Тифлисе он получил простуду, заболел и умер.

Много было подобных случаев, о которых я в настоящее время не могу передать подробно, не помня лиц, кому он говорил. Впоследствии Свирид Степанович не стал рассказывать, говоря, что ему запретил один человек, но кто именно – не объяснил («Ребус» 1896 г., № 12).

Случай в Кантоне Реальмон

Деревня Сырак в кантоне Реальмон была местом проявления некоторых очень интересных явлений, бывших в семействе одного бедного крестьянина. Главное действующее лицо в этой странной истории – молодая двенадцатилетняя девочка, сделавшаяся объектом для проявления невидимой духовной силы. Вот что рассказывали об этом очевидцы, достойные полного доверия.

Явления впервые обнаружились в середине января 1890 года. Однажды, во время обеда молодая девочка, болезненная с самого рождения, обратилась к своим родителям со следующими словами: «Видите ли вы этого человека, который хочет сбросить на пол наше блюдо? Прикажите пожалуйста ему выйти». Родители, ничего не видевшие, предполагали, конечно,

что девочка бредит. С самого этого дня болезнь ее стала усиливаться и невидимая сила стала терзать ее разными способами. То бедная девочка собиралась вырвать себе глаз (и эта идея оставила ее лишь после того, как она действительно ослепла на этот глаз), то била сама себя; словом, здоровье ее делалось хуже и хуже, по мере того как невидимая сила овладевала ею.

В то же время в стенах, мебели и других предметах, бывших в доме, стали раздаваться различные стуки, в шкафах бутылки и посуда звенели и, казалось, готовы были разлететься вдребезги. Все это привлекло в дом множество любопытных, пожелавших взглянуть на странные, невиданные явления. Один из любопытных буржуа из соседнего местечка, был свидетелем следующего случая. Девочка, точно очнувшись от летаргии, сказала: «Ах, какое длинное путешествие мы сделали. Мы вернулись из Парижа, где посетили башню Эйфеля; как она хороша». И она стала подробно описывать устройство башни и другие предметы, виденные ею в ее воображаемом путешествии. Буржуа был крайне удивлен тем, что девочка, которая, как он знал, никогда не покидала своей деревни, так верно описывает Эйфелеву башню, Париж и другие города, через которые он проезжал. Еще более он удивился и даже испугался, когда она ему сказала: «Вчера вы ехали в экипаже, и лошадь чуть вас не опрокинула; мы были недалеко от этого места и сломали тополь, росший там». В самом деле, буржуа накануне ехал в своем экипаже, и лошадь едва не опрокинула его в пропасть, испугавшись падения дерева, сломанного бурею.

6 августа, в день ярмарки в соседнем местечке Гроле, сильным вихрем, поднявшимся около 2 часов пополудни, опрокинуло на ярмарочной площади телегу и разрушило несколько бараков торговцев. В тот же день вечером девочка говорила пришедшим к ней людям: «Мы также были на ярмарке, мы опрокинули там телегу и разрушили несколько бараков». Между тем никто не говорил раньше девочке об этом происшествии.

В другой раз, в то время когда она сидела на стуле, вдруг невидимая сила подняла ее к самому потолку и оттуда бросила ее на спинку стула, на котором она держалась некоторое время в горизонтальном положении. В то же время, когда все это происходило, девочка худела все более и более и, наконец, настолько ослабела, что вынуждена была все время оставаться в постели. Каждый вечер толпа любопытных осаждала больную, желая удостовериться в необыкновенных явлениях, о которых ходило столько слухов. Особенно удивляло посетителей, что свечи, стоявшие в комнате больной, сами собою тушились и снова зажигались.

Все эти необыкновенные явления привели к тому, что им решили положить конец, подвергнув девочку заклинанию. На эту церемонию собралось семь уполномоченных на то лиц. Когда в назначенный для этого день одно из этих лиц приступило к заклинанию, девочка закричала: «Ты хочешь меня изгнать? Но ты не в силах этого сделать! Ты знаешь очень хорошо, что в прошлом году ты украл виноград из сада твоего соседа».

«Да, это правда, отвечал заклинатель, я взял виноград не спросясь, но я положил там же деньги, соответствовавшие его стоимости». Другое уполномоченное лицо девочка упрекала за поведение, называя его бесстыдным. Короче говоря, из семи человек нашелся только один, которого не в чем было упрекнуть. Этому последнему и предоставлено было произвести обряд заклинания, в продолжение которого девочку корчило, и она сильно вырывалась; наконец, она громко вскрикнула: «Ты меня заставишь выйти на время, но я все-таки возвращусь опять», после чего она успокоилась. И действительно, после нескольких дней спокойствия те же самые явления снова возвратились, и несчастная девочка снова слегла в постель. («Ребус» № 35 за 1891 год).

Об изгнании бесов

«Впрочем у нас на Руси в среде простого народа и теперь еще иногда совершаются чудеса изгнания бесов.

Совершаются они через молитвы подвижников, подобных Серафиму Саровскому, а то и просто силою молитвы обыкновенных верующих людей; совершаются они в народе, который сохранил в себе еще огонь любви христианской и который поэтому не лишен Света Незримого.

О фактах таких исцелений мы имеем интересное автобиографическое свидетельство Ф. М. Достоевского. Описывая в своем романе «Братья Карамазовы» одно из подобных чудес, совершенных старцем Зосимою над «кликушею» (кликушество известный род психической болезни), Достоевский прибавляет к этому описанию лично от себя следующее:

«Не знаю, как теперь, но в детстве моем мне часто случалось в деревнях и по монастырям видеть и слышать этих кликуш. Их приводили к обедне, они визжали или лаяли по собачьи на всю церковь, но когда выносили дары и их подводили к дарам, тотчас «беснование» прекращалось и больные на некоторый промежуток времени всегда успокаивались. Меня, ребенка, очень это поражало и удивляло»[214].

Само описание чуда Зосимы над кликушею, основанное, очевидно, на одном из фактов действительной жизни, изложено в «Братьях Карамазовых» так:

«Старец стал на верхней ступеньке, надел епитрахиль и начал благословлять теснившихся к нему женщин. Притянули к нему одну кликушу за обе руки. Та едва лишь завидела старца, вдруг начала, как-то нелепо взвизгивая, икать и вся затряслась, как в родимце. Наложив ей на голову епитрахиль, старец прочел над нею краткую молитву и она тотчас затихла и и успокоилась».

Что такие чудеса исцелений продолжаются и поныне следует из другого интересного свидетельства, а именно – из сообщения писателя В. Геймана, который при своем описании Свияжского монастыря, где он был в июле 1913 года, изображает одно из чудес такого исцеления.

«Придя на утро к ранней обедне, я видел исцеление кликуши, – говорит В. Гейман. – Женщина лежала на полу, на тюфячке; две монахини осеняли ее иконой, а диакон читал в это время молитву. Женщина отчаянно кричала и вопила истерическим голосом на всю церковь. Но, когда ее осенили во второй раз, она вдруг успокоилась и приложилась к иконе. Оказывается, таких бывает каждый день очень много – привозят в монастырь отовсюду, везут из Казани, Симбирска, Перми – больше все сумасшедшие и «в нервах расстроенные, которые не в себе», как выразилась монахиня.

И каждому по вере и по молитве угодника Господь посылает, исцеление, – заключила монахиня наш разговор, – пишет г. Гейман. – По обычаю, в монастыре остаются после исцеления сорок дней; за время проживания в номере ничего не берут, кто сколько даст… «Я счел для себя большой удачей, – сообщает далее г. Гейман, – что был в Свияжском монастыре, видел то, чего никогда не видал и приложился к чудотворной иконе»[215].

Но вот здесь, для сопоставления с этими данными, интересно привести, как подобные случаи одержимости трактуются нашими психиатрами.

Для характеристики психиатрической трактовки этих сюжетов возьмем, например, статью специалиста по психопатологии проф. Бехтерева, написанную по поводу того, что ему пришлось видеть в одном из наших монастырей при отчитывании одержимого:

«У одержимого, – пишет Бехтерев, – обнаруживались разного рода насильственные телодвижения и своеобразный бред бесоодержимости. На вопрос, как твое имя – больной от имени вселившегося в него беса вещал «легион», давая тем понять что в нем находится не один, а бесчисленное множество бесов. На заклинание выйти из тела мнимый бес глухим голосом отвечал: «Не выйду, не выйду»[216]. Из той же статьи видно, что сам факт болезни этого одержимого г. Бехтерев подробно не исследовал; он без дальнейших рассуждений обобщил этот факт со случаями несомненного болезненного воображения людей, а именно с тем, когда человеку представляется, что в его желудок проник через рот зародыш лягушки, который там развился в целого гада.

Этими соображениями и исчерпывается вся трактовка г. Бехтеревым означенной одержимости бесом; победоносное сравнение с гадом приведено, и кто же станет возражать почтенному академику против того, что мысль о проникновении в человека лягушки есть чистейшее воображение.

Как видят читатели, разрешение вопроса о демонах доведено нашими учеными до простоты необыкновенной.

И вот, в контраст с подобными трактатами господ психиатров, невольно вспоминаешь психологические исследования об одержимости таких писателей как Достоевский и Гюисманс, которые на примерах одержимости Ивана Карамазова и Дюрталя, примерах, подробно разработанных, показали нам, что овладевающий пораженною страстями душою бес не есть величина воображаемая или мнимая, а есть сила реальная и страшно могущественная, проникнувшая в душу человека из сферы совершенно особой от видимого нами физического мира»[217].

Сила церковных заклинательных молитв

«Более 30 лет находясь в сане священническом, – рассказывает один пастырь, – и обращаясь в кругу с людьми разного состояния, я не раз слыхал от некоторых, будто бы злые духи не существуют, и что так называемые бесноватые суть или больные естественными недугами, или притворяются, чтобы избежать трудов, либо снискать сострадание к себе в людях богатых, но суеверных.

Не буду входить в какие-нибудь соображения о бытии духов: для православного христианина эта истина выше всякого сомнения. Укажу только на виденные мною примеры таких недугов, которые невозможно объяснить ни естественными причинами, ни притворством: они были действительно жестоки, а уступали единственно силе заклинательных молитв, положенных Церковью на изгнание злых духов.

12 августа 1856 года я был с моею женою по хозяйственной надобности в губернском городе Орле. Без нас дети, которых у меня восемь, особенно малолетние, гуляли, резвились, шутили. Более всех их отличался десятилетний сын мой Орест. Над ним домашние и соседи много смеялись и дивились разным его выдумкам. Чрез два дня, к вечеру мы возвратились домой и всех детей, слава Богу, нашли здоровыми. В сумерки работник по сельскому быту отправился на ночь в поле с лошадьми, а я пошел в огород свой с двумя детьми, Орестом и другим, девятилетним сыном Аркадием, чтобы там караулить овощи от бродящей ночью скотины. Не знаю, молились ли Богу или нет мои сыновья, ложась со мною спать, только скоро заснули, а я долго не спал. Около полуночи Орест мой вдруг поспешно вскочил, начал бегать около одонков и будто что-то ловил. Видя это, я сказал ему: «Орест, зачем ты встал и что делаешь?» А он мне на это: «Разбуди, пожалуйста, Аркашу: вот мы эту кошку поймаем, да и убьем; она с одонка бросилась ко мне на грудь, разбудила и больно зашибла».

Говоря так, он, между тем, не переставал что-то ловить. Разбудил я Аркашу, приказал ему пособить Оресту поймать, что он ловит. Аркадий, проснувшись, подумал, что брат его ловит какую-нибудь птицу, побежал к нему и спросил: «Где она?» – «Вот, вот, лови ее». – «Да тут ничего нет». – «Ты сам как слепой кот; видишь, кошка бегает». Так все это представилось Оресту.

Не допуская детей до ссоры, я приказал им опять лечь в постель. Аркадий скоро заснул, а Орест охал да кряхтел. С рассветом он пошел домой, но от боли в груди едва-едва дошел до двери. Кроме того, у него под коленями начало сводить жилы; заболела спина, появилась нестерпимая боль в голове, а скоро затем открылись и страшные корчи; дыхание у него сделалось тяжелое, глаза налились кровью. Он не мог ни пить, ни есть и из красивого и стройного ребенка сделался уродом.

Через неделю повезли мы его в г. Орел к известному там доктору Дашкевичу. Я рассказал ему о времени и причинах болезни моего сына. Доктор удивлялся моим рассказам и велел мне везти его в больницу, куда и сам скоро прибыл. Здесь приказал он служителю снести больного в зал больницы; фельдшерам велел его раздеть, растянуть у больного ноги и выправлять туловище. Больной кричал изо всей силы. После осмотра врач, обратившись ко мне, с насмешкой сказал: «Что вы привезли урода, испытывать что ли мое знание? Я вижу, он родился уродом, и его лечить нельзя». – «Помилуйте, доктор, – заметили ему я и моя жена, – испытывать вас мы не имеем надобности, потому что считаем за лучшего доктора, поэтому и обратились к вам с покорнейшею просьбою помочь нам в нашем горе. Он не таким родился, а таким сделался только одну неделю назад». Тогда врач сказал: «Ну, это нашей науки не касается, а везите его к русским бабкам, да про запас купите трескового жиру, мажьте им его и давайте по столовой ложке пить утром и на ночь, да сделайте ванну из сенной трухи, чтобы он распарился и вспо-

тел; белье переменяйте чаще. Вот что я, со своей стороны, могу вам посоветовать». Сказав это, он ушел.

Купив трескового жиру, мы привезли больного домой и сделали все, что предписал доктор; но больному сделалось хуже: дыхание у него стало порывисто; появился бред; ребенок стал близок к смерти, чего и сам желал от нестерпимой боли. Все мы скорбели о нем, а особенно мать. Она пошла к соседям и сказала им, что доктор отказался лечить, а велел свезти больного к какой-либо русской бабке, не знает ли кто такой? Тут старушка-соседка, вдова духовного звания, выслушав рассказ моей жены про болезнь сына, сказала ей: «Не возите его, матушка, к бабкам, а отслужите молебен Божией Матери Троеручице, да на волю Божию и отдайте его».

Жена рассказала мне про совет соседки-старушки; это было вечером. С рассветом я и все дети взяли на руки больного, понесли в церковь и положили его пред снятой иконою. Отслужил я молебен с акафистом Божией Матери и с водосвятием, окропил его святой водою и прочитал над ним Евангелие, а потом дал ему выпить святой воды. После этого он, хотя с поддержкою и трудом, мог уже из церкви дойти до дому, где и положили его на постель, и он скоро заснул.

Во время сна больной то охал, то вздыхал, то потягивался и зевал, и почти целые сутки подряд спал. С рассветом на другой день прямо с постели он быстро подбежал к матери и с радостью сказал ей: «Маменька! Полно плакать о мне, я теперь уже совсем здоров». И действительно, с этих пор он выздоровел и теперь учится в Орловском уездном училище.

Другой случай, с 23 на 24 июня 1858 года в селе прихода моего крестьянская жена, лет 40, по имени Вера, нрава угрюмого и сварливого, крепко и горячо бранилась с соседскими детьми за какую-то ничтожную, причиненную ей обиду. Я это слышал, так как она жила подле моего дома, но не хотел остановить ее, отложив сделать ей выговор до завтра. В ту же ночь, очень поздно, муж ее Василий пришел ко мне под окно и стучится. Я спросил: «Кто там?» – «Я, батюшка, – отвечал он, – пожалуйте к больной». – «Кто же у тебя болен?» – «Да жена умирает, – был ответ. – Я вчера не был дома, а на барщине; пришел домой поздно, и вот с нею сделалось что-то очень дурно». Я взял церковные ключи и хотел идти с ним за дароносицей в церковь, но он сказал мне, что святых даров брать не нужно, а чтоб взял я ту книгу, по которой читал над своим сыном Орестом во время его болезни. Потом прибавил: «Жена моя так взбесилась, что страшно к ней и подступиться».

Тогда я пошел прямо в их дом с требником и епитрахилью. Там была толпа народа, а бесноватая в одной рубашке с растрепанными волосами сидела на печи, зверски глядела на меня и стала плевать, потом горько заплакала, приговаривая: «Головушка моя бедная, зачем он пришел?»

«Что ты, Вера, плачешь? – спросил я ее, не подходя близко к ней. Она, выругав меня по-площадному, сказала: «Я не Вера, а Иванушка-молодчик, а ты-то зачем пришел?» И пустила с печи в меня поленом, которое пролетело мимо моей головы и попало в притолку дверей. Тут я сказал находившимся: «Возьмите ее и приведите ко мне». Четверо сильных мужиков едва стащили её с печи, а подвести ко мне помогли им другие. Она, между тем, всячески ругала меня и плакала. Несмотря на это, я, накрыв ее епитрахилью, стал читать молитвы над нею об изгнании бесов и на каждой молитве спрашивал: «Выйдешь ли ты?» «Нет, не выйду, – отвечал он, – мне и тут хорошо. – «Но убойся Бога, выйди». А он в ответ – то «выйду», то «нет». Наконец пришло время идти мне к утрени, и я велел нести ее за собою в церковь. Принесли.

Когда народ собрался, я просил всех стать на колени и усердно молиться Богу об избавлении Веры от беса, а сам опять начал читать молитвы и Евангелие. Тогда бес голосом Веры громко закричал: «Ох, ох, ох, тошно, тошно мне». Заплакала Вера голосом нечеловеческим, приговаривая: «Боюсь, боюсь, боюсь, тошно, тошно мне, выйду, выйду, не мучь меня!» Во все это время я не переставал читать. Потом Вера зарыдала и упала в обморок на пол и стала как мертвая. Так прошло с четверть часа. Я окропил ее святою водою, и она пришла в чувство,

потом дал ей воды проглотить, и она сотворила молитву, перекрестилась, встала и попросила отслужить молебен св. Иоанну Предтече.

Третий случай. В приходе моем есть деревня Зайцево; в ней живут крестьяне, принадлежащие к ведомству министерства государственных имуществ, люди в достатке и православные. Но лучше всех живут два родных брата в особых домах, оба женатые и имеют детей, только жены их часто ссорятся. Однажды жене меньшего брата в хорошую погоду вздумалось пересушить свое приданое имущество, и она развесила его на изгороди своей усадьбы. Часа через два после этого, собирая развешанное платье, вдруг видит она на миткалевой своей рубашке вырезанное на груди против самого сердца, пятно, величиною с медный пятачок, и подумала на старшую свою сноху, с которою часто ссорилась; тогда же почувствовала она нестерпимую боль в груди и лом в костях. С этого времени целую ночь не было от нее покою ни мужу, ни детям; все кричала она, бесилась и требовала ножа или веревки погубить себя и других. Ей не представлялось уже ничего родного, ничего святого; не было ни скромности, ни прежнего благоразумия. Муж ее должен был объявить соседям о ее поступках. Собрались соседи, посмотрели на нее и все единогласно порешили: «Это порча, надобно везти ее к знахарю-деду для отговора». Но одна старушка сказала: «Нет, не грешите, не возите ее, а ступай-ка ты к батюшке, пусть он посмотрит на нее». Приехали за мной. В это время больная начала беситься еще сильнее. Лишь только появился я с крестом и требником в горницу, она вся затряслась и, бледная как снег, смотрела на меня исподлобья, будто зверь. «Что с тобой, Авдотья?» – спросил я. – «А тебе что за дело, – отвечала она, – ничего». Я велел подвести ее ко мне. Подвели. Когда стал я читать молитвы и Евангелие и при этом осенил ее крестом во время чтения, она то тряслась, то плакала, то икала, то была холодна, как лед, то делалась черною и краснела. По окончании чтения молитв, я окропил ее святою водою, заставил перекреститься, дал ей напиться святой воды и спросил: «Легче ли тебе»? Она поклонилась мне в ноги и сказала: «Спасибо вам, батюшка, я теперь здорова, только кости болят». Теперь она совсем здорова.

Владея столь великими средствами борьбы с демонами, христианин не устрашится борьбы с ними, когда она предстоит ему. К несчастью, не все прибегают к этим средствам, или по неведению, или по неверию своему, или вследствие преувеличенного представления о силе злых духов. Многие забывают, что власть злых духов весьма ограничена.

В жизнеописаниях святых есть много свидетельств на то, как бесы сами сознавали свою немощь и свое бессилие со времени пришествия Господа на землю и особенно после крестной смерти Его. «С тех пор, как распят Иисус, – свидетельствовал бес преподобному Нифонту, – я слаб сделался». Сатана говорил преподобному Антонию: «Вот, я не имею ни одного места, не обладаю ни одним городом, нет у меня оружия; во всех городах и странах прославляется имя Христово; пустыни наполнились иноками». «Увы мне! – вопиял бес, когда святой Потит крестным знамением изгнал его из одной бесноватой девицы, – увы мне, отрок побеждает меня. Где теперь мне успокоиться, на кого устремить свои стрелы?» Диавол, явившийся святому Пахомию, говорил: «Никто никогда так не унижал меня, как ты: не только низлагаешь меня под ноги старых, но и юных научаешь попирать меня, и такое множество подвижников собрал против нас, оградив их страхом Божиим, что нельзя моим слугам и приблизиться к ним. Сия сила и власть надо мною начались со времени воплощения Бога Слова, давшего вам власть наступать на всю силу нашу».

Враждебны, злобны и гибельны действия злых духов на человека; но нельзя не видеть в них и благой цели Божественного Промысла о человеке. Борьба человека со злыми духами предохраняет его от беспечности и нерадения в подвигах спасения, побуждает к непрестанному духовному бодрствованию над собою и дает случай развить и укрепить ту добродетель, на которую нападают бесы; их разнообразные искушения научают человека, даже совершенного в добродетели, смирению, побуждая его не полагаться на свои силы, а обращаться за помощью к победителю ада и всей силы вражией, Господу Иисусу Христу; победа над искушениями диа-

вола увеличивает силу и славу имени Христова. «Крепость ваша возросла на меня вочеловечением Бога Слова, давшего власть наступать на всю силу нашу, – говорил бес преподобному Пахомию, – поэтому я не могу к вам приблизиться, и когда поборю вас, то бываю виновником пользы вашей».

Иные христиане вместо того, чтобы обращаться к действительным средствам против демонских козней, – средствам, которыми располагает только Святая Православная Церковь, обращаются к мнимым и ложным – разным знахарям и волшебникам. Они ложно думают, что, как волшебники могут «испортить», так они же в состоянии и прогнать злую силу. Но можно ли верить, что волшебники могут портить людей, т. е. поселять в них беса?

«Порченых», т. е. испорченных волшебниками или колдунами, никогда не было и теперь не существует. Суеверные волшебники или колдуны вредны лишь одним самим себе, а не другим людям; они только обманывают себя и других, – просто самообольщенные обманщики. Диавол ни в чем не может помочь суеверному волшебнику, потому что сам ничего не может сделать без соизволения Божия: без попущения Божия диавол не может даже приблизиться к человеку, как это видно из примера праведного Иова; равным образом диавол не может ослушаться повеления Божия, как это видно из многих примеров, описанных в Евангелии. Святой Иоанн Дамаскин говорит: «Диаволы не имеют ни власти, ни силы против кого-нибудь, разве когда будет сие попущено по смотрению Божию, как случилось с Иовом, и как написано в Евангелии о свиньях гадаринских. Но при Божием попущении они сильны, принимают и переменяют, какой хотят, мечтательный образ». Поэтому народное поверье, будто волшебники, или, так называемые, колдуны, «портят» людей, т. е. поселяют диаволов в каких им угодно людей, нелепое, и совершенно неосновательное. Не следует, потому, приписывать им особенной силы и страшиться их. Диавол поселяется в людей по попущению Божию, стало быть, сам по себе, никакой, посторонний человек-волшебник, или колдун, не может иметь в этом бедствии никакого участия или посредства. Поселяется диавол в бесноватых людей потому, что эти люди сами привлекли к себе злых духов; они сами приготовили в себе жилище для диаволов выметенное и убранное нераскаянными грехами, не занятое Богом и благодатию Божиею, подготовленное греховною жизнью для вместилища диавола. Бесноватые люди нераскаянными грехами своими вместо жилища Божия делаются вместилищем духа нечистого. Об этом так говорит Спаситель наш: «Когда нечистый дух выйдет из человека (изгнанный при крещении нашем), то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит. Тогда говорит: возвращусь в дом мой, откуда я вышел. И вот он идет. И если, пришедши, находит его не занятым (Богом, когда кто лишится Святого Духа за свою нераскаянную жизнь), тогда идет нечистый дух и берет с собою семь других духов (как семь духовных даров, так, в противоположность сему семь духов злобы, или семь смертных грехов и страстей; семь можно понимать и как обозначение множества вообще, а не в строгом смысле), – злейших себя, и вошедши, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого» (Мф. 12, 43–45; Лк. 11, 24–26). Таким образом, люди, одержимые злыми духами, которых привлекли в себя своими нераскаянными грехами; должны жаловаться в своих временных и вечных мучениях не на волшебников или колдунов, а единственно на одних самих себя.

В жизнеописаниях святых мы имеем много примеров того, что нераскаянные грешники наказываются иногда беснованием. К преподобному Аммону привели одного бесноватого отрока для уврачевания; но он сказал: «Украденного у вдовицы вола и вами съеденного отдайте, – и отрок выздоровеет». Так и случилось. Еще пример: святой Пахомий помазанием святым елеем исцелил от беса одну девицу после того, как она созналась отцу в своем грехе и обещалась более не грешить, а прежде того не хотел исцелять ее, как оскверненную блудом. В угодных же Богу людей бесы не могут войти: бес, изгнанный преподобным Парфением из одного человека, просил указать ему другого, в которого бы он вошел, и когда святой Парфе-

ний, отверзая уста свои, предлагал войти в него, диавол, сказавши: «Как я могу войти в дом Божий», – исчез.

И не для чего иного Бог допускает диаволу поселиться в человека, как для того, чтобы человек в нераскаянных грехах своих не погиб на всю вечность, но чтобы, мучимый бесом, он раскаялся и обратился к Богу. Таким образом, диавол делается невольным орудием спасения того человека, которого замыслил погубить. В этом именно диавол сознавался преподобному Пахомию: «Крепость ваша возросла на меня вочеловечением Бога Слова, давшего власть наступать на всю силу нашу, поэтому я не могу к вам приблизиться, и когда поборю вас, то бываю виновником пользы вашей».

Итак, «порча» есть пустое, вздорное и нелепое поверье: волшебники не могут ни поселить в бесноватых людях злых духов, ни изгнать их. Нечего бояться и страшиться их. Без воли Божией и волос с головы нашей не падает, а тем более не может совершиться без воли Божией что-либо, выходящее из круга событий обыкновенных. Все совершается под непосредственным распоряжением Божиим.

Иные христиане считают бесноватыми разных «кликуш». Но эти «кликуши», большей частью женщины, – люди почти всегда нервнобольные, заболевшие или от женских болезней, или от жестоких притеснений мужа и семейных, или от непосильных работ и недостатка отдыха и сна. Не сделав никаких выдающихся злых дел, которыми они могли бы привлечь к себе злого духа, эти женщины просто несчастные истеричные больные. Их нужно лечить и любовно с ними обходиться. Говорить им, что они бесноватые, крайне опасно и грешно. Это значит навязывать им, внушать им вредные мысли, под влиянием которых они действительно могут вообразить, что они бесноваты. Итак, не отвергая беснования и считая его крайне редким несчастием, допущенным Промыслом Божиим для исправления человека, мы советуем не считать всякую непонятную болезнь явно нервного происхождения за беснование. Конечно, мы не отвергаем и того, что среди так называемых кликуш могут в крайне редких случаях быть люди, одержимые беснованием в собственном смысле этого ужасного слова. Но опыт и наблюдение показывают, что в огромном большинстве случаев после надлежащего медицинского (нередко оперативного) лечения кликуши выздоравливают. Ясно, что в этих случаях они не были одержимы демонами.

Есть и такие христиане, которые добровольно ждут помощи от темных сил, забывая, что от врага спасения, кроме вреда, ничего ждать нельзя. Так многие прибегают к ворожбе, гаданиям и заговорам.

Господь заповедал Моисею: «Не ворожите и не гадайте» (Лев. 19, 26). «Не обращайтесь к вызывающим мертвых и к волшебникам не ходите, и не доводите себя до осквернения от них» (31 ст.). За ворожбы и гадания Церковь назначает шестилетнее покаяние, с отлучением от Святого Причащения.

Значит, грех не мал. А между тем, сколько найдется между нами лиц, повинных этому греху. Одних легкомыслие и шалость располагают прибегать к гаданиям, как к безвинному, по их мнению, средству позабавиться и убить время, которому не знают цены; других недовольство настоящим, нетерпение и недоверчивость к Промыслу заставляют вопрошать неведомое будущее, часто с боязнью и с сомнением, реже с твердою верою в возможность посредством гаданий и ворожбы выведать у судьбы то, что она так тщательно скрывает: т. е. что ожидает их в близком будущем, счастье или скорби, подвенечное ли платье, или саван гробовой?

Первым скажем, что для христианина и для христианки есть много занятий и благородней, и безвиннее, чем гадание, и человек разумный, понимающий свои обязанности и отношения к Богу и ближним, не захочет злоупотреблять легкомысленно временем, не захочет и других соблазнять дурными примерами. Вторым можно с искренним участием к их состоянию присоветовать: не прибегая к непозволенным средствам пытать сокровенное от нас будущее, со смирением предаться руководству всеблагого и премудрого Промысла, обратиться сердцем

и душою к Отцу Небесному и от Его благости с верою ожидать направления своих дел к наилучшему концу.

Бессмысленное желание узнать свое будущее заставляет их прибегать к средствам жалким, бестолковым, беззаконным, а часто и опасным. Ибо что такое гадание, ворожба, как не безумное и беззаконное покушение проникнуть в тайны, которые Господь сокрыл от людей, и которых, конечно, не разоблачить нам никакими путями? Кого вы вопрошаете? От кого доискиваетесь раскрытия вашей будущности? Зеркало, олово, воск и другие бездушные вещи, согласитесь, не могут ничего сказать вам; слушанье под замками, под окнами, на перекрестках и прочее – явная нелепость; итак, что же такое ваше гадание, ваши ворожбы, как не чистое безумие? Остается один лукавый клеветник и исконный душегубец, диавол, всегда готовый к подобным услугам. Многие гадатели и ворожеи, действительно, его и имеют в виду при своих преступных действиях. Иначе, почему же при некоторых гаданиях не дозволяется употреблять крестного знамения или иметь на себе креста? Видно, гадатели опасаются крестным знамением разрушить обаятельную силу диавола или прогнать его от себя и, таким образом, ничего не сделать, ничего не узнать. Но и диавол что вам скажет? Он во истине не стоит, всегда лжет, как ложь, по, самой падшей своей природе, и отец и изобретатель всякой лжи, обмана, коварства (Ин. 8, 44). Истина жжет и палит его более адского огня; и от него ли искать чего-либо дельного, правдивого, даже сколько-нибудь путного? И чего хочет он, вводя вас в заблуждение и научая вас прибегать к действиям беззаконным, богопротивным? Вашей погибели; и бойтесь, чтобы Господь Бог не попустил ему погубить вас в конец.

Всякой ворожбы и всякого заговора надо бояться, как дела бесовского. Христиане должны веровать в Бога, а не в сатану. Наш Бог Всемогущий, перед Ним и диавол трепещет, а потому во всех бедах, болезнях и несчастиях к Нему необходимо обращаться через служителей Его, а в болезнях и к врачу, но не к заговорщикам.

Во всех несчастных случаях христиане должны обращаться к Богу, и через служителей Его они всегда получат средства ко спасению, потому что Святая Церковь на всякий случай жизни положила особые молитвы, и через них от Господа сообщает особую благодать; кроме этого, Святая Церковь имеет много других благодатных средств: таинства покаяния, причащения и елеосвящения, всеосвящающий Животворящий Крест Господень, святые иконы, мощи угодников Божиих, освященный елей и прочее.

О, не приведи нам, Господи, иметь общение со врагом спасения!

Ангелы и демоны. – М., 1906.

Беснование прежде и теперь

И вот, весь город вышел навстречу Иисусу;
и, увидев Его, просили, чтобы Он отошел
от пределов их (Мф. 8, 34).

Что это за невероятное ослепление? Христос приходит в страну Гергесинскую, исцеляет двух страшных бесноватых, которые жили на кладбище и были столь люты, что никому не давали пройти тем путем, и вот… жители этой страны, вместо того, чтобы с благодарностью пасть к ногам Иисусовым и молить Его остаться у них, вдруг целым городом выходят к Нему навстречу и просят Его уйти от них прочь.

Что же это такое? Что за непонятное помрачение умов и сердец?

Облагодетельствованные гонят вон своего Благодетеля и в своем крайнем неразумии не желают даже воспользоваться дальнейшими благодеяниями, которые, несомненно, полились бы на них в изобилии, если бы Христос у них остался.

Но в чем же дело? Где причина такого их подлинно безумного поступка?

Им жаль стало свиней. Вопреки запрещению закона Моисеева, они разводили свиней, а Господь, изгнав бесов из несчастных бесноватых, в которых они жили, повелел им, по их же просьбе, войти в свиней, после чего взбесившиеся свиньи бросились с крутизны в море и утонули.

И это Господь сделал не без умысла, желая вразумить гергесинцев через отнятие у них плодов их беззаконного занятия. Но им все нипочем. И совесть их от этого не заговорила, и то, что двое из их сограждан избавились от мучений и перестали быть страшилищами для них, сделавшись нормальными людьми, им не важно, и то, что Сам Господь, великий Чудотворец, пришел к ним, конечно, для того, чтобы просветить и научить их, им не дорого.

Все их существо поглотило одно только чувство – жалость к погибшим свиньям и опасение, как бы дальнейшее пребывание у них Господа не нанесло им новых материальных ущербов и не нарушило бы их привычного греховного порядка жизни, излюбленного ими.

Вот до какого крайнего неразумия и ожесточения сердечного доводит грубое своекорыстие и привязанность к любимым грехам!

Но что смотреть нам на гергесинцев? Разве и теперь среди нас не встречаются люди, которые, подобно им, нисколько не дорожат общением с Богом, и выше всего для себя ценят своих мысленных свиней – свои греховные страсти и пороки, которые тщательно и заботливо в себе вскармливают, опекают и воспитывают, как гергесинцы свиней.

И таких людей теперь едва ли не большинство.

И Господа им не нужно, и Церкви они знать не хотят, и Евангелия не признают, слух свой от слышания Божественного учения веры и благочестия всячески отвращают, убегают от проповеди, от духовной беседы. Пренебрегая всем этим и даже боясь, как бы это не причинило ущерба или вреда их возлюбленным «свиньям», которые уже успели стать их кумирами, ложными богами, вместо Бога истинного, не заставило их отказаться от ставшего уже привычным греховного образа жизни.

Не так ли и мы возмущаемся и ропщем, когда Господь из любви к нам, отнимает у нас то, что приносило нам явный духовный вред: дурных друзей, богатство, славу, как отнял у гергесинцев противозаконно разведенное ими стадо свиней.

Свинья есть символ всякой грязи и нечистоты. Не так ли и мы, иной раз, забывая свое высокое человеческое достоинство, всякую грязь и нечистоту предпочитаем Господу своему?

А сколько среди нас, особенно в нынешние мрачно-зловещие времена, встречается людей, которые и сами вполне уподобляются этому нечистому животному, по изречению Псал-

мопевца: «Но человек в чести не пребудет; он уподобится животным, которые погибают» (Пс. 48, 13).

О, сколь велико падение наше! Как безумно мы губим себя, гоняясь за свиньями и теряя Господа! А ведь мы, братие, созданы по образу Божию. Какая это честь и сколько велико наше человеческое достоинство! Но современные люди об этой чести и об этом великом достоинстве говорят с усмешкой. Зато с каким-то восторгом и радостным упоением восприняли басню о происхождении человека от обезьяны: как будто обрадовались – все-таки ближе к свиньям, чем к Богу!

Черная и воистину свинская неблагодарность к Творцу и Благодетелю нашему Господу!

И это едва ли не самая характерная черта нашего «прогрессивного» XX века, для которого наиболее типичным является повальное Богоотступничество и разнузданный разврат; хамство и моральная нечистоплотность и распущенность.

И это уже есть тоже настоящее беснование нашего времени, которое еще хуже того беснования, что описывается в Евангелии, ибо оно более тонко и глубоко пронизывает насквозь всю человеческую природу и еще труднее поддается излечению, ибо нет ничего более трудного, как осатаневшей душе вернуть снова ее человеческое достоинство: человек становится одно – один дух с сатаной.

Мы это видели на нашей несчастной Родине, сделавшейся игралищем бесов; видим теперь, почти на каждом шагу, и в так называемом «свободном мире», где сатанизм уже получил все официальные права и признание, и где беснование, не имея никаких сдерживающих начал, распространяется все шире и шире.

К чему все это ведет, только совершенно слепому может быть не ясно!

«Да воскреснет Бог и расточатся врази Его!»

Аверкий (Таушев), архиепископ. Современность в свете Слова Божия. Слова и речи. – Джорданвилль, 1975.

Глава 7
Средства для успешной борьбы с демонами

Как защититься от нападения бесов?

Св. апостол Павел, превосходно исследовав наши обязанности житейские, как-то: обязанности жены и мужа, детей и родителей, рабов и господ, открывает другой мир, другие существа, нежели каковы мы люди, и вместе с этим показывает способ, как нам нужно вести себя в отношении к этому грозному невидимому миру.

В этом учении апостольском заключаются две главные истины:

1) Что кроме нашего мира человеческого, есть мир духов, – мир враждебный нам, существа злые, диаволы, миродержатель тьмы века сего.

2) Состояние человека на земле есть состояние воина, принужденного вести непримиримую брань с духами злобы, облекаясь в оружие Божие, – истину, праведность, веру, спасение.

Каким способом злые духи действуют на человека? В Священном Писании указаны различные способы этого действия:

1) диавол иногда употребляет злую хитрость, дабы прельстить неопытных. Так, в образе змия показался он в первый раз в раю и обманул праматерь нашу Еву.

2) Иногда нападает с яростью и силой львиной, дабы страхом насильно увлечь боязливого человека ко злу. В таком виде этот губитель описан апостолом Петром в следующих словах: трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить[218].

3) Иногда является в качестве доброжелателя, и советует употреблять самые жестокие опыты, дабы тем поколебать веру и терпение людей добрых. Пример такого доброжелательства видим в Иове многострадальном.

4) Иногда он преобразуется в ангела светлого, дабы светозарным видом и льстивыми внушениями ввести в обман и обольщение благочестивые души. Таким образом являлся он многим святым мужам.

5) Иногда показывается как царь и владыка всего земного и обещается все дать тому, кто поклонится ему.

Есть у него и другие бесчисленные способы к обольщению нас грешных: но главный и постоянный есть тот, который указан апостолом: это – кознь, то есть сатанинская хитрость, самый тонкий обман, тайное, незаметное лукавство, состоящее в невидимом внушении нам худых мыслей, греховных мечтаний. Нечистых похотений и чувств, – способ внутренний, духовный. И потому опаснейший из всех. Ни в какое время мы столько не чувствуем нападений на нас злых духов, как во время сна. Откуда происходят в нас эти страшные и ужасные сновидения, эти нелепые мечтания, эти беспокойные грезы, нечистые помыслы, необузданные покушения на страшные беззакония? Мы не замечаем этих явлений в жизни нашей, несмотря на то, что в них проходит большая половина ее; если же и замечаем, то стараемся объяснить их из обыкновенных причин, между тем как истинный источник таких явлений есть влияние на нас злых духов. Поэтому-то люди опытные в духовной жизни старались как могли поменьше спать, дабы не впасть в искушение от диавола, и всего больше советуют молиться, отходя ко сну. Сама Церковь положила замечательную на сон грядущий молитву, в которой умоляем мы, «Да воскреснет Бог!» в ту минуту, в которую мы, ложась спасть, как бы умираем, – и да исчезнут от нашего ложа бесы яко дым. Во сне душа, действуя более независимо от тела и предметом внешних, вступает в ближайшую черту соединения с миром невидимым, а потому сон телес-

ный для нашей души есть, можно сказать, время свидания с духами, доброй – с добрыми, а злой – со злыми и нечистыми.

Как мы должны вести себя в отношении к этому враждебному нам миру и как защищаться от нападения злых духов? Для решения этого вопроса обратимся ко второй половине чтения апостольского. Св. Павел взирает на человека христианина, как на воина стоящего перед лицом врагов своих и готового к защите от нападения: отсюда первая обязанность наша – бодрствовать непрестанно, всегда иметь в виду врага нашего, тщательно замечать все неприятельские движения и ежеминутно быть готовым к обороне. Итак, станьте: каждая минута духовного расслабления, рассеянности, нечаяния, есть с нашей стороны оплошность нерадивого воина, которую, не пропустит хитрый супостат без того, чтобы не уязвить душу нашу. То есть, чтобы не внушить нам нечистой мысли. Дурной страсти. Не возжечь огня похотений и прочего. Итак, станьте: обыкновенный воин, выходя на битву, облекается в доспехи, попеременно употребляет то одно, то другое оружие, сообразно с движением противников; так и христианин должен облечься во всеоружие Божие и действовать каждым из них, смотря по свойству и силе нападения злых духов. Итак, станьте, препоясавши чресла ваши истиною, то есть, не допускайте в ум ваш ничего, кроме ума Христова, не увлекайтесь мудрованием плоти, но ищите горнего, не ищите утонченных познаний светских, способствующих развитию нашего самолюбия, которого суть буйство у Бога[219], но постигайте науку Евангелия. Злые духи действуют против нас лестью и обманом, – вы действуете против них истиною и простотою Евангельскою; они – лукавством, вы – простотою ума; они внушают нечистые помыслы – вы питайте душу свою помыслами святыми и великими. Итак, станьте, препоясавши чресла ваши истиною.

Станьте, облекшись в броню праведности, или другими словами: защитите грудь свою, ваше сердце, волю вашу бронею праведности, так, как воин выходя на брань, одевается в латы. Когда диавол побуждает волю вашу к худым делам – вы делайте добрые.

Так, например, когда почувствуете в душе своей ненависть и злобу против другого, оскорбившего вас; то припомните ему заповедь Спасителя нашего – любить врагов своих и добро творить ненавидящим нас. Если злой дух побуждает вас к сластолюбию и невоздержанию, – вы вспомните, что вкушением с древа познания вошел первый грех в мир и что род лукавых ничем иным не может быть изгнан, как только постом. Если диавол наклоняет к обману другого, чтобы воспользоваться того достоянием; вы напротив отдавайте свое неимущим и остерегайте от обмана и ошибки людей простодушных. Итак вот облачение для нашего сердца и воли, сквозь которое не проникнут враги, если мы не будем снимать с себя этой брони.

Станьте, обувши ноги в готовность благовествовать мир. В борьбе с врагом избирайте такую точку, где бы вы могли стоять твердо и неуклонно, сражаясь до крови. Земные воины обыкновенно избирают на поле битвы выгодное местоположение: избирайте и вы тоже, по указанию Евангелия. Объясним это примером: если ты думаешь утвердить душевное благосостояние по стяжанию богатства, то это основание не твердо, и лукавый скоро выбьет тебя из него; ибо желающие обогатиться впадают в напасти и сети, которые готовит им само их стремление к обогащению. Если думаешь основать свое благосостояние на исполнении внешних обрядов веры, то и это основание не твердо; ибо Евангелие предписывает нам соблюдать истинное благочестие более в духе глубокого смирения, которое многоценно есть пред Богом[220] и постоянном хранении в чистоте своего сердца; ибо одни чистые сердцем Бога узрят. Итак, станьте, обувши ноги в готовность благовествовать мир, в постоянном исполнении заповедей Христовых.

Над всеми же возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого. Бывают случаи в нашей жизни, когда диавол нападает на нас с такою силою и яростью, что мы готовы пасть; прилагает искушения к искушениям, которые, как огненные раскаленные стрелы, стремятся в нашу душу. Так иногда, обуревают нашу душу страшные мнения касательно предметов священных, нападает отчаяние в безнадежности на милосердие Божие,

возникает неукротимое стремление страстей, жажды самых нечистых наслаждений, так что бедная душа и плоть наша, подобно стеблю бывают объяты самым гибельным пламенем. Человек чувствует, что все силы души его сгорают, все добродетели, какие он имел, одна за другой падают, как обломки зажженного здания. В такие минуты одно спасение для нас – вера, которой мы должны ограждаться как щитом, – вера в помощь Господа, с которой не страшно всякое ополчение врагов. Верою благочестивые подвижники побеждали царства, заграждали уста львов, угашали силу огненную; верою и каждый из нас может угасить все стрелы лукавого, против нас движимые, хотя бы эта вера была в нас так мала, как зерно горчичное.

И шлем спасения восприимите. Это значит, что наше вечное спасение должно быть также дорого нам, как дорога голова, что мысль о спасении и Спасителе нашем должны мы сохранять в сердце нашем также постоянно, как постоянно сохраняем свою голову. В противном случае мы будем то же, что воин идущий на брань без шлема, с открытою головою.

И меч духовный. Иже есть глагол Божий. Каким образом употребляется слово Божие вместо меча, это показал нам Спаситель, искушенный в пустыне, который на все предложения сатаны ответствовал словами из Священного Писания. Но мы, по примеру св. подвижников Христовых, вооружимся против всех нападений диавольских мечем молитвы и частого призывания имени Господа нашего Иисуса Христа с крестным на себя знамением. Святой же Симеон, архиепископ Фессалоникийский, об этой же священной молитве говорит: «Эта самая божественная молитва, Спаса нашего призывание: “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя” – есть и молитва, и моление, и исповедание веры, и Духа Святого подательница, и даров Божественных дарователь, и очищение сердца, и изгнание бесов, и вселение Иисус Христово».

«Не надейся прочее, – говорит св. Исихий Иерусалимский, – ни же веруй, во что-либо духовное успети, если не станешь повиноваться данной тебе заповеди призывать Иисуса Христа на всякий помысл злый и на всякую рать вражию, не найдешь крепчайшего оружия на врага на Небесах и на земле лучше имени Христова»[221].

Евстратий (Голованский Иоанн Антонович). Явления злых духов в прошедшее и настоящее время. – Киев, 1871.

Способы противостояния нечистым помыслам

Преполезное утешение и совет одного духовного отца, страждущему духовному сыну его от хульных и лукавых помыслов, находится в «Журнале воскресного чтения», которое здесь помещаю для нуждающихся в подобном утешении и совете.

«Ты жалуешься мне на беспокойство от нечистых помыслов, – сердечно скорбишь, плачешь о том, что они часто занимают тебя. Благодарный тебе за твою откровенность, и вместе как духовный отец твой, долгом считаю открыть, что, по милости Божией, знаю, что можешь обратить в свое утешение и назидание.

Ты нечто уже слышал от меня о преподобном Пимене[222]. Однажды к сему святому мужу пришел некто из иноков, и так говорил ему: «Авва! Меня смущают богопротивные помыслы; и я от них в опасности. Старец вывел смущенного инока на воздух и сказал ему:

– Раскрой у себя пазуху и не впускай ветра.

– Не могу сего сделать, отвечал инок.

– Если сего не можешь сделать, – возразил старец, – то худым мыслям не можешь воспретить, чтобы не беспокоили тебя. Твое дело противостоять им».

Краткое, но весьма великое утешение и наставление.

Нечистые помыслы, которых боимся, не от нас, – иначе мы не боялись бы их; они – произведение диавола, первого виновника всякой нечистоты: а кто из нас может повелеть диаволу, чтобы он не делал зла? Кто может этому льву заградить уста. Чтобы он не рыкал?

Здесь – в стране пришельствия – мы все открыты действиям его. Возьми в пример всех подвижников веры: все они подвергались подобным козням лукавого, – однако же это не было для них грехом. Я невиновен, что на меня лист пал, дует ветер, сыплет град: с моей стороны нужна только осторожность для безопасности. А самый высочайший образ святости Господь наш Иисус Христос? И Он, во дни плоти своей, был искушаем от диавола.

«Не впускай ветра в свою раскрытую пазуху», – сказал Пимен иноку. Но можно ли не впускать? Это было бы против законов естества. Так никому из верующих нельзя быть вовсе свободным от искушений диавольских.

В того не стреляют, кто уже застрелен, того не ловят кто уже пойман: так, пленник диавола свободен от стрел и ухищрений его, – он верная, несомненная, не требующая никаких усилий, добыча ада. Добродетельный или, по крайней мере, старающийся быть таким, искатель Царствия Божия, делатель в вертограде Христовом – такой только человек бывает целью, в которую метит стрелами своих соблазнов дух зла, враг Божий, ненавистник веры Христовой. Твоя жалоба на себя, признаюсь, меня даже утешает несколько.

Ясно вижу, что ты еще не пленник сил темных, – стоишь пока на пути добром, и собою только беспокоишь, озабочиваешь исконного человека убийцу.

Итак, если нечистые помыслы, на которые жалуешься, не твои и противны тебе, если самому Господу угодно попускать, чтобы был искушен ими, если они предполагают, что ты только под искушением, а не жертва его: то успокойся, – горесть твоя неуместна, тебе нужна только предосторожность.

«Дело твое противостоять им (богопротивным мыслям)», – сказал Пимен иноку. Как же противостоять? Я это объясню тебе насколько смогу.

1) При сознании в себе нечистых помыслов, внушаемых диаволом, не унывай и не смущайся. Знай, что твое уныние и смущение могут радовать врага твоего, и возбуждать его к дальнейшим большим поощрениям. Представь, что бывает между двумя соперниками, если один из них слабеет в духе: с одной стороны большое усилие врага, одушевленное надеждою окончательного успеха, с другой – большое ослабление, производимое страхом. Напротив, благоразумное равнодушие может постепенно обезоруживать самого закоренелого врага. Хорошо

делал один святой отец при подобных случаях искушения. «Не соизволяю, дух злобы, – говорил он, – на внушаемые тобою злые помыслы». И дух злобы отходил от него. Пес лает, и оставит тебя, – только не дразни его своим неравнодушием. Смело говори и ты; подобно сему отцу: не соизволяю, нечистый на лукавые твои внушения, или еще лучше – словами Архангела: «да запретит тебе Господь» (Иуд. 9).

2) В терпении твоем стяжи душу твою. Искушения от диавола могут быть часты, наглы и весьма продолжительны. Вникни в слова Спасителя: «Симон! Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу»[223]. Метать апостолами, как зернами!.. Хорошо, что Сын Божий молился о неоскудении веры. Или разбери со вниманием слова великого учителя языков Павла: «дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился»[224]. Жало в плоть на всю жизнь!..

Хорошо, столь высокого в совершенствах христианских нужно было только предохранить от самотщеславия и самопревозношения. Что бы надлежало делать нам, если бы Промыслом Божиим попущено было сеять нас, как пшеницу, – жалить нас через плотского нашего человека, во всю жизнь? Не унывать только и не смущаться – мало. Так можно дойти до беспечности столь же вредной, как бывает вредно и неблагоразумное, более благоприятствующее врагу бодрствование. Надобно терять, то есть, живо представлять себе опасность искушения, чувствовать и вместе положить себе за непреложное правило: непоколебимо стоять за честь святого звания, к которому мы призваны, – стоять, хотя бы то стоило мучений и самой жизни. Тебе известна история Иова: праведник, можно сказать, был терзаем искусителем; однако же не благословил в лице Бога, остался верным званию раба Божия. Терпи и ты, как бы часто, нагло и продолжительно не беспокоил тебя диавол. «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его»[225].

Земледелец награждается обильною жатвою после трудов, герой венчается славой после военных подвигов. Если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению, управь сердце твое и будь тверд[226].

3) Терпению должен быть предел, – и иначе оно не по силам человеческим. Такой предел назначен и твоему терпению. Надейся! «Верен Бог, – говорит апостол Павел, – Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести» (1 Кор. 10, 13). Бог попускает искушения, но вместе сообразуется и с силами искушаемого. Я могу предложить тебе нечто на этот случай из чтения Макария Великого. «Если и люди, – говорит угодник Божий, – знают, какую тяжесть может понести лошадь, какую осел, какую верблюд, и сообразно с этим возлагают на них тяжести; если и горшечнику известно, сколько времени нужно держать сосуды в огне, дабы они, пребыв более надлежащего, не растреснулись, или, будучи вынуты прежде времени, не сделались негодными для употребления; если у человека столько разума: то не гораздо ли, или несравненно ли более знает разум Божий, какое каждой душе послать искушение, дабы она очистилась и соделалась способною к Царствию Небесному? Пенька, если не будет много мята, не годна бывает на тонкую пряжу, – но чем более ее мнут и чешут, тем она делается чище и годнее. Младенец еще не способен к делам житейским и не может ни строить, ни садить, ни сеять, ни другое что-либо подобное делать: так и души, хотя бы много раз участвовали в божественной благодати и были ниспосланы им сладости духовных наслаждений, по благодати Господней к их младенчеству, – не будучи испытаны и искушены различными кознями злых духов, еще находятся в младенчестве и, так сказать, не способны к Царствию Небесному. Ибо божественный Павел говорит: «Если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны»[227]. Итак, искушения наводятся на человека для пользы его; ибо они делают душу более опытною и совершенною, и если душа будет терпеть их до конца с надеждою на Бога, то быть не может, чтобы не получила обетования духа и освобождения от них. Видишь к чему направлено это,

по-видимому, простое учение святого, столь опытного в делах духовных? К тому, чтобы все, искушенные от диавола, для собственной пользы великодушно терпели эти искушения и надеялись на Бога. Терпи же их и ты, и надейся».

Но от Макария Великого я снова призываю тебя к Пимену. Вот другое из назидательнейших суждений его об искушениях, которые объясню и предложу тебе, как четвертый и последний совет мой против нечистых и лукавых помыслов.

4) «Когда коноб (жбан), снизу поджигаемый, кипит, – говорит преподобный, – тогда мухи или другое насекомое не смеет прикоснуться к нему; когда же простынет, то и муха и другие насекомые свободно садятся на него: равным образом и к человеку, устремившему ум свой на духовные дела, не смеет прикоснуться враг рода человеческого. Кто же живет в небрежности и лености того низлагает он без всякого труда. Итак, для безопасности от искушений диавола вообще, следовательно, и от нечистых помыслов в частности, нужно заниматься делами, и особенно духовными. И обыкновенные занятия житейские, более или менее, преграждают путь к нам врагу нашему; ибо внимание наше, обращенное на что-либо одно, нелегко отвлекается другим. Но какие дела духовные?

Дух лжи и обмана ничем столько не побеждается, как истиною: а где эта истина во всей чистоте? В откровенном слове Божием. Все другие учения, более или менее, мутная вода. Посему читай или слушай, как можно чаще сие слово Божие, и ты умудришься во спасение. Оно есть дух и живот (Ин. 16, 63), оно будет для тебя светильником, сияющим в темном твоем месте, и при вооружении на духа – врага, мечем обоюдоострым. Оно насадит и возрастит в тебе побеждающую меру веру, – ибо эта «вера от слышания, а слышание от слова Божия» (Рим. 10, 17); оно утвердит тебя в надежде и любви, – ибо исполнено несомненных обетований божественных и непререкаемых свидетельств и беспредельной любви к роду человеческому. Таким образом, все, что необходимо для нас ныне, когда мы уразумеваем отчасти, будет совершенствоваться в тебе – к стыду и бессилию врага твоего.

Но для высшего успеха в этом святом занятии, чаще обращайся с молитвою к Богу, чтобы Он открыл внутренние очи твои, и ты, уразумел бы чудеса от закона Его. Да будет наставником тебе богомудрый царь-пророк: весь стовосемнадцатый псалом его возьми себе в образец твоей молитвы. Проси Господа об умудрении себя в слове спасения, проси Его непосредственно и о том, чтобы Он сам укреплял тебя против врага, силою Своею, в немощах совершающеюся, и чаще отгонял от тебя душегубителя. Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят (Мф. 7, 7–8)»[228].

Амфитеатров Я. К. Явления злых духов в прошедшее и настоящее время. – Киев, 1871.

О различных действиях помыслов, с которыми нужно бороться

Святые отцы учат, что мысленная брань или борьба, сопровождаемая победой или поражением, происходит в нас различно: сперва возникает представление помысла или предмета – прилог; потом принятие его – сочетание; далее согласие с ним – сложение; за ним порабощение от него – пленение; и, наконец – страсть.

О главных способах противоборства с приражающимися помыслами

Указав различные степени помыслов, возрастающих до страсти, преподобный Нил научает нас, каким образом противиться этим искушениям дьявольским, противопоставляя им молитву и безмолвие, и открывает те таинственные дарования, какими Господь благодатно просвещает Своих угодников, свыше всех помыслов человеческих.

Отцы, говорит он, наставляют, чтобы подвижник противостоял вражеской стороне с соразмерной ее действию силой, имея в виду, что он одержит победу, или потерпит поражение в уме своем. Проще сказать: нужно сопротивляться лукавым помыслам, сколько у нас есть силы. Следствием противоборства будут или венцы, или наказания; венцы – победителю, а муки – согрешившему и не покаявшемуся в сей жизни. «Согрешение, заслуживающее муку, по словам Петра Дамаскина, есть то, когда кто помысл приведет в исполнение, а тем, кои твердо борются и среди сильной борьбы вражией не изнемогают, – тем соплетаются светлейшие венцы».

Самая лучшая и благонадежная брань может быть тогда, когда помысл – прилог отсекается в самом начале, и когда будет непрестанная молитва. Ибо кто сопротивляется в первомыслии, то есть прилогу, тот, так сказать, одним ударом пресечет все последующие его действия: благоразумный подвижник умерщвляет самую мать злых исчадий, т. е. лукавый прилог – первые мысли, сказали отцы. А наипаче во время молитвы надо ум свой привести в такое состояние, чтобы он был и глух и нем, как сказал Нил Синайский, и иметь сердце упраздненным от всякого помысла, даже, по-видимому, доброго, как сказал Исихий Иерусалимский; ибо, по опыту известно, что за допущением бесстрастных, добрых помыслов, следуют и страстные худые: вход первых отверзает дверь и вторым.

Так всемерно нужно упразднять себя и от тех помыслов, которые представляются правыми, чтобы постоянно – беспрепятственно – зреть в глубину сердца и взывать: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», – произносить иногда всю эту молитву, иногда половину ее, сокращая так: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя», – или: «Сыне Божий, помилуй мя», как это будет удобнее для новоначальных, – научает святой Григорий Синаит. Впрочем, слишком часто изменять слов молитвы не должно. По произнесении: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», – отцы присовокупляют еще слово: «грешного». И это Господу Богу приятно, а нам грешным особенно прилично.

Взывай так прилежно, стоишь ли, сидишь ли, или лежишь, взывай, затворяя ум в сердце и – для внутренней беспрепятственности – сдерживая, сколько можно, самое дыхание, чтобы не часто дышать, как учит Симеон Новый Богослов. А Григорий Синаит говорит: «Призывай Господа Иисуса всеусердно, терпеливо и постоянно – пождательно, отревая всякий помысл». В том же, как полезно для средоточения ума в молитве сдерживать дыхание и не часто дышать, скоро удостоверит самый опыт, – говорят отцы.

Если не можешь молиться в безмолвии сердца и без помыслов и видишь, что они в уме твоем плодятся, то не малодушествуй об этом, и, ни на что не смотря, держись в молитве. Святой Григорий Синаит, совершенно зная, что нам, страстным, невозможно победить лукавые помыслы, сказал: «Никто из новоначальных не удержит ума и не отженет помыслов, если

Сам Бог не удержит его и не отринет помыслы. Только сильные и многопреуспевшие в духовном делании в состоянии удерживать ум и прогонять помыслы, но и они не своей силой прогоняют их, а с Богом подвизаются в противоборствовании им, облекшись благодатью и во всеоружие Его. Ты же, узрев нечистоту лукавых духов, т. е. помыслы, в уме твоем воздвизаемые, не ужасайся и не смущайся. И если бы стали представляться тебе, по-видимому, добрые какие-либо предметы, не обращай на них никакого внимания, но сколько можно, удерживая дыхание и затворяя ум в сердце, вместо оружия, часто и прилежно призывай Господа Иисуса. И все помыслы, как бы огнем опаляясь Божественным Именем Господа Иисуса, невидимо отбежат».

Если же и после сего не перестают вторгаться и стужать помыслы, то встань и помолись на них, – именно на них, т. е. на самые помыслы, и потом с твердостью продолжай первое дело, т. е. призывание Имени Иисусова, с затворением ума в сердце. А когда помыслы – и после молитвы на них – бесстыдствуют и нападают, так что невозможно сохранить умом сердце, тогда начни произносить молитву устами, и произноси ее непрестанно, долго, крепко и терпеливо. В случае же расслабления и изнеможения призывай Бога на помощь, понуждая себя, сколько есть силы, не прерывать молитвы; и все это с Божией помощью совершенно отгонится и исчезнет. А когда ум утишится и освободится от плена помыслов, тогда опять внимай сердцу и совершай молитву душевно или умно, ибо упражнения и труды добродетели многоразличны, но по отношению к трезвению все они суть только частности; сердечная же молитва есть источник всякого добра: как сады напояются водой, так она напояет душу, – говорит Григорий Синаит. Блаженный сей отец, уразумев писания всех духоносных отцов и последуя им, повелевает всеприлежно заботиться о молитве, отревая во время ее всякий помысл не только злой, но и кажущийся добрым, ибо безмолвием называет он, устранение на время всех помышлений, чтобы, приемля их как благие, не лишиться важнейшего. «Безмолвие есть – искать Господа в сердце, т. е. умом блюсти сердце в молитве, и этим одним быть всегда занятым», – говорит Симеон Новый Богослов.

Дело сие, т. е. ум блюсти в сердце, устранив все помыслы, пока не стяжется навык, весьма трудно. Трудно оно не только для новоначальных, но и для тех, кои, хотя долго уже трудились, но сладости молитвы, ощущаемой внутри сердца по действию благодати, еще не приобрели и не ощутили. И по опыту известно, сколь тяжело, жестоко это упражнение в молитве умной и неудобоисполнимо для немощных. Но тот, кто обрел благодать, молится без труда и с любовью, утешаясь благодатью: «Когда воздействует молитва, тогда действие ее совершенно сосредотачивает ум в себе, услаждает его и от всякого пленения освобождает», – говорит святой Григорий Синаит. Поэтому нужно, пока возможно, терпеливо пребывать в молитве, отвращаясь от всех помыслов, и до времени не вставать на пение. «Будьте постоянны в молитве, бодрствуя в ней с благодарением (Кол. 4, 2); и не скоро вставай, даже при ощущении болезненного томления и ослабления мысли – от (внутреннего) вопля и плача, помня пророческое слово: «Как беременная женщина, при наступлении родов, мучится» (Ис. 26, 17), и святого Ефрема, так научающего: «Боли болезнь болезненне, да мимотечеши от суетных болезней болезни». Григорий Синаит также повелевает, чтобы, преклонив главу и шею, мы немалое время терпели в молитве, усердно призывая на помощь Господа Иисуса, поникнув долу и собрав ум в сердце, если только оно отверсто уже; и в подтверждение сего приводит слова Самого Господа: «Яко нуждно есть Царствие Небесное, и нуждницы восхищают е». Под словами «нуждно» и «нуждницы» Господь, по Его толкованию, разумеет «крайнее тщание и болезненный труд». «Когда же ум от напряжения утомится и изнеможет, и когда тело и сердце почувствует некую боль от усильного и непрерывного призывания Господа Иисуса, тогда примись за пение, чтобы подать ему некую ослабу и упокоение». Таков высший чин делания духовного и таково наставление премудрых для всех подвижников, – один ли кто пребывает, или с учеником! «Если есть у тебя верный ученик, то пусть он читает псалмы, а ты сердцем внимай им». Так преподобный Григорий, собственным опытом прошедши путь духовный, повелевает нам все старание прилагать об умной молитве; псалмов же употреблять мало для прогнания уныния, прилагая и покаян-

ные тропари, только без пения, по слову Лествичника: яко не воспоют сицевии; довлеет бо им в веселие сердечная болезнь, яже о благочестии бываемая, и теплота духовная, подаваемая им в отраду и утешение, как говорит святой Марк. Велит он также присовокуплять и «Трисвятое» на всякое пение, или кафизму, и «Аллилуйя» – всегда, по чину древних отцов – Варсонофия, Диадоха и прочих.

Когда, по благодати Божией, почувствуется сладость молитвы и когда молитва воздействует в сердце, тогда более всего святой Григорий Синаит повелевает прилежать ей. Если, – говорит, – ощущаешь, что молитва действует в твоем сердце, не перестает производить в нем движения, не оставляй ее и не воставай на пение псалмов, пока, по смотрению Божию, она не оставит тебя; ибо, так поступив, ты оставил бы Бога внутрь, стал бы призывать Его вне себя, и спустился бы сверху вниз. Таким образом, ты и молитву упустишь и ум лишишь тишины его, тогда как безмолвие, по самому имени своему, требует, чтобы хранить его, т. е. ум в мире и тихом спокойствии: Бог есть мир, чуждый всякого смущения и беспокойства. А чтобы, при делании умной молитвы, не впасть в прелесть, не допускай в себе никаких представлений, никаких образов и видений; ибо парения – сильные мечтания и движения – не перестают быть и тогда, когда ум стоит в сердце и совершает молитву, и никто не в состоянии владычествовать над ними, кроме достигших благодатью Святого Духа совершенства и кроме стяжавших Иисусом Христом непоколебимость ума. Что касается до Златоустова устава, которым в духовном упражнении полагается час молиться, час читать, час петь, и таким образом проводить весь день; он добр, смотря по времени, мере и силе подвизающегося. Это, пусть будет в твоей воле: или располагать себя по этому распределению Златоуста, или же неотступно держаться того, чтобы всегда пребывать в деле Божием – в умной молитве. Неведущим молитвы умной, которая, по слову Лествичника, есть источник добродетелей, напояющий их, как духовные насаждения, подобает много и долгое время проводить в пении и часто сменять одно духовное упражнение другим. Из упражнений же иные приличны живущим в безмолвии, а иные – в общежитии. То или другое, по слову премудрых, хорошо в своей мере и на своем месте. Впрочем, отцы сказали, что петь надлежит в меру, наиболее же – быть заняту молитвой. Но когда найдет разленение, должно петь псалмы или читать о житии и подвигах отцов, ибо для ладьи нет надобности в веслах, когда несет ее ветер и переносит через море страстей; когда же ладья остановится от безветрия, тогда надобно употребить весла, или даже иную меньшую ладью для перевоза.

Желая поспорить, некоторые указывают на святых отцов и на нынешних подвижников (т. е. современников преподобного Нила Сорского), кои совершали всенощное стояние и непрестанное пение… Но таковым святой Григорий Синаит повелевает отвечать от Писаний так: «Не во всех все совершенно, по недостатку тщания и по изнеможению силы, а и малое в великих не всегда мало и великое в малых не всегда совершенно. Не все подвижники, древние и нынешние, одним и тем же путем шествовали, и не все до конца исполнили». О достигших же преуспеяния и о сподобившихся просвещения тот же отец говорит, что им надобно не глаголание псалмов, но молчание, непрерывная молитва и созерцание: они соединены с Богом, и непотребно им отторгать ум свой от Него и подвергать смущению. Ум таковых, когда отступит от памятования – в умной молитве – о Боге и возьмется через меру за дела не столь важные, прелюбы деет.

Испытавший такое высокое состояние, святой Исаак Сирин пишет, что когда приключается духовная неизреченная сия радость, она внезапно отсекает в устах молитву, ибо тогда как бы престают уста и язык и сердце – хранитель помыслов, и ум – кормчий чувств, и мысль – скоролетящая докучливая птица; тогда уже мысль не имеет своей молитвы и движется не самовластием, но сама она наставляется иной силой, содержится в таинственном пленении и обретается в непостижимом, которого сама не ведает. Это есть то, что называется собственно ужасом и видением молитвы, а не самая молитва, ибо ум бывает тогда уже превыше молитвы,

которая отлагается ради обретения лучшего, и он находится в исступлении, без всякого желания, по слову апостола: «В теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает» (2 Кор. 12, 2). Молитву святой Исаак называет семенем, а сие состояние собранием снопов, когда жнущий сам изумляется неизреченным видением того, как от худых и голых зерен, которые он посеял, внезапно прозябли перед ним зрелые колосья. Молитвой же сие называется потому только, что от нее происходит, и святым дается сие неизреченное дарование, которого имени никто определить не может. Когда действием духовным подвигнется душа к божественному и, через непостижимое соединение, уподобится Божеству, и просветится в своих движениях лучом высокого света, и сподобится ум ощущения будущего блаженства, тогда забывает сама себя, все временное сущее здесь, и уже не имеет движения в чем-либо: возжигается в ней неизреченная радость, закипает в сердце несказанная сладость, насыщается этим и самое тело, человек забывает не только какие-либо страсти, но и самую жизнь свою, и думает, что Царство Небесное не в ином чем состоит, как в этом состоянии. Здесь-то испытывается, что любовь Божия слаще жизни, и разум, еже по Бозе, от которого рождается любовь, слаще меда и сота.

«О, чудо! – восклицает Симеон Новый Богослов, – какое слово сие изглаголет, ибо это страшно воистину и свыше всякого слова! Вижу свет, которого не имеет мир, и, сидя в келлии, вижу внутрь себя Творца мира, и беседую с Ним, и люблю Его, и питаюсь единым Боговедением и, соединившись с Ним, превосхожду небеса: где тогда тело? Не знаю, ибо Господь меня любит и в Самого Себя приемлет, и на объятиях скрывает и, будучи на небесах, в то же время и в моем сердце, и здесь и там виден мне. Владыка являет меня не только равным Ангелам, но и преимуществующим перед ними, ибо невидимый для них и неприступный существом, мне виден бывает и с моим соединяется существом. Это есть то, о чем возвещает апостол: «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку» (1 Кор. 2, 9), – и, пребывая в этом, не только не хочешь выйти из келлии, но желал бы укрыться в глубине земли, дабы и там, вне всего мира, созерцать бессмертного своего Владыку и Создателя. Согласуясь с Новым Богословом, и святой Исаак говорит тоже, что когда отымется у человека покрывало страстей, от мысленных его очей, и узрит он сию неизреченную славу, – внезапно ум его возвышается до ужаса, и если бы Бог не положил предела в сей жизни такому состоянию, – сколько в нем оставаться, – то, хотя бы допущено было продолжаться ему и во всю жизнь человека, никогда не захотел бы он выйти из сего дивного видения. Но так устрояет Бог, по Своей милости, чтобы на время умалялась благодать Его во святых, чтобы могли они промышлять и о братии своей служением слова, поучающего благочестию; ибо, как говорит Макарий Великий, если бы кто имел такую благодать, чтобы постоянно быть объятым сладостью сих чудесных видений, не мог бы он более ни о чем временном слышать или говорить, или принять на себя тяжесть словесного учения и какой-либо малейшей заботы. Вкусившие однажды, в мертвенном сем теле, бессмертной пищи и в маловременном мире сподобившиеся отчасти той радости, которая предуготовляется в Небесном Отечестве, уже не могут прилепляться красным мира сего, или бояться чего-либо скорбного и лютого, но с апостолом дерзают восклицать: «Ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 8, 39)».

Все это, по слову святого Исаака, принадлежит тем, кои видели таковые опыты и чувствовали их в себе самих, достигнув дара сего, при руководстве отцов, и после радостных стараний и труда в житии своем. Мы же непотребны, многим грехам повинны и многих страстей исполнены; и потому самому не заслуживали бы даже и слышать о таких предметах. Но уповая на благодать Божию, я осмелился сказать о них несколько слов из Святых Писаний духоносных отцов, да познаем, хотя не вполне, как мы окаянны и как безрассудны, прилепляясь и пристращаясь к миру сему, скопляя вещи тленные, и ради их вдаваясь в заботы и смуты, с вредом для душ наших. И все это мы в похвалу себе поставляем и добрым делом считаем! Но горе нам! Мы не понимаем достоинства душ наших, не разумеем, для какой жизни призваны,

говорит святой Исаак. Жизнь наша в мире сем, ее скорби, ее блага и покой почитаются нами за нечто важное; о жизни же по духу, погрузясь в леность, миролюбие и беспечность, мы говорим, будто она свойственна была только древним святым, а нам она не нужна, да и не возможны такие подвиги… Но не так это, не так! Не возможны они для тех, кои беспечно порабощают себя страстям, кои не хотят каяться, истинно прилежать Духу Божию и предаются неполезным попечениям мира сего. А тех, кои усердно каются, кои с многой любовью и страхом взыскуют Бога, и к Нему единому взирают, и по заповедям Его поступают, тех всех Господь принимает, милует, дарует им благодать Свою и прославляет их. Так уверяет нас все Божественное Писание. В древности многие отцы и сами проходили поприще сие и других руководили по нему; только ныне не то уже стало, по оскудению руководителей. Но кто всецело посвятит себя делу Божию, того сама благодать Божия вразумляет, тому она способствует отныне и до века. Тех же, кои не хотят подвизаться и суесловят, будто в настоящее время не подает уже Бог древних дарований, тех апостол называет прельщаемыми и прельщающими других. Есть такие, кои и слышать не хотят о том, что и ныне есть благодать. Но Григорий Синаит называет их омраченными крайним нечувствием, неразумием и маловерием.

Мы же, уведав все сие от Святых Писаний, если желаем прилежно заняться делом Божиим, да удаляемся, сколько можно, от суеты мира сего, заботясь истребить страсти, сердце свое соблюдая от лукавых помыслов и во всем исполняя заповеди Божии. А чтобы блюсти сердце, нужно всегда иметь молитву. В этом состоит первая степень иноческого возраста, и без этого невозможно умертвить страсти, – говорит Симеон Новый Богослов. Время наиболее благоприятствующее иноческим занятиям есть ночь. «Во время ночи наипаче должно упражняться иноку в своем иноческом труде», – сказали отцы. Блаженный Филофей Синаит сказал, что ум очищается наипаче ночью. И святой Исаак говорит: «Всякую молитву, которую приносим ночью, почитай важнее всех дневных дел: сладостное чувство, которое постникам даруется во время дня, исходит от света ночных занятий иноческих». Согласно с сим прочие святые учат. Поэтому святой Иоанн Лествичник сказал: «В нощи наиболее занимайся молитвой, менее – пением». Но «трудясь – в умной молитве, – востав помолися», – сказал он же в другом месте.

Таким-то образом и нам должно поступать, когда ум утрудится в умной молитве, т. е. занять его пением псалмов, или тропарей, или иного чего, смотря по тому, какое кто имеет правило. Но при этом нужно помнить, что «многоглаголание, по словам Иоанна Лествичника, часто рассеивает ум во время молитвы, а малословие нередко собирает». «При несобранности же помыслов наипаче займись чтением», – сказал святой Исаак; тоже и Ангел заповедал Антонию Великому: «Когда ум твой рассеивается, тогда более прилежи чтению или рукоделию». «Новоначальным же, когда найдут на них помыслы, весьма полезно какое-либо рукоделие с молитвой, или служение – занятие из послушания, особенная же и наибольшая для них в этом потребность бывает, когда обуревают их помыслы печальные и унылые», – научают отцы.

Вообще же, в этом мысленном делании, святой Исихий Иерусалимский предлагает четыре способа: или прилоги блюсти, то есть следить или наблюдать за ними, и отревать их в самом начале; или хранить сердце глубоко, упразднив его от всякого помысла, и молиться; или – призывать на помощь Господа Иисуса Христа; или – память смертную иметь. Все это затворяет двери для лукавых помышлений; и каждый из сих способов, обретаясь в ком-либо порознь, называется трезвением ума нашего и мысленным деланием. Внимая всему этому, каждый из нас да подвизается подобающим ему образом.

У святого Макария Египетского в беседе 8 о совершенной молитве совершенных говорится так: «Иногда во весь день чем-нибудь занятый, на один час посвящает себя молитве, и внутренний его человек с великим услаждением восхищается в молитвенное состояние, в бесконечную глубину оного века, так что всецело устремляется туда парящий и восхищенный ум. На это время происходит в помыслах забвение о земном мудровании, потому что помыслы насыщены и пленены божественным, небесным, беспредельным, необъятным и чем-то чудным,

чего человеческим устам изречь невозможно. В этот час он молится и говорит: «О, если бы душа моя отошла вместе с молитвой!» Человеку надобно, так сказать, пройти 12 ступеней и потом достигнуть совершенства. В иное время действительно достигает он этой меры и приходит в совершенство. И вот благодать снова начинает действовать слабее, и человек нисходит на одну ступень, и стоит уже на 11-й. А иной, богатый благодатью, день и ночь стоит на высоте совершенства, будучи свободен и чист, всегда пленен и выспрен. И такой человек, если бы так было с ним всегда, не мог бы уже принять на себя служение слова, или иное какое-либо бремя, не согласился, бы ни слышать, ни позаботиться, как обыкновенно бывает, о себе и об утреннем дне, но только стал бы сидеть в одном углу, в восхищении, как бы в упоении. Посему-то совершенная мера не дана ему, чтобы мог он заниматься попечением о братии и служением слову…

Как и чем укреплять себя в подвигах против восстающих на нас вражеских сил

Изложив полное учение о мысленном делании, преподобный отец наш Нил предлагает затем и средства, как и чем укреплять и оборонять себя в борьбе против вражеских восстаний, или – в мысленном подвиге, и – в чем состоит вся полнота делания в жительстве нашем.

Укрепление в борьбе внутренней и подвиге мысленном, указанное во всех Писаниях, состоит в том, чтобы, когда сильно будем ратуемы лукавыми помыслами, не возмалодушествовать, и не унывать и не остановиться, и не прекратить дальнейшего течения своего на пути подвига. Когда поражаемся от скверных помыслов, хитрость дьявольской злобы влагает в нас стыдение, удерживающее нас воззреть к Богу в чувстве покаяния и вознести против них моление; но мы да побеждаем их всегдашним покаянием и непрестанной молитвой, и не дадим плещи врагам нашим, т. е. да не обратимся вспять, хотя бы на каждый день по тысячи ран принимали от них. Решимся в себе самих даже до смерти никак не оставить живоносного сего делания; ибо вместе с искушениями ниспосылается нам сокровенное посещение милости Божией.

Святой Исаак говорит, что не только нам, страстным и немощным, приключаются мысленные падения, но и тем, кои стоят на высокой степени чистоты и кои под мышцею – предохранением разума Господня, проводят жизнь свою в достоблаженном безмолвии; но после сего вслед за искушением у них бывают мир и утешение, и помыслы целомудренные и тихостные. О, сколь часто человек бывает немощен, и в немощи и в бессилии своем поражаем и повергаем долу! Но когда он же исторгает знамя из рук сильного врага, тогда имя его провозглашается перед всеми, он превозносится перед сподвижниками своими и перед прочими, отличавшими себя в брани, и приемлет венец и драгоценные дары, преимущественно перед всеми своими сверстниками. Вот как святые ободряют нас и удаляют от ума нашего всякое сомнение, дабы мы в борьбе мысленной, во время смущения от наносимых скверных помыслов, не ослабели и не пришли в отчаяние!

А когда удостоишься посещения благодатного, не обеспечивайся, т. е. не предайся беспечности и не превозносись; но смиренно обратись к Богу, благодаря Его и приведи на память согрешения, сделанные тобой, по попущению. Помяни, как глубоко ниспадал ты тогда и какой был тогда у тебя скотский – несмысленный ум. Размысли об окаянстве естества своего, перечисли все нечистые помыслы и те скверные плоды, которые наполняли душу твою, когда она охладевала без теплоты благодатной. Представь тот час смущения и бесчисленных движений, который постиг тебя, незадолго перед сим, при омрачении твоем; вспомни, как скоро и внезапно уклонился ты на сторону страстей и услаждался ими, погрузясь во тьму умом своим. И все это вспоминая, кайся и укоряй себя.

Разумей и то, что все сие Промысл Божий наводит на нас для того, чтобы нас смирить. Вот чти и блаженный Григорий Синаит сказал об этой цели: «Ежели человек не будет побеждаем и поражаем, одолеваясь всякой страстью и помыслом, если он не примет ран от духа злобы, не обретая помощи ни от дел, ни от Бога и ни от чего-либо иного, так что во всем утесненный

едва не приходит в состояние безнадежности, то он не может сокрушиться и смириться до того, чтобы поставить себя ниже всех, счесть себя последнейшим рабом перед всеми, и даже худшим самых бесов, так как от них он стужаем и побеждается». И то имеет Промысл Божий целью, в благоустроении своем, вводящем человека в смирение, за коим всегда следует возвышение от Бога, чтобы даровать смиряемому божественную силу, действующую и совершающую в нем все, употребляющую его как орудие свое и производящую через него чудеса Божии.

Внимай этому со страхом: если не смиришь мудрование свое, то благодать оставит тебя, и ты, конечно, побежден будешь в том, в чем искушаем был от находящих помыслов; ибо твердо стоять в добродетелях сам собою не можешь: это есть дело благодати, которая носит тебя, как мать свое дитя, на руках своих, сохраняя тебя от всякой сопротивности.

Крайне надобно опасаться, чтобы нам самим не подать повода к укреплению восстающих на нас лукавых помыслов, а это бывает в таких случаях, когда станем проходить путь Божий неправо, не усердно и превратно. Итак, кто желает совершенствоваться в любви Божией, истинно спастись и творить дело Господне, тот со многим усердием и тщанием да жительствует и сколько есть силы да подвизается во всем, согласно с Божественным Писанием, все благочестно исполняя во смирении, всегда с ревностью, без разленения и расслабления!

Вся полнота делания в жительстве нашем заключается в том, чтобы всегда, во всех делах, во всяком начинании, душою и телом, словом и делом и помышлением, сколь есть в нас силы, пребывать в деле Божием, с Богом и в Боге. Блаженный Филофей говорит, что подобно тому как мы, живя еще в мире, посреди его суеты, порабощены были всем умом и всеми чувствами греховной прелести, подобает нам, когда мы начали жительствовать по Боге, всем умом и всеми чувствами работать Богу Живому и Истинному, сообразуясь с Его истиной и волей, исполнять Его святые заповеди и всячески удаляться от всякого дела, Богу неугодного, по слову Божию: «Все повеления Твои – все признаю справедливыми; всякий путь лжи ненавижу» (Пс. 118, 128).

В частности: восстав от сна, прежде всего должно прославить Бога устами и исповедаться Ему, а потом уже и начинать делание, т. е. молитву, пение, чтение, рукоделие и какое понадобится поделие, т. е. что-нибудь между делом. Ум же всегда должно иметь утвержденным в благоговении и уповании на Бога, дабы все творить в благоугождение Богу, а не ради тщеславия или человекоугодия, твердо ведая, что везде Сый и вся исполняяй – Господь всегда с нами; ибо Тот, Кто даровал нам ухо, все слышит; и Кто создал око, все видит.

Если случится с кем-либо беседовать, беседа твоя да будет по Боге богоугодна, с опасливым хранением от роптания, осуждения, празднословия и любопрения. Таким же образом и в пище и питии все со страхом Божиим да приемлется.

Наипаче должно соблюдать себя во время сна, благоговейно, с помышлениями внутрь себя собранными, и с благочинием в самом положении наших членов; ибо сон сей маловременный есть образ вечного сна, т. е. смерти, и возлежание наше на одре должно напоминать нам положение наше во гробе. И при всем этом всегда должно иметь перед очами своими Бога, по примеру Давида, говорящего о себе: «Всегда видел я пред собою Господа, ибо Он одесную меня; не поколеблюсь» (Пс. 15, 8). Поступающий таким образом всегда в молитве пребывает.

У кого тело здорово, тому надлежит утомлять и упражнять его постом, бдениями и занятиями, требующими усилия и труда, например, поклонами и тяжелыми рукоделиями, да будет оно порабощено душе и да избавимся от страстей благодатью Христовой. Если же тело немощно, следует подкреплять его, сколько то потребно.

О молитве же никто да не вознерадит – ни здоровый, ни немоществующий. Ибо телесный труд – в должной мере – требуется от тех, кои имеют здоровое и крепкое тело; мысленное же дело, состоящее в том, чтобы ум иметь в богомыслии и в памятовании о Боге, и чтобы крепко держать себя в любви Божией, это дело на всех лежит неотложно, не исключая лежащих в тяжкой болезни.

К ближним нашим, по заповеди Господней, должны мы иметь любовь, и если они находятся близко к нам, да явим ее словом и делом, когда это не нарушит любви Божией, а когда они далеко от нас духом, да простираем любовь свою к ним, изгоняя из сердец своих всякое злопомнение о них, смиряя и преклоняя души свои перед ними, и исполняясь желанием послужить им благоусердно. Если Господь узрит нас таковыми, то и прегрешения нам простит, и молитвы наши, как благоуханное приношение, приимет, и милости Свои преизобильно на нас излиет.

Замечательно, что преподобный Нил, говоря о высоком благе молитвы, не оставил без наставления и тот промежуток времени, который бы нам можно было употребить для принятия пищи, пития и т. п. «Даже, – говорит он, – и в нужней потребе ум сокровенне да поучается, ибо и сие страхом подобает исполнять».

В заключение же всего этого отдела святой Нил говорит: «Вот благодатью Божией сказали мы кратко – от Святых Писаний – о мысленном делании, как т. е. различны вражии восстания и брань, которые бывают во время подвига сего, какое при этом потребно противоборство, т. е. что лучший для этого способ – хранить сердце свое в молитве без всяких помыслов. Изъяснив отчасти силу и действие всего этого, мы дерзнули указать святые сказания о том, какой благодати сподобляются те, кои проходят путь сей самым делом, а я не достоин и прикоснуться к таковым. Еще сказали мы о том, чем может укрепляться труждающийся в таком великом делании, и о том, какую и как проходить жизнь тому, кто заботится о достижении в этой первой и первейшей борьбе – великой победы, т. е. безмолвия ума и истинной молитвы.

Иустин (Полянский), епископ. Преподобный и богоносный отец наш Нил, подвижник Сорский, и устав его о скитской жизни. – М., 1902.

«Держи ум твой во аде»

«В начале века, в 1905 году, в Свято-Пантелеимоновом русском монастыре на Афоне преподобный Силуан молился в своей келье, но бесы мешали ему достигнуть чистой молитвы. Он сидел на табурете и говорил: «Господи, Ты видишь, что я хочу молиться Тебе чистым умом, но бесы мне не дают. Научи, что я должен делать, чтобы они отошли от меня». Он получил ответ в душе: «Гордые всегда страдают от бесов». «Господи, – говорил Силуан, – скажи, что я должен делать, чтобы смирилась душа моя?» В его сердце прозвучал тогда ответ Бога: «Держи ум твой во аде и не отчаивайся».

Смысл этой заповеди неочевиден, поэтому нуждается в некотором уточнении, – задача столь же трудная, сколь и необходимая! Трудная потому, что, дабы понять смысл этих слов Христа во всей их глубине, надо самому иметь тот же опыт, находиться в том же духовном состоянии, как и тот, к кому они были обращены, и все же необходимая, так как этот известный ответ, данный Христом преподобному Силуану (иногда это единственное, что знают о нем) цитируется часто, но не всегда правильно…

Слово, обращенное к преподобному Силуану («Держи ум твой во аде и не отчаивайся»), было именно тем способом духовного врачевства, которое позволило выжечь всякий след гордости, чтобы его душа смирилась. В начале своей монастырской жизни, примерно шесть месяцев спустя после прихода в монастырь, отец Силуан был удостоен одного из самых великих даров, которые только может получить человек: ему явился Христос и благодать Святого Духа наполнила его целиком – душу, тело и ум. Но он не имел еще той духовной зрелости, которая позволила бы ему сохранить эту благодать. К тому же он встал на путь самомнения из-за ошибки отца Анатолия, который не смог скрыть своего удивления и неосторожно заметил: «Если ты теперь такой, то что же ты будешь под старость?»[232] Эти слова посеяли в Силуане помыслы, что тот редкий дар, который он получил, дает ему превосходство над другими монахами.

Помыслы открыли дверь атакам бесов, и в течение пятнадцати лет Силуан вел борьбу со страстью гордыни, которая проявлялась различными способами. Она действовала в нем не только через мысленные образы, но и позволила бесам зримо являться ему. Что же было делать, чтобы избежать этих нападений?

И тогда Господь открыл преподобному Силуану, что именно гордыня есть причина нападения бесов и, чтобы победить ее, надо погрузить ум свой во ад: «Господь меня пожалел, и Сам научил меня, как надо смиряться: Держи ум твой во аде, и не отчаивайся. И этим побеждаются враги»[233].

Это предписание действительно ужасно, но в нем нет ничего патологического. Оно выражает основной духовный закон: Бог гордым противится, а смиренным дает благодать (1 Пет. 5, 5). В этом духовном врачевании нет ничего нового, но в случае старца Силуана оно выражается наиболее радикальным способом. Эти наставления, выраженные по-разному и с различной степенью интенсивности, можно найти на протяжении всей истории Церкви. Возьмем несколько примеров таких наставлений из «Изречений Отцов Пустыни».

«Брат просил авву Пимена: дай мне наставление. Старец говорит ему: когда горшок снизу подогревается огнем, то ни муха, ни иное какое пресмыкающееся не может прикоснуться к нему; когда же простывает, тогда они садятся на него. То же бывает и с монахом: доколе он пребывает в духовном делании, враг не может поразить его»[234].

«Некогда Паисий, брат аввы Пимена, завел знакомство с кем-то из другой кельи. Авве это не понравилось. Он прибежал к авве Аммону и говорит ему: брат мой Паисий завел с кем-то

знакомство; меня беспокоит это. Авва Аммон отвечал ему: Пимен! разве ты еще жив? пойди, сиди в своей келье и положи на сердце своем, что уже год, как ты в могиле»[235].

Во время, более близкое к нам, в прошлом веке святитель Игнатий Брянчанинов свидетельствовал о той же традиции: «Стяжи предвкушение адских мучений, чтобы при воспоминании о них душа твоя содрогнулась, отсеки от себя грех и припади к Богу в смиренной молитве <…> Бог помилует тебя и вместо ада введет тебя в рай»[236].

Преподобный Силуан был человеком гигантской силы духа и был способен вынести эту форму аскезы, доведенную до крайней степени, и не впасть при этом в отчаяние. Но надо отметить, что такая аскеза не для всех. Эта заповедь написана огнем. Каждому человеку нужна рассудительность, чтобы знать, до какой степени он может приблизиться к этому огню и не сгореть в нем, не впасть в отчаяние или даже в безумие, и как он может применить этот завет к своей жизни, к своим силам. Для большинства из нас это прежде всего означает жизнь в покаянии, обвинение в своих ошибках самого себя, искреннее произнесение слов: «Даруй ми зрети моя прегрешения, и не осуждати брата моего» (молитва преподобного Ефрема Сирина).

Путь покаяния необходим для всех, так как нет ни одного без греха; покаяние открывает нам врата милосердия. Нам всем необходимо пройти через огонь покаяния, чтобы достигнуть Божественного Света.

В 1932 г., спустя несколько лет после своего прибытия на Афон, отец Софроний пишет одному своему другу, иеромонаху Д., следующие строки: «Надо сознательно и изо всех своих сил держать ум во аде, это значит считать себя проклятым, недостойным Божественного милосердия, заслуживающим вечных адских мучений. Только когда душа сокрушится сознанием этого, она может надеяться на милосердие Бога и не отчаиваться. Как только ты смиришься до земли, Бог вознесет тебя до неба. Когда ты будешь считать себя достойным ада, рука Божия проведет тебя к созерцанию небесных благ, прочувственных и премысленных»[237].

Средства борьбы с демонами

Какие же в христианстве есть средства борьбы с демонами и победы над ними?

Первое средство есть призывание имени Божия. Именем Моим будут изгонять бесов (Мк. 16, 17), – сказал Господь. «От имени Иисусова трясется ад, колеблется преисподняя, тьмы князь исчезает. Сие имя есть сильное орудие на супостаты», – говорит святой Иоанн Лествичник. «Всегда именем Иисусовым бий ратники, крепчае бо сего орудия не обрящеши ни на небеси, ни на земли». «Доныне еще трепещут демоны при имени Христовом; сила сего имени не ослаблена и нашими пороками», – говорит святой Григорий Богослов. Авва Илия передает следующий рассказ: «Один старец жил в идольском капище. Однажды приходят к нему демоны и говорят: «Выйди из нашего места». Старец не хотел выйти. Демон, схватив его за руку, повлек насильно из капища. Когда же старец, приблизившись к дверям, ухватился за них и воскликнул: «Иисусе, помоги!», – демон тотчас исчез.

Второе средство – Животворящий Крест Христов. «Оружие на диавола Крест Твой, Господи, дал еси нам!» – воспевает Святая Церковь. «Трепещет бо и трясется, не терпя взирати на силу его». Даже сами демоны поневоле сознаются, что крестное знамение «связывает, палит их, как огонь, и далеко прогоняет». Преподобный Симеон Столпник, преподобная Феодора и другие святые крестным знамением прогоняли бесов. Но чтобы эта непобедимая, непостижимая, божественная сила Честного и Животворящего Креста не оставляла нас, грешных, для этого нужно употреблять крестное знамение не просто по обыкновению, по привычке, не с небрежением, как это часто мы делаем и потому лишаемся силы крестной, но с полным сознанием силы и важности Святого Креста, со страхом и благоговением, с сердечною и твердою верою в крестные заслуги Христовы и с воспоминанием страстей Христовых. «Должно изображать Крест не просто, одними перстами, – говорит святой Иоанн Златоуст, – но прежде начертать его в мысли, со всею верою… с воспоминанием всей силы Креста, всего крестного дела».

Третье оружие против демонов – молитва и пост. Христос Спаситель сказал: нечистый дух «не может выйти иначе, как от молитвы и поста» (Мк. 9, 29). «Кто молится с постом, – учит св. Златоуст, – то имеет два крыла легчайшие самого ветра; он быстрее огня и выше земли; потому-то таковой особенно является врагом и ратоборцем против демонов, так как нет сильнее человека, искренно молящегося и постящегося».

Святой Василий Великий о силе поста учит: «Пост – надежное ограждение души, оружие воюющим, он прогоняет искушения». На св. мученицу Иустину диавол делал частые нападения, но не мог победить праведницы. Однажды она стояла на молитве и во время молитвы почувствовала в сердце своем наплыв нечистых беззаконных пожеланий; удивлялась праведница такому в себе греховному движению и стыдилась такой нечистоты; но мудрая Иустина скоро поняла, что это искушение ей приходит от диавола: она начала поститься и молиться Господу Богу – и своими молитвами и постом посрамила и победила врага.

Четвертое средство – возможно частое приобщение Святых Христовых Тайн. В жизнеописаниях святых Божиих находим, что самое сильное средство к отгнанию бесов есть как возможно частое, от чистого сердца и усердия, приобщение Святых и Животворящих Тайн Христовых. О преподобном Иоанне Вострском повествуется, что этот святой муж спросил однажды бесов, мучивших отроковиц: «Из-за чего они боятся христиан?» Бесы отвечали: «У вас есть три великие вещи, коих мы боимся: одну вы носите у себя на шее (святой крест), другою вы омываетесь (святое крещение); третье вкушаете в церкви (святое причащение)». «Из сих трех которая для вас страшнее?» – спросил преподобный Иоанн. Они отвечали: «Если бы вы, христиане, хорошо умели хранить то, чего причащаетесь, то никто из нас не посмел бы подойти к вам».

Пятое средство борьбы и победы над диаволом есть смирение. Сам диавол некогда признавался святому Антонию, что он одним смирением побеждает его. «Когда святой Антоний, увидев распростертыми все сети диавола, – пишет святой Дорофей, – вздохнул и вопросил Бога: «Кто же избегнет их?» – тогда получил ответ: «Смирение избегает их». Однажды диавол явился некоторому пустыннику в образе светлого ангела и сказал ему: «Я Гавриил и послан к тебе от Бога». Пустынник возразил ему: «Смотри, не к другому ли ты послан; я недостоин видеть Ангелов как человек грешный». Диавол при этих словах исчез. Смирение ненавистно для диавола, потому что оно поставляет христианина на тот самый путь, которым шел Сам совершитель нашего спасения, Сын Божий, Господь наш Иисус Христос.

Шестое средство против демонов – стяжание дара рассуждения духовом (различения духов, – 1 Кор. 12, 10). Без него воздействие диавола легко можно принять за доброе внушение от Ангела или от Бога, как это и случалось со многими подвижниками. Некто, старец Ирон, подвизавшийся пятьдесят лет в пустыне, получил повеление от духа злобы, преобразившегося в светлого ангела, броситься в глубочайший ров, дабы опытом удостовериться, что он уже не подвержен никакой напасти по великим своим богоугодным добродетелям и трудам. Не различив в уме своем того, кто советовал это, он в полночь бросился в ров. На третий день по извлечении его из рва он умер. Некто, также принимая демона за Ангела, получил от него повеление принести Богу в жертву сына своего, по примеру Авраама. И совершил бы он это богопротивное повеление врага, если бы сын его не спасся бегством. Подобных примеров было немало. Этот дар различения духов подается Духом Святым (1 Кор. 12, 11) и приобретается чрез смирение. Но, прежде, нежели удостоится кто-либо дара различения, он не должен доверять своим помыслам или внушениям своего собственного сердца и разума, но все предлагать на суд руководителям, опытным в духовной жизни.

Седьмое могущественное средство в борьбе с демонами – препоясание чресл наших истиною, – т. е., так сказать, обложение себя кругом истинами христианского вероучения. Христианин, зная и содержа их в уме постоянно, пресечет врагу, нередко действующему чрез лжеучителей, самый доступ к себе, ибо он есть ложь и отец лжи и не может показываться там, где истина; христианину нужно облечься в броня (латы) правды (праведности или всяких правых, добрых и святых расположений сердца и самых дел); а в облеченного в нее, хотя и прокрадется какой-либо злой помысл вражеский, но худого воздействия не произведет в сердце; ему нужно обуть нозе с уготование благовествования мира, т. е. быть готовым к жизни по Евангелию, готовым на всякие жертвы и самую смерть из-за него, или быть в готовности благовествовать мир, или иначе истины евангельские; над всеми же, т. е. «поверх всех этих трех нужно надложить новый ряд орудий, поверх каждого особое: во-первых, восприять щит веры, иметь твердое и непоколебимое убеждение в святости, истинности и непреложности всего открытого нам Богом», или «детскую уверенность в Боге, столь тесно с Ним соединяющуюся, что она не разделяет себя от Него и Его от себя», «отчего она и всесильна, ибо в ней действующим является Сам Бог, Который и дает ее», – щит, в нем же (которым) возможем все стрелы лукавого разжжения (внутренние и внешние искушения, сильные и решительные, как бы последние усилия врага) угасити; во-вторых, – восприять и шлем (крепчайший покров головы со всех сторон) спасения, т. е. «сочетания с Господом Спасителем в таинствах, и именно, чрез частую исповедь и причащение», или научиться искусству во спасение, иметь мудрую и строжайшую осмотрительность и постоянное преуспеяние в христианской жизни, и в-третьих, – меч духовный, иже есть глагол Божий (Ефес. 6; 11, 14–17), т. е. богооткровенное слово.

«Восприять такой меч, значит, знать на память божественные изречения, и во время благопотребное износить их из сердца, наперекор внушениям диавольским (епископ Феофан), – «читать вслух изречения Слова Божия против всякой страсти». Особенно слова 67-го псалма: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его», как показывают опыты духовной жизни, оказы-

вают поразительно быстро действие на врагов нашего спасения, которые с быстротою молнии исчезали от христиан, с верою и благоговением произносивших эти слова. Святой Василий Великий говорит, что когда святые мужи спрашивали являвшегося к ним диавола, какой молитвы особенно боятся демоны, диавол отвечал им: «Нет столько страшного и прогоняющего нас слова, как начало псалма Давида шестьдесят седьмого». И действительно, как только произносили святые мужи начальные слова этого псалма: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его!»– диавол сию же минуту исчезал от них с воплем.

Восьмое могущественное оружие против демонов – помощь святых. Когда св. Андрей вступил на подвиг юродства, тогда сатана с такою силою напал на него с подвластными ему бесами, что Андрей думал, что для него настал последний час. И вот, находясь в отчаянном положении, он воскликнул: «Святый апостоле, Иоанне Богослове, помоги мне!» После этих слов ударил гром и послышался голос многих людей. И явился старец с грозными очами, лицо которого было почти так же светло, как солнце, явилось и множество людей с ним, одетых в ризы белые. И сказал старец с гневом к бывшим с ним: «Затворите врата, чтобы из бесов никто не мог убежать отсюда». И воля старца была исполнена. Затем, послышался голос бесовский: «Горе нам в час сей, в который мы так обманулись. Грозен Иоанн и жестоко хочет нас мучить». А за этими словами послышались уже и вопли бесовские: «Помилуй мя» и «помилуй нас». Потом, скрылись люди, одетые в белые ризы, исчезли также и демоны. Явившийся старец сказал Андрею: «Видишь, как я скоро пришел к тебе на помощь, и знай, что я весьма забочусь о тебе. Сам Бог повелел мне вести тебя ко спасению и пещись о тебе. Будь же терпелив и терпи без ропота все. Уже недалеко то время, когда получишь полную свободу и будешь ходить по своей воле везде, где тебе будет угодно». Андрей спросил: «Господин мой, скажи, кто ты?» Явившийся отвечал: «Я тот, который возлежал на честных персях Господа». И, сказавши это, скрылся от очей Андрея, который затем прославил явленную ему великую милость Божию.

Наконец, заклинательные молитвы Церкви – последнее могущественное средство против демонов.

Ангелы и демоны. – М., 1906.

Послесловие

«Большинство людей чуждо всякого понятия о духах, или имеет о них одно теоретическое, самое поверхностное, самое неясное и неопределенное понятие, почти равное совершенному незнанию.

В современном обществе человеческом, преимущественно в обществе образованном, многие сомневаются в существовании духов, многие отвергают его. Сомневаются в нем и отвергают его даже и те, которые признают существование души своей.

Странное сочетание взаимно противоречащих друг другу понятий! Если души существуют после разлучения их с телами то это самое уже значит, что существуют духи.

Существование их делается вполне ясным и очевидным для того, кто занялся правильным и подробным изучением христианства. Отвергающие существование духов непременно вместе с тем отвергают и христианство. «Для сего-то и явился Сын Божий, – говорит Священное Писание, – чтобы разрушить дела диавола», «дабы смертью лишить силы имеющего державу смерти, то есть диавола»[229].

Существование духов остается предметом темным для тех, которые не изучали христианства, или изучали его поверхностно, по букве, между тем, как Господом Иисусом Христом заповедано и установлено обучение христианству и проповедью его и соблюдением христианских заповедей (Мф. 28, 19–20).

Безрассудно же требование некоторых, чтобы результаты изучения христианства, его высокие и глубокие тайны были для них вполне ясны без всякого изучения христианства! Хотите знать тайны христианства? – Изучите его»[230].

«Итак, дьявол и бесы являются реальными, а не воображаемыми существами, которые представляют для нас большую и постоянную опасность. Хотя они не имеют власти над верующими во Христа, однако они пользуются греховностью людей, чтобы порабощать их и толкать на разные преступления. Поэтому надо всячески остерегаться грехов и стараться жить праведно и свято. Надо помнить, что падшие духи очень искусны в обольщении людей и обладают огромным опытом. Все свое время и усилия они направляют на то, чтобы отвести нас от Господа и погубить. Господь ограничивает их деятельность и защищает нас от их козней. Однако Он допускает им соблазнять нас ради нашей же духовной пользы, чтобы мы не ленились, а жили бдительно и росли духовно.

Человеку трудно представить, насколько свирепы и коварны падшие духи, насколько они неугомонны и изобретательны в соблазнении человека и в сеянии всякого зла. Но при всем этом они не смеют произвольно причинить зло кому-либо, поскольку он находится под покровом Всевышнего. Только когда человек своим греховным образом жизни удаляется от Бога и погружается во тьму неверия и страстей, он попадает под сферу влияния падших духов, которые порабощают его. Неверующие и грешники – это тот материал, та армия, которую дьявол использует для распространения соблазнов и зла в человеческом обществе и утверждения своего царства тьмы. Его царство, подобно бушующему морю, окружает нас со всех сторон и угрожает нашему спасению»[231].

Господь Иисус Христос вооружил нас рядом средств, которые привлекают к нам благодать Божию и отражают злых духов. Сюда входят, во-первых, молитва и призывание имени Христова. Мы научены ежедневно просить Небесного Отца: «Не ввел нас во искушение, но избави нас от лукавого (дьявола)». Многие молитвы, как, например, утренние и вечерние содержат прошения о сохранении от козней дьявола (смотри молитвенник). О силе Своего имени Господь сказал: «Именем Моим будете изгонять бесов» (Мк. 16, 19). Священное Писа-

ние и жития святых приводят бесчисленное множество примеров действенности имени Христова в изгнании демонов.

Многовековой опыт Церкви убеждает в том, что демоны не могут устоять против изображения святого креста и крестного знамения – они для них, как огонь для насекомых. Преп. Никита Скифат говорит на эту тему: «Бесы часто возмущают душевное чувство и отъемлют сон, но мужественная душа одним животворящим изображением Креста и призывом имени Иисуса Христа, с помощью Божией разрушает их призраки и обращает их самих в бегство[238].

Подобным образом и св. Иоанн Златоуст объясняет: «Не просто перстами должно изображать Крест, но с сердечным расположением и полной верой. Если так изобразишь его на лице твоем, то ни один из нечистых духов не сможет приблизиться к тебе, видя тот меч, которым он уязвлен и получил смертельную рану. Ведь, если мы с трепетом смотрим на места казни преступников, то представь, как ужасаются демоны, видя оружие, которым Христос разрушил всю силу их и отсек главу змию. Когда при нас Крест, тогда демоны уже не страшны и не опасны»[239].

С самых древних времен вошло в обычай христианам носить на себе нательный крестик.

Важно еще освятить свою квартиру. Иногда дом, в который мы переселились, может быть осквернен прежними жильцами, если они жили греховно, сквернословили, увлекались буйной музыкой и скверными кинофильмами или занимались оккультизмом. Нередко злые духи селятся в жилищах, где произошло убийство или самоубийство. Чтобы очистить свое жилище, следует окропить его святой водой, прочтя соответствующие молитвы, или еще лучше пригласить священника для освящения квартиры.

Вообще надо помнить, что демонов привлекает грех. Если, согрешив, мы не покаялись от всего сердца, то это дает демонам доступ к нам. Греховное состояние – это как туннель, через который они проникают к нашему подсознанию и влияют на нас. Поэтому, чтобы избавиться от их влияния, следует очистить себя искренним покаянием и исповедью, после чего следует с благоговением причаститься святых Христовых Таин. Тогда, войдя в нас, Господь, как всепопаляющий огонь, истребит всякую скверну и пресечет к нам доступ со стороны темных духов. Хорошо приучить себя регулярно причащаться, хотя бы раз в месяц, тогда мы постоянно будем носить в себе огонь благодати Божией. Христиане первых веков причащались каждое воскресенье.

На все эти средства, которые Господь Иисус Христос дал нам для спасения и привлечения Его благодати надо смотреть не как на магические формулы, а как на проводники милости Божией, подаваемые нам для укрепления веры и для утверждения в добродетельной жизни.

Господь Иисус Христос дал нам мощные средства для отражения злых духов: Свое Имя, молитву, Крест, святую воду и особенно Святое Причащение. Будем пользоваться этими средствами и жить для добра, пока достигнем тихой пристани Царства Небесного!

Библиография

Аверкий (Таушев), архиепископ. Современность в свете Слова Божия. Слова и речи. – Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь, 1975. – 468 с.

Александр (Милеант), епископ. У порога геенны огненной. – СПб., 1997. – 52 с.

Ангелы и демоны. – М., 1995. – 126 с.

Воробьевский Ю., Соболева Е. Пятый ангел вострубил. – М., 2003. – 448 с.

Григорий (Дьяченко), священник. Духовный мир. – М., 2006. – 672 с.

Евстратий (Голованский Иоанн Антонович). Явления злых духов в прошедшее и настоящее время. – Киев, 1871. – 234 с.

Ефрем Сирин, святой. Творения иже во святых Отца нашего Ефрема Сирина. Писания духовно-нравственные. – Сергиев Посад, 1907. – 708 с.

Зеньковский В.В., протоиерей. Апологетика. – М., 2004. – 541 с.

Игнатий (Брянчанинов), святитель. Слово чувственном и духовном видении духов. – СПб., 1886. – 103 с.

Иларион (Алфеев Григорий Валериевич), епископ. О диаволе и демонах. – www. [Электронный ресурс]. URL: www.hilarion.ru/2010/02/24/914 (дата обращения: 03.12.2011).

Иоанн (Крестьянкин), архимандрит. О смертоносном бытии диавола. – М.: Сретенский м-рь, 1996. – 15 с.

Иустин (Полянский), епископ. Преподобный и богоносный отец наш Нил, подвижник Сорский, и устав его о скитской жизни. – М., 1902. – 79 с.

Лазарь (Абашидзе), архимандрит. О тайных недугах души. – М.: Московское подворье Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1995. – 187 с.

Лодыженский М. В. Темная сила. – СПб., 1914. – 296 с.

Марк, игумен. Злые духи и их влияние на людей. – СПб., 1899. – 180 с.

Никодим Святогорец, преподобный. Невидимая брань. – М., 2002. – 239 с.

Об ужасах и искушениях, какие душа может испытывать при переходе своем в жизнь загробную. – СПб., 1864. – 29 с.

Пантелеимон (Ледин), иеромонах. Невидимая битва. Козни бесовские против человека. – М.: Благовест, 2001. – 133 с.

Пархоменко К., священник. Вселение и изгнание дьявола. – СПб.: «Нева», 2002. – 126 с.

Светлов П., священник. Опыт апологетического изложения православного христианского вероучения. Т. I. – СПб. 1896. – 542 с.

Флоринский Ф. В. Рассуждение об участии злых духов в грехопадениях человеческих. – М., 1838. – 112 с.

Примечания

[1] Александр (Милеант), епископ. У порога геенны огненной. – СПб., 1997. – С. 1–2.

[2] Дьявол и его нынешние лжечудеса и лжепророки. – М.: Даниловский благовестник, 1996. – С. 5.

[3] Преп. Симеон Новый Богослов. Умное делание. О молитве Иисусовой. Сборник поучений святых отцов и опытных ее делателей. – Изд-во Валаамского монастыря. 1936. – С. 136–137.

[4] В тот момент, когда священник просит дунуть и плюнуть на диавола.

[5] Пархоменко К. (свящ.) Вселение и изгнание дьявола. – М.: Нева, 2002. С. 20.

[6] Шмеман А. (протопресв.). Водою и Духом. – М. 1993. – С. 34.

[7] Воробьевский Ю., Соболева Е. Пятый ангел вострубил. – М., 2003. – С. 331–333.

[8] Величко В. Владимир Соловьев. Жизнь и творения. – СПб., 1904. – С. 168–169.

[9] ср.: Откр. 12, 9 и 12; 1 Пет. 5, 8.

[10] см.: Лк. 13, 11–16; Мф. 8, 28; Мк. 5, 4; Мф. 17, 15.

[11] Добротолюбие. Т. 2. – М. 1905. – С. 67.

[12] Добротолюбие. Т. 2. – М. 1905. – С. 257.

[13] Добротолюбие. Т. 2. – М. 1905. – С. 67–68.

[14] Добротолюбие. Т. 2. – М. 1905. – С. 620–621.

[15] Ин. 3, 15.

[16] Попов И. В. Религиозный идеал Афанасия Александрийского. – Сергиев Посад, 1904. – С. 80.

[17] Игнатий (Брянчанинов), святитель. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: в 6 т. 3-е изд. Т. 5. – СПб., 1905. – С. 315.

[18] Писания преп. отца Иоанна Кассиана Римлянина. – М. 1892. – С. 446.

[19] Добротолюбие. Т. 1. – М. 1905. – С. 348.

[20] Добротолюбие. Т. 2. – М. 1905. – С. 253.

[21] Там же. С. 254.

[22] Добротолюбие. Т. 3. – М. 1905. – С. 211.

[23] Добротолюбие. Т. 5. – М. 1905. – С.212.

[24] Собрание писем святителя Феофана. – М., 1900. – С. 26–27.

[25] Добротолюбие. Т. 2. – М. 1905. – С. 685.

[26] Добротолюбие. Т. 3. – М. 1905. – С. 99.

[27] Писания преп. отца Иоанна Кассиана Римлянина. – М. 1892. – С. 446.

[28] Ин. 8, 44.

[29] Еф. 6, 11–12.

[30] Лк. 11, 21. 22.

[31] 1 Пет. 5, 8.

[32] Христианское чтение. 1825, 19.

[33] 1 Пет. 1, 10–11.

[34] 1 Пет. 5, 8.

[35] 2 Кор. 12, 9.

[36] 1 Тим. 4, 1.

[37] Мф. 13, 25.

[38] Ин. 8, 44.

[39] Деян. 26, 18.

[40] Ин. 16, 11.

[41] 1 Пет. 5, 8–9.

[42] Еф. 6, 12.

[43] Еф. 6, 11.

[44] 2 Кор. 4, 4.

[45] Лк. 8, 12.

[46] Ин. 13, 2.

[47] Деян. 5, 3.

[48] 1 Пет. 5, 8.

[49] Мф. 28, 20.

[50] Ин. 14, 26; 16, 13.

[51] Мф. 18, 17–18.

[52] Молитва об оглашенных. Запрещение первое.

[53] Молитва об оглашенных. Запрещение второе.

[54] Молитва об оглашенных. Запрещение третье.

[55] Молитва четвертая.

[56] Добротолюбие. Т. 1. – М. 1905. – С. 32.

[57] Симеон Новый Богослов. Слова преподобного Симеона, Нового Богослова // В переводе на рус. яз. с новогреч. еп. Феофана. Выпуск 1. – М., 1882 – С. 206.

[58] Собрание писем святителя Феофана. – М., 1900. – С. 3.

[59] Собрание писем святителя Феофана. – М., 1900. – С. 158–159.

[60] Собрание писем святителя Феофана. – М., 1900. – С. 156.

[61] Симеон Новый Богослов. Слова преподобного Симеона, Нового Богослова // В переводе на рус. яз. с новогреч. еп. Феофана. Выпуск 1. – М., 1882. – С. 222.

[62] Собрание писем святителя Феофана. – М., 1900. – С. 208.

[63] Добротолюбие. Т. 2. – М. 1905. – С. 663.

[64] Собрание писем святителя Феофана. – М., 1900. – С. 208.

[65] Лодыженский М. В. Мистическая трилогия. Темная сила. Т. 2. – СПб., 1914. – С. 250.

[66] Леонид Андреев. Полное собрание сочинений в восьми томах. Т. 2. – СПб., 1913. – С. 103.

[67] Там же. С. 104.

[68] Там же. С. 120.

[69] Там же. С. 121.

[70] 2 Кор. 4, 4.

[71] 1 Пар. 21, 1.

[72] Ин. 8, 44.

[73] 2 Кор. 11, 14.

[74] Макарий Великий. Слова. Слово 7. О свободе ума. – СПб., 1817.

[75] Нил Сорский. Нила Сорского предание и устав. Слово 1. – СПб., 1912.

[76] Деян. 5, 3.

[77] Мф. 4, 3.

[78] Мф. 4, 6.

[79] Мф. 4, 9.

[80] Слово 1.

[81] Ин. 8, 44.

[82] Ин. 4, 7.

[83] 1 Пар. 21, 1.

[84] Ин. 13, 2.

[85] Макарий Великий. Слова. Слово 7. О свободе ума. – СПб., 1817.

[86] Дроздов И.Н. Святой Лев Великий, его жизнь и творения. Дроздов И.Н. – Харьков, 1898.

[87] 1 Кор. 7, 5.

[88] Деян. 5, 3.

[89] Ин. 13, 2.

[90] 3 Цар. 21; 2, 14, 15.

[91] Ис. 14, 14.

[92] Лк. 18, 11. 12.

[93] Иов. 1, 9; Иов. 2, 4–10.

[94] Откр. 2, 10.

[95] Исх. 7, 11; Исх. 12, 22.

[96] Изречения Египетских отцов. Памятники литературы на коптском языке. – СПб.: Алетейя. 2001. – С. 54.

[97] Изречения Египетских отцов. Памятники литературы на коптском языке. – СПб.: Алетейя. 2001. – С. 49.

[98] Пархоменко К., священник. Вселение и изгнание дьявола. – СПб.: Нева, 2002. – С. 15.

[99] Добротолюбие. Т. 3. – М. 1905. – С. 418.

[100] Лодыженский М. В. Свет Незримый. – СПб., 1915.

[101] Иоанн Лествичник. Лествица. Слово 26, 8.

[102] Иоанн Лествичник. Лествица. Слово 26, 58.

[103] Епископ Игнатий Брянчанинов. Творения в 8 т. Т. 4, письмо 7. – М. 2003. – С. 437.

[104] Евстратий (Голованский Иоанн Антонович). Явления злых духов в прошедшее и настоящее время. – Киев, 1871.

[105] Мои келейные записки. Рассказы Святогорца. – М., 1996. – С. 18–19.

[106] Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: в 6 т. Т. 3. – 3-е изд. – СПб., 1905. – С. 275.

[107] Лодыженский М. В. Темная сила. – СПб., 1914.

[108] Воскресное чтение. 1855–1856 гг., 16.

[109] Филарет (Гумилевский Димитрий Григорьевич), архиепископ. Жития святых (на русском языке), чтимых православною Церковью со сведениями о праздниках Господних и Богородичных и о явленных чудотворных иконах с дополн. из других. – СПб, 1900. – С. 97.

[110] Симеон Новый Богослов. Слова преподобного Симеона, Нового Богослова // В переводе на рус. яз. с новогреч. еп. Феофана. Выпуск 2. – М., 1882. – С. 177 и 178.

[111] Добротолюбие. Т. 1. – М. 1905. – С. 33.

[112] Творения иже во святых отца нашего аввы Исаака Сириянина, подвижника и отшельника, бывшаго епископом христолюбиваго града Неневии. Слова подвижнические. – Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1911. – С. 37.

[113] Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: в 6 т. Т. 3. – 3-е изд. – СПб., 1905. – С. 24, 54 и 301.

[114] Никанор (Каменский Н. Т.) Св. Афанасий великий архиеп. Александрийский и его избранные творения. – СПб., 1893. – С. 283.

[115] Как видно из биографии Антония, он был неграмотный.

[116] Никанор (Каменский Н. Т.). Св. Афанасий великий архиеп. Александрийский и его избранные творения. – СПб., 1893. – С. 297.

[117] Попов И. В. Религиозный идеал св. Афанасия Александрийского. – Сергиев Посад, 1904. – С. 58.

[118] Четьи-Минеи. Книга II. С 286.

[119] Эти эпизоды из жизни св. Мартина записаны его учеником Севером Сульпицием, одним из наиболее образованных древних писателей Западной Церкви.

[120] Киево-Печерский Патерик. Перевод Поселянина. – М., 1911. – С. 224.

[121] Добротолюбие. Т. 2. – М. 1905. – С. 215.

[122] Добротолюбие. Т. 5. – М. 1905. – С. 464.

[123] Добротолюбие. Т. 5. – М. 1905. – С. 233–234.

[124] Четьи-Минеи. Книга первая. СС. 517–518.

[125] Там же. С. 523.

[126] Вопросы философии и психологии. Ноябрь, декабрь 1906 года. С. 417–418.

[127] Четьи-Минеи, кн. 5. С. 74–75.

[128] Добротолюбие. Т. 1. – М. 1905. – С. 22.

[129] Евр. 5, 14.

[130] Чис. 22, 31.

[131] 4 Цар. 6, 17–20.

[132] Лк. 24, 16–31.

[133] Творения иже во святых отца нашего аввы Исаака Сириянина, подвижника и отшельника, бывшаго епископом христолюбиваго града Неневии. Слова подвижнические. – Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1911.

[134] Макарий Великий. Духовные беседы, послание и слова, с присовокуплением сведений о жизни его и писаниях. Беседа 8, глава 6. – М., 1852.

[135] Лествицы Слово 3, о сониях.

[136] Четьи-Минеи, смотри житие Василия Великого 1 января, Повесть о Феофиле, падшем и покаявшемся, июня в 23 день.

[137] Преподобного отца нашего Исаака Сирина слова подвижнические. – Сергиев Посад, 1911.

[138] Иов. 1, 7.

[139] Быт. 3, 14.

[140] Макарий Великий. Слова. Слово 4. – СПб., 1817.

[141] Маронитский месяцеслов. Sancti Antonii magni opera, Patrologiae Graecae, Tom 40, pag. 960.

[142] Historia Lavsaika cap 28. Patrologiae Graecae, Tom 34.

[143] Еф. 6, 12.

[144] Patrologiae Graecae. Tom 26. Vita S. Antonii pag. 873, 874–907, 908.

[145] 2 Кор. 2, 11.

[146] Иов. 41, 11–13.

[147] Иов. 41; 18, 23, 24.

[148] Исх. 15, 9.

[149] Ис. 10, 14.

[150] Авв. 2, 15.

[151] Пс. 49, 16.

[152] Пс. 37, 14.

[153] Ин. 8, 44.

[154] Ковы – хитрость, коварство, лукавство.

[155] 4 Цар. 19, 35.

[156] Иов. 1, 15–22; 2, 1–17.

[157] Мф. 8; 8, 31.

[158] Лк. 10, 19.

[159] Patrologsiae Graecae T.24. S.Athanasii. T.2.Vita S. Antonii. pag. 889–890. – Ei Ceptoteroiz kromenoi pomati mallon twn anqrópwn и проч.

[160] 2 Цар. 18, 24.

[161] 4 Цар. 5, 26.

[162] 4 Цар. 6, 17.

[163] Ис. 42, 2.

[164] Лк. 1, 13.

[165] Мф. 28, 5.

[166] Лк. 2, 10.

[167] Втор. 13, 4.

[168] Лк. 10, 20.

[169] Мф. 7, 22–23.

[170] 2 Кор. 12, 11.

[171] Пс. 19, 8.

[172] Пс. 37, 14.

[173] Рим. 8, 35.

[174] Лк. 10, 18.

[175] 1 Кор. 4, 6.

[176] Пс. 9, 7.

[177] Иисус Навин 5, 13.

[178] Дан. 10, 20.

[179] Слово 55.

[180] Четьи-Минеи, житие преподобного Исаакия, 14 февраля, житие преподобного Никиты, 31 января.

[181] 1 Пет. 5, 8.

[182] Четьи-Минеи 1 сентября.

[183] Макарий Великий. Духовные беседы, послание и слова, с присовокуплением сведений о жизни его и писаниях. Беседа 25, глава 3. – М., 1852.

[184] Гл. 73. «Добротолюбие», ч. 2.

[185] Мф. 24, 5.

[186] Дмение – напыщенность, гордость, киченье, спесь, чванство.

[187] последняя из глав зело полезных преподобного Григория Синаита. Добротолюбие, часть 1.

[188] Мф. 7; 16, 20.

[189] Евр. 5, 14.

[190] 1 Кор. 9, 22.

[191] Макарий Великий. Слова. Слово 7, гл.7.– СПб., 1817.

[192] Мф. 4, 11.

[193] Лествица, слово 27; преподобного Нила Сорского, слово 11; Пролог, января в 9 день, о монахе, прельщенном бесами; житие преподобного Никиты Печерского, Четьи-Минеи, 31 января.

[194] Преподобный Нил Сорский, Слово 11.

[195] 1 Цар. 16, 14–15.

[196] Мф. 8, 29. Мк. 1, 24.

[197] Мф. 12, 24–29.

[198] Лк. 10, 17.

[199] Мк. 16, 17.

[200] Sust Dialog. Cum supplem. Tertul de corana militis, c. 11 A. Apolog. c. 23 cyp ad Dimetrian, etc. Minutius, in Octavio, etc.

[201] Advers. gentes 1, 1/ 27 Ausgave um jahre 16–51.

[202] Ad Demetrianum p. 221. ausgab von jahr 1726.

[203] De incorn verbi Dei p. 48.

[204] Apotgeloicum. c. 23.

[205] Lehoger. L. Bior. Des spectres. c. 2. p. 22.

[206] Мария Терезия (Maria Theresia) (1717–1780), эрцгерцогиня Австрии, королева Венгрии и Чехии.

[207] Biograph fe II. H.

[208] Omne qenus morbirum maleficus inferri posse supirius affensum est (ibid. p. 158).

[209] Там же. С. 154.

[210] Фернель Жан (Fernel) – французский математик, астроном и врач (1497–1558).

[211] De rationibus medicorum. LII. c. 2. p. 157, 158.

[212] Соч. Димитрия Ростовского. Часть 1. стр. 821.

[213] Обычный прием демонов выдавать себя за душу умершего человека. Это широко применяется со стороны злых духов на спиритических сеансах, дабы чрез это обольстить людей. (прот. Гр. Дьяченко).

[214] Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Т. 1, С. 80.

[215] Гейман В. По градам и весям родной земли. – СПб., 1910. – С. 38–39.

[216] Бехтерев В. М. Невропатологические и психиатрические наблюдения. – СПб., 1910. – С. 19.

[217] Лодыженский М. В. Мистическая сила. Т. 3. Темная сила. – СПб., 1915.

[218] 1 Пет. 5, 8.

[219] 1 Кор. 3, 10.

[220] 1 Пет. 3, 4

[221] Домашние беседы. – М., 1863. Сентябрь. – С. 209.

[222] Преподобный Пимен Великий (340–450). День памяти – 27 августа.

[223] Лк. 22, 31.

[224] 2 Кор. 12, 7.

[225] Мф. 11, 12.

[226] Сир. 2, 1–2.

[227] Евр. 12, 8.

[228] Воскресное чтение, 1841, № 50. С. 248–251.

[229] 1 Ин. 3, 8; Евр. 2, 14.

[230] Игнатий (Брянчанинов), святитель. Слово чувственном и духовном видении духов. – СПб., 1886.

[231] Александр (Милеант), епископ. У порога геенны огненной. – СПб., 1997.

[232] Архимандрит Софроний (Сахаров). Преподобный Силуан Афонский. – Эссекс: Монастырь святого Иоанна Предтечи, 1990. – С. 18.

[233] Там же. С. 127.

[234] Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. – Сергиев Посад, 1993. – С. 150.

[235] Там же. С 132.

[236] Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: в 6 т. Т. 5. – 3-е изд. – СПб., 1905.

[237] Архимандрит Симеон (Брюшвайлер) – духовник монастыря святого Иоанна Предтечи (Великобритания, Эссекс), президент Ассоциации преподобного Силуана Афонского. Доклад прочитан на первом пленарном заседании ассоциации 8 октября 1994 г. в православном центре Вселенского Патриархата в Шамбези (Женева). Опубликован в: Buisson Ardent: Cahiers Saint-Silouane l'Athonite. Vol. 1. Pully, 1995, перевод с французского Н. Аникиной, «Альфа и Омега» № 1(27), 2001. М., 2003, сс. 156–166.

[238] Добротолюбие. Т. 2. – М. 1905. – С. 118.

[239] Иоанн Златоуст. Иже во святых Иоанна Златоустого беседы на Евангелие от Иоанна Богослова. Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие. – СПб., 1902. – С. 432–433.